

18+

Перфекционистки

Хорошие девочки

Смертельно очаровательны...

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
THE NEW YORK TIMES «МИЛЫЕ ОБМАНЩИЦЫ»

САРА ШЕПАРД

Annotation

Ава, Кейтлин, Маккензи, Джулия и Паркер всегда добиваются цели. Каждая из них – само совершенство. Но не все их поступки достойны похвалы. Иногда, чтобы достичь желаемого, им приходилось сворачивать с прямого пути. И каждый раз в этом был виноват Нолан Хотчкисс – школьный плейбой и тиран. Подруги составляют идеальный план его убийства... Разумеется, в шутку!

Но вскоре Нолана находят мертвым, а сценарий его убийства в мельчайших деталях совпадает с тем, что придумали они. Сразу после его смерти в их идеальный мир вторгается шантажист. И, как будто этого мало, погибает тот, кого они планировали убить после Нолана. Что будет, если они не найдут настоящего убийцу? Неужели погибнут все, чьи имена они назвали, дурачась?

- [Сара Шепард](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Сара Шепард

Перфекционистки. Хорошие девочки

Sara Shepard

THE PERFECTIONISTS

The Good Girls

Published by arrangement with Rights People, London.

Produced by Alloy Entertainment, LLC

Copyright © 2015 by Alloy Entertainment and Sara Shepard

© П. Киселева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

«Он заслуживает наказания»

Так все и начинается – с подобных простых фраз. Такое можно сказать о бойфренде, который разбил твое сердце, когда поцеловал противную новенькую. Или о бывшей лучшей подруге, которая распустила о тебе лживые слухи. Или о том, кто зашел слишком далеко с какой-нибудь дурацкой шуткой. Ты злишься, обижаешься, и в глубине души хочешь только одного – свести счеты.

Разумеется, это не значит, что ты действительно собираешься так поступить. Можно сколько угодно фантазировать об исполнении своих самых потаенных желаний... но ведь ты хороший человек. Ты никогда не делаешь того, о чем мечтала. Однако, как узнали пятеро наших героинь, иногда даже фантазии о мести приводят к серьезным последствиям – а иногда и к убийству.

Иными словами, бойтесь своих желаний. Ведь порой все случается именно так, как вам хотелось.

Самый обычный кабинет в самой обычной средней школе в самом обычном городке Бэкон Хайтс в штате Вашингтон. Тридцать человек сидят в темноте, уставившись на экран телевизора: «Конец фильма». Они только что посмотрели детектив «И никого не стало» – старый черно-белый фильм о справедливости, наказании и убийстве. Шел урок киноведения. Этот популярный в Бэкон Хайтс курс вел всеми любимый учитель, и, как считало большинство девочек, сногшибательный мужчина – мистер Грейнджер.

Включив свет, Грейнджер самодовольно улыбнулся, словно говорил: «Я красивый и умный, и вы должны меня боготворить».

– Здорово, правда? – сказал мистер Грейнджер и поделил класс на группы. – Обсуждаем. В чем, по-вашему, истинный смысл фильма? Набирайте идеи для сочинений.

Грейнджер задавал сочинение на свободную тему после каждого просмотренного фильма. На первый взгляд, проще простого, но система оценок у него была жесточайшая, как, впрочем, и у всех остальных учителей в Бэкон Хайтс, где царил острая конкуренция. Так что групповые дискуссии, на которых обсуждались темы работ, имели огромное значение.

В дальнем конце класса сидит Джулия Реддинг – признанная королева школы, окруженная девушками, большинство из которых она едва знает.

Впрочем, кое-что о них ей известно. Вот музыкальный вундеркинд Маккензи Райт – говорят, она играла на одной сцене с самим Йо-Йо Ма. Напротив – красотка Ава Джалали, которая подрабатывает моделью и даже засветилась в журнале *Glamour*, где ее назвали «иконкой уличной моды». А вот звезда школьного футбола Кейтлин Мартелл-Льюис – дерганая, будто загнанный в клетку дикий зверь. Рядом с Джулией сидит единственная девушка в группе, которую она хорошо знает – ее лучшая подруга Паркер Дюваль, чьи таланты на данный момент исчерпываются умением выживать в роли школьного изгоя. Пока девушки еще плохо знают друг друга, но вскоре им предстоит познакомиться ближе.

Сначала они обсуждали фильм, в котором рассказывалось об убийстве людей, совершавших всякие ужасные вещи – было ли это справедливым наказанием или все-таки убийством? Вдруг Паркер глубоко вздохнула.

– Я знаю, что это не совсем нормально, – тихо сказала она, – но иногда мне кажется, что судья в фильме был прав. Некоторые люди и правда заслуживают наказания.

Девушки ошеломленно переглянулись, но тут заговорила Джулия, как всегда бросившаяся на помощь Паркер.

– Ну правда же, – вмешалась она. – Я вот точно знаю людей, которые заслуживают наказания. В моем списке первым номером идет отец Паркер. Судья слишком мягко с ним обошелся. – Джулия все душой ненавидела отца Паркер за то, что он сделал с ее подругой. Лицо Паркер до сих пор было покрыто шрамами. После той жуткой ночи из самой популярной девушки школы она превратилась в белую ворону, несчастную и всеми отвергнутую. Паркер даже не пыталась вернуть потерянных друзей – хотя, возможно, ей было проще отгородиться от всех, чем показать, насколько ей плохо.

Паркер кивнула Джулии, и та ободряюще сжала руку подруги. Она знала, что Паркер тяжело говорить об отце.

– Или вот Эшли Фергюсон, – вставила Паркер, заставив Джулию поморщиться. Эшли училась в предпоследнем классе их школы и из кожи вон лезла, чтобы во всем походить на Джулию: покупала точно такую же одежду, ретвитила все ее посты и даже выкрасила волосы в тот же цвет. Все это уже начинало ее пугать.

Остальные девушки заерзали на стульях. Они и сами не понимали, нравится им происходящее или нет, но ощущали знакомое любому подростку непреодолимое стремление быть как все.

Маккензи кашлянула.

– Э-э... я бы, пожалуй, выбрала Клэр.

– Клэр Колдуэлл? – Ава Джалали уставилась на нее во все глаза. Остальные были удивлены не меньше: разве Клэр – не лучшая подруга Маккензи? Но Маккензи лишь пожала плечами. Должно быть, у нее есть свои причины ненавидеть Клэр, подумала Джулия. У каждого есть секреты.

Ава постукивала ярко-красными ноготками по парте.

– Тогда я бы выбрала папину новую жену, Лесли, – решила наконец она. – Она... отвратительная.

– Но как бы ты это сделала? – настойчиво спросила Паркер, подавшись вперед. – Вот, скажем, Эшли могла бы поскользнуться в душе, намывая свои крашенные патлы. Если бы вы задумали идеальное преступление, как бы вы это сделали? – Она обвела взглядом всех девочек по очереди.

Ава сосредоточенно нахмурила брови.

– Ну, Лесли вечно напивается, – медленно проговорила она. – Пожалуй, она бы могла свалиться с балкона после своей ежевечерней бутылки шардоне.

Паркер глянула на Маккензи:

– А ты? Как бы ты убрала Клэр?

– Ой, – пискнула музыкантша. – Ну... наверное, сбила бы машиной. Обставила бы все как несчастный случай. – Она потянулась к бутылке с водой, сделала нервный глоток и оглядела класс. Клэр сидела в том же кабинете... но ей, похоже, не было до них никакого дела. Только мистер Грейнджер посматривал на них из-за своего стола. Но когда Маккензи встретилась с ним взглядами, он улыбнулся и опустил глаза на желтый линованный блокнот, в котором вел свои записи.

– А отца Паркер могли бы прикончить на тюремном дворе, – тихо вставила Джулия. – Такое ведь случается сплошь и рядом, верно?

Кейтлин, которая за все это время не произнесла ни слова, придвинулась ближе к остальным.

– Знаете, от кого бы избавилась я? – внезапно сказала она и окинула взглядом весь класс, сперва глянув на первую группу, потом на мистера Грейнджера, который снова посматривал на них, и, наконец, на парня из третьей группы. Вообще говоря, это был самый симпатичный парень в классе. Но его красивые губы были изогнуты в жестокой улыбке, а глаза недобро сощурились.

Нолан Хотчкисс.

– От него, – мрачно сказала Кейтлин.

Остальные судорожно вздохнули. Всем было очевидно, за что Кейтлин

так ненавидит Нолана: все дело в трагической смерти ее брата, которого Нолан своими издевательствами довел до нервного срыва.

В памяти каждой из девушек всплывали собственные обиды на Нолана. Он пустил гадкие слухи про Аву, когда та рассталась с ним в прошлом году. Маккензи покраснела, вспомнив, как купилась на его уговоры и отправила ему свои неприличные фотографии. Джулия ненавидела Нолана по той же причине, что и Паркер: если бы он не накачал Паркер наркотой в ту ночь, возможно, отец не изуродовал бы ее лицо. Возможно, Паркер сейчас была бы прежней – светящейся, счастливой и полной жизни.

Так и есть, думала каждая из них: мир и правда стал бы лучше без Нолана. Он был чудовищем, не только для них, но и для всего Бэкона. Но даже думать о подобных вещах казалось опасным. Нолан мог бы уничтожить любую из них одним щелчком пальцев – что он, собственно, уже и сделал.

– И как бы ты за это взялась? – спросила Ава, опустив глаза. – Ну... если бы решила его убить?

И они принялись планировать – просто ради развлечения. Придумали орудие убийства – цианид, как в старом фильме. Но они, конечно, не собирались исполнить этот план.

Но потом им пришло в голову кое-что, что можно сделать на самом деле – поиздеваться над Ноланом. Подмешать ему в пиво его любимый оксиконтин, а когда он вырубится, написать маркером всякие гадости у него на лице и потом слить фото в интернет. Выставить его идиотом – так же, как он поступил с ними.

В какой-то момент Нолан посмотрел в сторону девушек, подняв бровь. Он обвел их взглядом, а потом закатил глаза и снова повернулся к своей группе. Очевидно, он считал, что волноваться ему не о чем.

Но в том-то все и дело: волноваться стоило. Потому что неделю спустя Нолан умер – отравился цианидом. Именно так, как планировали его одноклассницы.

После смерти Нолана девушки принялись звонить друг другу, переговариваясь паническим шепотом. Что случилось? Они ведь всего лишь подсунули ему одну таблетку окси и написали всякую ерунду у него на лице. Каким образом в его организм попал цианид? Мы здесь ни при чем, говорили они друг другу. Мы хорошие девочки, все до единой. Мы не убийцы.

Но невозможно было удержаться от мысли: неужели кто-то подслушал их тогда в классе и решил воспользоваться их планом? Кто-то, кто тоже

ненавидел Нолана? Это и впрямь было идеальным преступлением: Нолан мертв, а подозрение падает на них.

Сперва девушки подумали на мистера Грейнджера. Может, они не заметили, как тот внимательно следил за ними в классе в тот день? Но когда самого мистера Грейнджера нашли мертвым, эта версия развалилась. Убийцей был кто-то другой.

Но как далеко готов зайти этот другой? Что насчет остальных имен из их списка?

И что если следующей станет одна из них?

В воскресенье утром Маккензи Райт стояла у входа в полицейский участок Бэкон Хайтс, угрюмо глядя на тротуар. Небо затянули низкие грозовые тучи. На парковке стояли в ряд шесть патрульных машин. Остальные девочки из группы киноведения уже уехали – кто с родителями, кто сам по себе. Родители Мак должны были заехать за ней с минуты на минуту.

Будто подчинившись ее мысленному зову, на парковке показался родительский седан. В животе у Мак екнуло. Утром ее подвезла Ава, но после звонка из полиции родители настояли, что заберут ее сами. Мак боялась и представить, как ее семья восприняла новость о том, что она вломилась в дом учителя, которого убили прошлой ночью – закололи его же кухонным ножом. Она, Маккензи Райт, первая виолончель школьного оркестра, подозревается в убийстве!

Машина замедлила ход, и ее мать выскочила с пассажирского сиденья, стиснув Маккензи в объятиях. Мак напряглась, удивленная такой реакцией.

– С тобой все в порядке? – сквозь всхлипы спросила миссис Райт, уткнувшись в плечо дочери.

– Вроде да, – ответила Мак.

Отец тоже выскочил из машины.

– Мы примчались, как только смогли. Что случилось? Полиция говорит, ты залезла в чей-то дом? И там произошло убийство? Да во что превращается этот город?

Мак глубоко вздохнула и произнесла текст, который репетировала последние пять минут.

– Это все одно большое недоразумение, – медленно проговорила она – Мы с друзьями думали, что кое-что знаем о смерти Нолана Хотчкисса. Потому и пришли в полицию. Но потом... в общем, потом все как-то запуталось.

Отец нахмурился.

– Так это правда или нет: ты действительно залезла в дом учителя?

Мак судорожно сглотнула. Именно этой части она боялась больше всего.

– Мы думали, он дома. Дверь была открыта. У нас были к нему кое-какие вопросы по поводу смерти Нолана.

Мак опустила глаза. Родители были в курсе, кто такой Нолан Хотчкисс, еще до его смерти: этого парня знал весь город. Семья Хотчкисс была богатой и влиятельной, даже по меркам гламурного и идеального мира Бэкон Хайтс. Вот только родители не знали, что он значил для Мак. Не так давно он пару раз пригласил ее на свидание. Ухаживал за ней, осыпал комплиментами, скрашивал ее унылое существование. Когда он попросил прислать ему пару фотографий, она, ни на секунду не задумавшись, уселась за свою виолончель и принялась фотографироваться.

А потом оказалось, что эти фотографии ему нужны были, только чтобы выиграть спор, о чем Маккензи догадалась, когда он подъехал к ее дому с друзьями и, хохоча, швырнул ей в лицо пачку денег. Есть такое выражение – унижительный кошмар?

Хуже того, полиция нашла эти фото в телефоне Нолана и сочла, что они вполне могли быть мотивом убийства. Пока ничего не доказано, но все равно дела плохи.

Потому-то Маккензи с девочками и отправились в дом Грейнджера – в попытке снять подозрения с самих себя. Они знали, что Нолану было кое-что известно про Грейнджера – кое-что очень серьезное, – и решили, что учитель мог убить ученика, чтобы тот не разболтал его тайну.

Миссис Райт отстранилась от Мак.

– Ты всерьез думала, что твой учитель причастен к смерти Нолана? Что это за учитель такой?

– Так себе учитель. – Мак поморщилась при мысли о том, что Грейнджер крутил шашни с целой кучей учениц: именно в этом и заключалась страшная тайна, которую узнал Нолан. Они это выяснили, когда Ава обнаружила сообщение с угрозами от Нолана в телефоне Грейнджера. Ах да, к Аве Грейнджер тоже пытался подкатывать.

Порывшись в вещах Грейнджера и обнаружив веские доказательства того, что Нолан шантажировал учителя, девочки все вместе отправились в полицию. Но там их встретил вовсе не такой теплый прием, как они рассчитывали. Грейнджера убили спустя несколько минут после их ухода. А бойфренд Авы – возможно, уже бывший – видел, как они выбегают из учительского дома, и позвонил копам.

Маккензи вспомнился недавний разговор с подругами. «Это Грейнджер убил Нолана? – спросила Кейтлин. – Или убийца Нолана убил и Грейнджера и опять свалил все на нас?» Ответа на этот вопрос ни у кого не было. Все складывалось очень логично, пока они считали, что Нолана убил Грейнджер, но теперь было ясно, что дело куда сложнее, чем им казалось.

Отец обхватил Мак рукой и притянул к себе, возвращая к реальности.

– Что ж, мы тебе верим, и мы все уладим, – сказал он. – Я уже позвонил старому приятелю-адвокату. Мне просто жаль, что так случилось, особенно учитывая все замечательное, что происходит сейчас в нашей жизни.

Мак даже не сразу сообразила, что он имеет в виду: ей полагалось радоваться пока неофициальным данным о том, что она поступила в школу Джульярд в Нью-Йорке. Пару дней назад звонила подруга матери, у которой были связи в приемной комиссии, но пока им не удалось как следует насладиться моментом. К тому же Мак была не в настроении праздновать – победу омрачал тот факт, что Клэр Колдуэлл тоже поступила.

Отец повел ее к машине.

– Слава богу, ты цела. Что, если бы ты оказалась в доме, когда там был какой-то маньяк с ножом?

– Да-да, – пробормотала Мак себе под нос. – Простите меня. – Но его слова навели ее на мысль: а что если бы они чуть дольше задержались во дворе Грейнджера, притаившись на безопасном расстоянии? Может, им бы удалось увидеть, кто пробрался к нему в дом и убил его?

Она уже собралась сесть в машину, как вдруг услышала позади себя чей-то смешок. По ту сторону дороги стояла у себя в саду Эми как-ее-там, знакомая десятиклассница. Эми прислонилась к дереву, держа в руках чашку кофе, и пялилась на нее.

Мак опустила голову. И давно она там стоит? Слышала ли она про Грейнджера? Как много ей известно?

Мак со вздохом уселась на заднее сиденье рядом со своей младшей сестрой Сьеррой. Та покосилась на нее с опаской. Мак устремила взгляд вперед, притворившись, что ничего не заметила, но, услышав имя Нолана в эфире местной радиостанции, вздрогнула. «Продолжаются поиски человека, который отравил мистера Хотчкисса в ночь на...»

– Хватит с нас этого, – резко сказала миссис Райт, потянувшись к приборной доске, и переключилась на программу с классической музыкой. Там передавали Бетховена. Короткая дорога до дома прошла в молчании. Мак откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза, ощущая ужасную, мучительную усталость. Молчание нарушилось, только когда они въехали во двор. Миссис Райт кашлянула и сказала:

– Похоже, у тебя гости, Маккензи.

Мак открыла глаза, повернувшись в ту сторону, куда смотрела мать. Сперва она подумала, что это Клэр, ее бывшая лучшая подруга. Ее охватил ужас. После попыток Клэр сорвать ее прослушивание в Джульярд Мак не хотела ее больше видеть. Им придется провести четыре года в одном

колледже, поступлению в который они посвятили всю свою жизнь, и это казалось жестокой иронией судьбы.

Но присмотревшись, она поняла, что человек, сидевший на крыльце и задумчиво крутивший в руках вертушку с клумбы, вовсе не Клэр. Это был бойфренд Клэр, в которого Мак была тайно влюблена уже много лет. Это был Блейк.

Когда машина остановилась, Блейк резко поднял голову. Его глаза будто отчаянно искали что-то. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но все-таки промолчал. Сердце Мак екнуло. У нее все еще захватывало дух от одного взгляда на его растрепанные волосы и голубые глаза с длинными ресницами. И вид у него был такой грустный... будто он по ней скучал.

Тут она заметила что-то у него на коленях. Белая коробочка из кондитерской его сестры и белый квадратный конверт. Она вдруг вспомнила, как на прошлой неделе они с Блейком встретились в кондитерской, чтобы порепетировать с его группой. Казалось, это было сто лет назад. Мак очень долго старалась держать дистанцию – с тех самых пор, как Клэр стала встречаться с ним, хотя прекрасно знала о чувствах Мак. Но в тот день в кондитерской... между ними проскочила искра, как в старые добрые времена.

Она закрыла глаза, и ее захлестнули воспоминания о том, как их губы встретились. Это казалось таким неправильным и в то же время... таким правильным.

Но тут сердце Мак снова ожесточилось. Ей вспомнилась последняя встреча с Блейком в кондитерской: после проб в Джульярд она наткнулась там на них с Клэр. Они стояли рядом, держась за руки.

– Это я попросила Блейка побыть с тобой, – насмеялась Клэр. – Я знала, что ради него ты бросишь все на свете, даже репетиции. Ах да, все эти твои признания Блейку? Он все мне рассказал. В том числе и о том, что ты будешь играть Чайковского! – Она смотрела на Мак с такой злобой. – И к твоему сведению, мы не расстались. У нас все еще лучше прежнего.

У Блейка не хватило духа посмотреть в лицо Мак, когда она спросила его, правда ли это. Но в этом и не было необходимости. Его опущенный взгляд и виноватый вид говорили сами за себя.

Теперь же Мак отвернулась от него и пошла вслед за родителями в дом через гараж.

– Я не хочу с тобой говорить, – отрезала она.

Блейк вскочил на ноги и побежал за ней по дорожке.

– Мак, прости меня. Seriously. Мне очень, очень жаль.

Мак резко остановилась. Кажется, у нее вырвался тихий стон. Мама

коснулась ее руки.

– Милая? Все в порядке?

– Да, – слабым голосом ответила Мак. Она не рассказывала маме про всю эту историю с Блейком и Клэр – у них были не настолько близкие отношения. Она улыбнулась маме, стараясь выглядеть как можно бодрее. – Я на секундочку, ладно?

– Даю тебе пару минут, – ответила миссис Райт и, настороженно глянув на Блейка, вошла в дом.

Мак повернулась к Блейку. Он протянул руку, чтобы взять ее за плечо. Она инстинктивно отпрянула, но потом решимость покинула ее. От него исходил уютный запах теста для капкейков и сахарной пудры.

– Прости меня... – снова сказал Блейк.

– Не хочу этого слышать, – прервала Мак, чувствуя себя ужасно уставшей, но он продолжал.

– Макс. Это правда, что Клэр попросила меня проводить с тобой время. – Он поморщился. – Но как только я понял, что ты чувствуешь, и что я чувствую, мне захотелось это прекратить. Ты – та, кого я всегда искал. Я не хотел сделать тебе больно. Я ужасно сожалею обо всем этом.

Мак презрительно фыркнула.

– Однако это не помешало тебе исполнить ваш план! – То есть рассказать Клэр, что она будет играть Чайковского, чтобы та могла отрепетировать то же произведение и сыграть его первой. Попытаться отвлечь ее перед самым важным прослушиванием в жизни. – Ты едва все не испортил.

– Знаю, я сволочь. – Блейк пнул ногой камешек. – Чтобы ты знала, я расстался с Клэр. На этот раз навсегда. Я хочу быть с тобой... если ты согласишься.

В самые горькие минуты последних дней Мак представляла себе в точности такую сцену: как Блейк приползает к ней на коленях, умоляя о прощении. Но теперь, когда это происходило на самом деле, она не чувствовала и малой доли того удовлетворения, на которое рассчитывала. Она молча смотрела на него. Он подставил ее, а теперь еще имеет наглость предлагать ей встречаться?

– Держи, – сказал Блейк дрогнувшим голосом и протянул ей коробку и конверт. – Это тебе...

Мак понимала, что он не уйдет, пока она не откроет коробку. Внутри был капкейк, украшенный скрипкой из мармеладных червячков. Глазурь была положена неаккуратно: Блейк явно сделал все сам. Мак на мгновение представила себе, как он склоняется над миской, замешивая тесто, потом то

и дело заглядывает в духовку, потом старательно выкладывает из мармелада скрипку. Многовато усилий ради человека, которого ты пытался подставить.

– Поздравляю с поступлением, – тихо сказал Блейк. – Я тобой так горжусь.

Мак вскинула голову.

– Откуда ты знаешь, что я поступила? – Блейк моргнул. Вид у него был виноватый. Тут Мак догадалась: он узнал от Клэр. А это значит, что они все еще общаются.

– Мне сказала Клэр, но это было последнее, о чем мы говорили перед тем, как расстаться, – быстро пояснил Блейк, будто подслушав мысли Мак. – Это потрясающе, Макс. Ты правда это заслужила. – Он придвинулся ближе. – Что мне сделать, чтобы ты меня простила? У меня есть хоть малейший шанс?

Мак почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Еще несколько дней назад она бы все отдала, чтобы услышать от Блейка эти слова: что он хочет быть с ней, что он выбрал ее. Он так долго был для нее недостижимым идеалом – таким желанным, но недоступным.

Но теперь все это было в прошлом. Теперь он был просто предателем. Неужели он не понимает? Как она может доверять ему после того, что он сделал? Как он может снова стать тем идеальным Блейком, о котором она так долго мечтала?

Она закрыла коробку.

– Шансов нет, – выпалила она, схватила невскрытый конверт и пошла в дом.

Захлопнув дверь, она оставила все мысли о Блейке позади.

В понедельник за дверью спальни Джулии Реддинг раздался хриплый голос:

– Джулия!

Джулия перевернулась на другой бок, натянула на голову одеяло и велела себе снова заснуть. На мгновение воцарилась тишина, но потом снова послышались крики: «Джулия? Джулия!» Теперь они звучали еще настойчивее.

Раздраженно фыркнув, Джулия откинула белоснежное одеяло и уселась на безупречно застеленной постели. Шелковая ночная рубашка приятно холодила кожу. Сквозь тонкие шторы лился мягкий утренний свет. За окном весело щебетали птицы, приветствуя новый день, в комнату проникал нежный ветерок, ласково обдувавший лицо. В комнате царил идеальный порядок, как и накануне вечером. Вид портили только скомканные джинсы *James* и серый кашемировый кардиган (и то и другое из коллекций прошлого сезона, куплено в секонд-хенде), которые она стащила с себя и бросила на пол перед тем, как завалиться в постель.

Все вокруг обещало чудесный, идеальный день... но у Джулии на душе было тягостно и мрачно. За дверью мяукали и скреблись кошки – целая туча кошек. И снова раздался отчаянный крик матери.

– Джулия!

Она рывком вскочила с постели и рассерженно направилась к двери, мимо гостевой кровати, на которой обычно спала ее лучшая подруга Паркер. Прошлой ночью Паркер не пришла – опять.

Джулия распахнула дверь. Бесценную, дражайшую, любимую дверь – единственное, что отделяло ее от мира матери. Единственное, что позволяло сдерживать распространение бардака, не позволить ему проникнуть на ее территорию. Когда дверь открылась, в нос ей ударил запах гниющих газет, немытой посуды с присохшими остатками еды, банок из-под кошачьих консервов и сырых тряпок. Она судорожно сглотнула, подавляя рвотный рефлекс.

– Ну что еще? – крикнула она матери, которая стояла в тесном коридоре. При виде того, как исказилось полное лицо миссис Реддинг, на Джулию накатило чувство вины, но она подавила его. Мало ей других забот, не хватало еще переживать по поводу матери. Джулия потерла лицо руками, стараясь усилием воли вернуть себе невозмутимость.

Безрезультатно. Максимум, чего ей удалось добиться, это внешнее спокойствие. Джулия сделала несколько глубоких вдохов.

– Что такое, мам? – Теперь ее голос звучал сдержанно и нейтрально.

Миссис Реддинг откинула с лица прядь грязных волос.

– Уроки уже начались, если ты не в курсе, – рявкнула она. – Но раз уж ты все равно опаздываешь, зашла бы в магазин за диетическим «Спрайтом» и кошачьим наполнителем.

Джулия сжала зубы.

– Не могу. Я больше никогда не выйду из дома.

– Это еще почему?

Джулия отвела глаза. «Вообще-то из-за тебя. Из-за того ужасного письма про тебя, которое кое-кто разослал всем в школе».

Она так и видела насмешливые лица одноклассников. Наверняка все уже успели прочитать письмо Эшли Фергюсон. Она так и представляла, какие прилипчивые прозвища нацарапают на ее школьном шкафчике: Грязнуля Джулия, Королева помойки и, самое страшное, Пусси Галор^[1]. Ведь именно так ее дразнили в старой школе.

Так что в школу она больше не вернется, ни за что на свете. Не хотелось признавать, но по части превращения чужой жизни в ад Эшли переплюнула самого Нолана Хотчкисса. Ах да, еще и вся эта ерунда с убийством Грейнджера. Вчера вечером история просочилась в прессу, и теперь о ней наверняка судачит весь Бэкон. А если в школе узнают, что Джулия и остальные девочки оказались в числе подозреваемых? В Бэконе всегда каким-то образом распространялась даже та информация, которая должна была оставаться строго конфиденциальной. Она уже слышала шепоток: «Мало того, что Джулия Реддинг живет на помойке, так она еще и убила Нолана Хотчкисса и своего учителя! Вы слышали, что ее арестовали?»

История с Грейнджером не давала ей покоя. Только они решили, что нашли убийцу Нолана, как их подозреваемого убили. Было ли это делом рук того же человека, который убил Нолана? Того, кто подставил их в первый раз? Но кто бы это мог быть? У каждой из них были свои личные враги – взять хотя бы ту же Эшли Фергюсон. Но кто ненавидел их всех сразу?

Джулия вздохнула, вспомнив, что так и не ответила на вопрос матери о том, почему не пойдет в школу.

– Потому что в школе меня теперь все ненавидят, – безучастно сказала она. – Потому что все кончено.

Мать пожала плечами. Ее такой ответ, похоже, удовлетворил.

– Ну, мне все равно нужен наполнитель и диетический «Спрайт», – сказала она. – Уж за этим-то ты можешь сходить.

Нет бы спросить у Джулии, что стряслось. «Раз, два, три...» Джулия считала про себя, прибегнув к проверенному методу самоуспокоения. Вдруг она почувствовала, как по ее ноге скользнуло что-то мягкое и пружинистое, и едва не завопила. Одна из шелудивых тварей ее матери пыталась пробраться к ней в комнату.

– Брысь, – буркнула Джулия, выпихивая кошку ногой обратно в коридор. Та истошно завопила и скрылась в коробке, на которой сидела еще одна кошка – черная, которую мать звала Блестяшкой. Третья кошка, одноглазая, со свалывшейся шерстью, сидела в лотке посреди коридора, пристально уставившись на них.

Джулия повернулась к матери. Хватит с нее.

– Прости, – сказала она, – никакого «Спрайта». Никакого наполнителя. Сходи сама.

Миссис Реддинг открыла рот от удивления.

– Что-что?

Лицо Джулии перекошилось. Она уже очень, очень давно не говорила матери «нет». С тех пор, как патологическое накопительство миссис Реддинг расцвело пышным цветом, проще было во всем идти у нее на поводу. Ну, и посмотрите, к чему это привело: Джулии годами приходилось прятаться и прибегать к невыдуманным уловкам, чтобы никто не узнал, где она живет. Она так старалась создать себе идеальный, безукоризненный имидж, чтобы никто никогда не узнал правды. Но теперь вся накопившаяся обида прорвалась наружу, заставляя ее кипеть от злости.

– Я сказала, сходи сама, – жестко повторила Джулия. – Если тебе вдруг интересно, мам, я больше не могу показываться на улице. Теперь все все знают, – она судорожно повела рукой вокруг. – Об этом... обо всем этом.

Джулия внезапно почувствовала прилив сил. Она вдруг обнаружила, что готова высказать все, что держала в себе. Да и какой смысл сдерживаться, если она теперь может сесть в тюрьму?

Она снова взглянула на мать.

– Они знают про тебя. И теперь все снова будут меня ненавидеть, как тогда в Калифорнии. – Приятно было сказать это вслух. Джулия почувствовала себя на несколько тонн легче и готова была воспарить в воздухе. – Да, и еще кое-что. Мне не очень хочется выходить из дома, потому что меня разыскивают за убийство, которого я не совершала. Это для тебя достаточное оправдание?

Миссис Реддинг без выражения смотрела на Джулию. Помолчав с

минуту, она сощурила глаза.

– Да как ты смеешь отказываться мне помогать! – завопила она и шагнула в сторону дочери с выпученными глазами и покрасневшим лицом.

Джулия в панике сделала шаг назад. Она вдруг осознала, что мать переступила порог и оказалась в ее комнате. Миссис Реддинг никогда сюда не заходила. Даже в разгар своей болезни она, казалось, понимала, что это место священо. Сердце Джулии бешено колотилось о ребра. Она сглотнула, подавив всхлип. На фоне простой мебели и безупречно чистого ковра мать с ее слипшимися волосами и потрепанным халатом казалась еще неряшливее.

– Какой от тебя вообще прок? – фыркнула миссис Реддинг, размахивая руками, как безумная. – Ты была непутевым ребенком, а теперь стала непутевым подростком. Ты только берешь и берешь, ничего не давая мне взамен. – Ее глаза метали из стороны в сторону. – И отец твой знал, что от тебя никакого толку.

Джулия замерла.

– Хватит, – она не хотела, чтобы мать продолжала этот разговор.

Но миссис Реддинг знала, что задела ее.

– Потому-то он и ушел, к твоему сведению. Впервые взяв тебя на руки, он повернулся ко мне и сказал: «Ну что ж, может, в следующий раз получится лучше». Он видел тебя насквозь. Это из-за тебя он нас бросил. Ты всегда была для него недостаточно хороша.

– Пожалуйста, не надо, – слабым голосом взмолилась Джулия, сжавшись в комок. От уверенности, которую она чувствовала минуту назад, не осталось и следа. Эта тема всегда была секретным оружием ее матери. И она всегда доводила Джулию до полного опустошения.

– Значит, в школу сегодня не пойдешь, да? – подначивала ее мать. – Ничего удивительного. Твой отец всегда говорил, что ты недостаточно умна. Ты ничтожество. Никчемное, ни на что не годное ничтожество. Ну разумеется, тебя обвиняют в убийстве! Ты небось и правда это сделала, тупая дура!

Она еще долго продолжала в том же духе, но вскоре ее слова стали сливаться в сплошной поток, окатывая Джулию с ног до головы, как бывало с ней еще в детстве. Мать всегда была злой, еще до того, как съехала с катушек. Джулия помнила, как горько плакала в детстве. Однажды она даже спросила: «Что мне сделать, чтобы ты меня полюбила?» На что мать лишь рассмеялась и сказала: «Стать кем-нибудь другим».

Тогда-то Джулия и стала Супер-Джулией. Даже в шестилетнем возрасте она бросалась исполнять все поручения матери, стараясь

предугадать каждое ее желание. Приносила ей тапочки, упаковки диетического «Спрайта», ее любимые еженедельные таблоиды. Именно поэтому она училась прилежнее всех в классе, одевалась аккуратнее всех, старательно расчесывала свои золотисто-каштановые волосы – ни у кого из ее сверстниц не было такой шикарной шевелюры.

Но этого всегда было мало. Что бы Джулия ни делала, как бы ни старалась, мать ее презирала. Джулии часто казалось, что шквал злых слов еще хуже, чем океан мусора, разливавшийся под дверью ее спальни.

Когда они переехали в Бэкон Хайтс, она надеялась, что сможет начать жизнь заново, и на какое-то время ей это удалось. Но возможно, мать была права. Возможно, проблема и правда была в самой Джулии. Если бы она усерднее старалась скрыть свою тайну от Эшли, никто в школе ничего бы не узнал. Если бы она усерднее старалась привести маму в порядок, то и тайны никакой не было бы. А если бы она постаралась отговорить остальных от идеи подмешать наркотик Нолану, или лучше бы изменила свой почерк, чтобы полиция не узнала его в надписях на лице Нолана, или не залезла бы в дом Грейнджера, они бы не стали подозреваемыми. Если бы Джулия была умнее, лучше, сильнее, она смогла бы сообразить, кто пробрался в дом после их ухода и убил учителя. Потому что сейчас у нее не было ровным счетом никаких версий, а если она не сумеет разгадать эту тайну, то отправится в тюрьму.

Может, это все и правда ее вина.

Джулии показалось, что где-то вдалеке раздался звонок. Миссис Реддинг умолкла на полуслове. Джулия снова услышала звонок – на этот раз более отчетливо. Звонили в дверь.

Мать повернулась к ней.

– Откроешь или как?

Джулия, свернувшаяся калачиком на кровати, уселась и моргнула.

– Да-да, конечно, – слабым голосом ответила она.

– Вот и славно, – миссис Реддинг встала с кровати Паркер и потащила к двери, оставляя за собой облако кошачьей шерсти. – А потом сходи за наполнителем и «Спрайтом».

– Хорошо, – еле слышно ответила Джулия.

Снова раздалась трель дверного звонка. Джулия потерла глаза, которые наверняка покраснели и опухли. А что если это Эшли? Перед глазами у нее живо встал образ: волосы такого же золотисто-рыжего оттенка, как у нее самой, тщательно скопированная одежда и приторно-сладкая злая улыбка. После того письма Джулия мучили кошмары, в которых Эшли подстерегала ее за каждым углом. То выскакивала из именинного торта на

вечеринке, то просовывала голову к ней в душевую кабинку, то подкрадывалась во время эпиляции в салоне... «Слыхали, кто она на самом деле? – хихикала она. – Мерзкая уродка! Она живет в куче мусора! Ее одежда вся из кошачьей шерсти!» И тогда все остальные, кто еще был во сне – друзья, знакомые, даже чужие люди – смотрели на Джулию с отвращением, узнав чудовищную правду о ней.

С другой стороны, за дверью могла быть Паркер. Джулия сейчас нужна ей. Интересно, куда она пропала после похода в полицию? Когда они принялись обсуждать, кто мог их подставить, Паркер вдруг сорвалась с места и отправилась в лес, заявив, что хочет побыть одна. Джулия должна была пойти с ней. Паркер сейчас слишком ранима, чтобы оставаться в одиночестве.

Джулия встала с постели и накинула пушистый махровый халат. Она медленно побрела по коридору, ориентируясь на квадратное пятно света впереди: в верхней части входной двери было небольшое окошко.

Когда до двери оставалось всего несколько шагов, пятно света вдруг потухло. Окошко заслоняло чье-то лицо, пытавшееся заглянуть внутрь. Джулия остановилась как вкопанная. Сердце бешено стучало. Она узнала эти оливковые глаза, эту красивую смуглую кожу: Карсон Уэллс. Он недавно переехал в их город, и она имела неосторожность сходить с ним на пару свиданий незадолго до того, как все полетело к чертям.

С губ Джулии сорвался слабый стон. Неужели она еще недостаточно опозорилась?

Она вздрогнула, услышав очередной звонок и стала медленно пятиться назад, прижимаясь спиной к нагромождению коробок – может, ей удастся незаметно ускользнуть, притворившись, что никого нет дома?

Лицо за окном придвинулось ближе к стеклу. Карсон сложил руки козырьком, вглядываясь внутрь, и прижался носом к стеклу.

– Джулия! – крикнул он с характерным для австралийского акцента растягиванием гласных. – Джулия, я знаю, что ты там. Открой.

Джулия сделала еще шаг назад, судорожно дыша.

– Ты же не можешь вечно там прятаться. Я просто хочу поговорить.

По ее щекам покатались слезы. Ну конечно. Хочет над ней поиздеваться. Наорать за то, что не сказала правду. Что бы он ни собирался сказать, слушать это ей не хотелось. Карсон на мгновение умолк, наблюдая за ней через крошечное окошко.

– Пожалуйста, поговори со мной.

Она подняла глаза. Голос его звучал так нежно, так искренне. В груди Джулии что-то шевельнулось. Ей так отчаянно хотелось, чтобы кто-то

помог ей, утешил ее, особенно после всей этой истории с полицией, после письма Эшли и жестоких слов матери.

Она заставила себя сделать шаг вперед, потом еще один. Когда наконец ее пальцы сомкнулись на дверной ручке, ей показалось, что она прошла целую милю. Дверь распахнулась, и свежий воздух хлынул ей в лицо, будто весенний ливень. Глазам Джулии открылись покрытая росой трава, машины в каплях после вчерашнего дождя, газета на соседском крыльце. И Карсон.

Джулия выскользнула за дверь и плотно ее за собой закрыла. Она не решалась посмотреть ему в глаза, вместо этого уставившись на крыльцо, захламленное пустыми коробками, банками от газировки, упаковками от кошачьей еды и полупустыми пакетами птичьего корма.

– Зачем ты пришел?

– Просто хотел узнать, как у тебя дела, – мягко ответил Карсон. – Я писал тебе смски, но у тебя телефон отключен.

Джулия пожала плечами. Она отключила телефон сразу после письма Эшли. Не готова была разбираться с последствиями.

– И в школу ты не пришла.

Джулия хмыкнула.

– Вполне ожидаемо, разве нет?

Он ответил:

– Я просто хочу быть с тобой, Джулия. Мне плевать, что думают люди.

Она в недоумении уставилась на него.

– А как же та фотография, где ты с Эшли?

Он склонил голову набок.

– Какая фотография?

– На рыбном рынке Пайк-плейс. Эшли написала: «Вот что теперь о тебе думает Карсон». У тебя был такой вид... – она замялась. Вид у него был, мягко говоря, брезгливый.

Карсон сосредоточенно нахмурился, вспоминая.

– Пайк-плейс... – потом его лицо просветлело. – Да, была такая фотография нас. Мы туда ездили на экскурсию с классом пару недель назад.

– Пару недель назад? – повторила Джулия.

Карсон кивнул.

– Нас снимал Джеймс Уэст. Велел всем состроить смешные рожи. Эшли схватила меня за руку, ну я и не стал сопротивляться. – Он покачал головой, не веря своим ушам. – Так она что, отправила тебе эту фотографию? Ну и гадина.

– Вот именно, – Джулия не выдержала и снова разрыдалась.

Карсон обнял Джулию за плечи и притянул к себе. Она сначала напряглась, но вскоре расслабилась, прижавшись к его груди и вдыхая запах свежести белья, исходивший от его фланелевой рубашки.

Но потом она отпрянула.

– Как тебя может не волновать то, что ты обо мне узнал? – спросила она. – Ведь это правда, Карсон. Все это – во всяком случае, все, что касается моей матери. – Она зажмурила глаза, заново переживая все те гадости, которые только что наговорила ей мать. – Это все отвратительно. Я отвратительна.

Карсон мягко отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Ты, Джулия Реддинг, прекрасна. Ты умная. Веселая. Нет в тебе ничего, что можно назвать отвратительным, вплоть до самых мизинчиков ног.

А потом, к ее невероятному удивлению, Карсон наклонился и коснулся губами ее губ. Джулия несколько секунд даже не могла в это поверить, но вдруг оцепенение прошло и она почувствовала прикосновение его губ. Они целуются. По-настоящему целуются.

И тут до нее дошло: это ведь ее первый в жизни поцелуй. Конечно, он оказался не совсем таким, как ей представлялось: она в халате, на ненавистном крыльце, в окружении сломанной садовой мебели, бесчисленных рождественских украшений и пары брошенных посреди лужайки кошачьих когтеточек. Но все равно это был прекрасный, нежный, чувственный поцелуй.

Потом Карсон отклонился назад и улыбнулся ей.

– Спасибо, – выдохнул он.

– Тебе спасибо, – ответила Джулия. – Ты точно в этом уверен? Насчет меня... Потому что ты себе не представляешь, какими жестокими бывают люди. Это будет просто ужас. Я не обижусь, если ты не захочешь иметь со мной ничего общего. Я все понимаю.

Он отмахнулся.

– Мне все равно.

Она моргнула.

– Ты уверен?

– Что ж, – сказал он с притворной серьезностью, – это как посмотреть. Насколько я понимаю, сама-то ты не главная чокнутая кошатница Бэкон Хайтс? Верно?

Джулия, не удержавшись, рассмеялась.

– Верно, – ответила она со слабой улыбкой. – Я просто безучастный

свидетель кошачьего беспредела.

– Ну, тогда решено. Ты официально освобождена от всякой ответственности за это... – Карсон показал рукой на дом за ее спиной, сдвинув брови в поисках подходящего слова. – За эту, хм, ситуацию. И отныне ты официально моя девушка – если сама этого хочешь, конечно. А если кому-то это не нравится, пусть разбираются со мной.

Джулия широко улыбнулась ему. Она не верила своим глазам, своим ушам... своему сердцу. И в этот момент все ужасные вещи, которые наговорила ей мать, отошли на второй план. Может, она все-таки не порченный товар? Может, она вполне нормальный человек, достойный чьих-то чувств. Даже любви.

Больше всего на свете Джулии хотелось, чтобы Карсон оказался прав.

В понедельник днем Кейтлин Мартелл-Льюис въехала на парковку, которая была почти пуста, только похожий на катер зеленый кадиллак стоял под сенью деревьев. Когда она вышла из машины, в ушах у нее зазвенело от умиротворяющей тишины, а в нос ударил запах свежескошенной травы и недавно высаженных цветов. Она посмотрела на высившиеся за коваными воротами холмы, усеянные надгробиями. Вдруг из-за дерева раздался какой-то звук, и Кейтлин вздрогнула. Почему-то ей показалось, что за ней следят... может, это копы? А вдруг и правда следят? Вдруг они следят за ними всеми, чтобы выяснить что-то, указывающее на их причастность к смерти Грейнджера?

Но присмотревшись, она поняла, что это всего лишь белка. Вздохнув, Кейтлин заперла машину, сунула ключи в карман и пошла в сторону могилы брата. Она могла бы найти дорогу с закрытыми глазами – мимо плиты с большими ангелами, направо у могилы мужчины, которого похоронили рядом с двумя итальянскими грейхаундами, потом вверх по склону небольшого холма и под дерево.

– Привет, Тейлор, – начала она привычный внутренний монолог. – Это снова я. Твоя чокнутая сестрица, прогуливающая тренировку, чтобы поразглагольствовать о том, в какое безумие превратилась ее жизнь.

Ей так много хотелось рассказать Тейлору, который умер в конце прошлого года... и так много хотелось у него спросить – о вещах, про которые он ей теперь никогда уже не расскажет. Например, о том, как он настрадался от издевательств Нолана Хотчкисса, или почему однажды решил, что проще умереть, чем еще хотя бы один день провести в школе. Что стало последней каплей? Кейтлин, наверное, никогда не простит себя за то, что вовремя не заметила тревожных признаков. Если бы она была внимательнее, был бы он до сих пор жив?

Она обогнула дерево. Могила брата была прямо перед ней. На надгробии стояла новая фигурка из манги «Жемчуг дракона». Кейтлин в недоумении остановилась. Новые фигурки на могилу брата приносила только она. Ну, она и...

Ее размышления прервались, когда из-за дерева появился человек. Это был Джереми Фрайди. Единственный человек помимо нее самой, находивший время, чтобы приносить Тейлору маленькие знаки внимания.

В тот же самый момент Джереми повернулся и увидел Кейтлин. Он

удивленно вскинул брови, а его взгляд смягчился. Глаза юноши были полны надежды, что вызвало у Кейтлин целую бурю разнообразных эмоций: любовь, облегчение, возбуждение, беспокойство. Она оглядела долговязую фигуру в дырявой футболке со «Звездными войнами» и темных джинсах. Если бы еще пару недель назад ее спросили, может ли ей понравиться кто-то вроде Джереми, она бы расхохоталась. Но он был просто идеален. Неограниченный алмаз. Он был прямо у нее под носом все это время, а она никогда не замечала, какой он особенный.

Что еще прекраснее, Джереми смотрел на нее с улыбкой, а не с упреком. В последний раз она видела его в подвале дома Фрайди два дня назад, когда случилась вся эта история с Грейнджером. Джош, ее бывший парень и брат Джереми, застал их вместе, и вместо того, чтобы вступить за их отношения, Кейтлин просто... сбежала. Она думала, что Джереми ненавидит ее за это.

Но когда она шагнула к нему, он обнял ее.

– Прости меня, – выпалила Кейтлин, не справляясь с нахлынувшими эмоциями. – За все. Прости, что я так сбежала. Я просто... сама не знаю.

– Все в порядке. – Джереми поцеловал ее в макушку. – Тебя застали врасплох.

– Это еще мягко сказано, – воскликнула Кейтлин.

– Ну так что, – Джереми замялся, теребя прядь ее волос, – ты все еще хочешь быть со мной? В смысле, я понимаю, что это все очень сложно, так что...

Вместо ответа Кейтлин привстала на цыпочки и поцеловала его, прервав на середине фразы.

– Такой ответ тебя устроит? – выдохнула она, когда их губы разъединились.

Он прижался лбом к ее лбу.

– Это все, что мне нужно было знать.

Они оба посмотрели на могилу Тейлора. Кейтлин задумалась: как бы Тейлор воспринял такой поворот событий – она предпочла популярному и суперспортивному Джошу этого странноватого гика Джереми, лучшего друга своего младшего брата. Все это случилось совершенно неожиданно: Кейтлин наткнулась на Джереми у могилы брата несколько недель назад, когда переживала особенно трудные времена: не знала, хочет ли она дальше играть в футбол, не знала, с тем ли она парнем, все еще переживала из-за Тейлора, да к тому же они с девчонками устроили этот розыгрыш с Ноланом. Они разговорились, и Кейтлин вдруг осознала, как легко ей найти общий язык с Джереми. И насколько хорошо он понимает, что творится у

нее на душе. Джош никогда даже не упоминал Тейлора. Он, видимо, считал универсальным решением обходить неприятные темы стороной.

Джереми переступил с ноги на ногу.

– Ты вообще говорила с Джошем? – спросил он, как будто у Кейтлин над головой висел гигантский плакат, на котором было написано, о чем она думает.

Кейтлин напряглась.

– Ага, – неопределенно ответила она, поморщившись.

– Что, настолько неприятная была встреча?

Кейтлин ковыряла ногой газон. Она столкнулась с Джошем сегодня утром в школе, где и так царил странная атмосфера из-за всей этой истории с Грейнджером. Девчонки рыдали, несли букеты к его дому и во время перерыва на ланч собирались у флагаштока, чтобы помолиться за него. Кейтлин поразило, что даже девочки, чьи фотографии были у него в телефоне – например, Дженни Тил, – оказались в числе тех, кто оплакивал его или в слезах отпраивался к школьному психологу во время уроков. Они как будто забыли, каким он был мерзавцем. И хотя адвокат, с которым консультировалась Кейтлин, сказал, что полиция обязана хранить в тайне информацию о ее причастности к делу Грейнджера, пока обвинения не будут предъявлены официально, Кейтлин была почти уверена, что учащиеся Бэкон Хайтс все равно все узнали. Она весь день ловила на себе недобрые взгляды – как будто все считали ее виноватой. Даже девочки из футбольной команды как-то странно на нее посматривали. С другой стороны, никто ведь ничего не говорил. Так что, возможно, это просто паранойя.

А потом она столкнулась с Джошем. Он стоял у своего шкафчика вместе с Гаем Кенвудом и Тимоти Берджессом, его приятелями из футбольной команды. Они встретились взглядами, и Кейтлин остановилась, понимая, что будет выглядеть гадко, если развернется и пойдет в другую сторону. Судя по гневным взглядам Гая и Тимоти, они знали, что Кейтлин теперь встречается с братом Джоша. Кейтлин на долю секунды задумалась, в каких выражениях Джош им об этом рассказал. В конце концов, когда твой менее популярный младший брат уводит у тебя девушку, – это вряд ли повод для хвастовства.

– Ну, сначала он вообще на меня не смотрел, – сказала Кейтлин Джереми, сунув руки в карманы. – Но потом я отвела его в сторону и попыталась все объяснить.

Джереми поморщился.

– О, ну это-то наверняка прошло просто отлично...

– Я сказала ему, что мы давно стали отдаляться, и все это было просто вопросом времени, понимаешь? – Она судорожно сглотнула, вспоминая напряженное яростное лицо Джоша, когда она говорила ему это. – Он был ошарашен. И обижен. Но потом... ну, не знаю. В итоге он нормально себя повел.

– Правда? – с любопытством спросил Джереми. – И что он сказал?

Кейтлин набрала воздуха в легкие.

– Просто сказал, что если это действительно то, чего я хочу, то он желает мне счастья. – Вообще-то она сама удивилась, когда Джош это сказал – это было так великодушно и по-взрослому. «Не собираюсь быть одним из этих жалких парней, которые не могут смириться с поражением. Я не в восторге от того, что тебе нравится Джереми, но я ведь ничего не могу с этим поделать».

– Я думала, он будет ужасно злиться, – сказала Кейтлин, искоса поглядывая на Джереми. – Хорошо, что я ошиблась.

Джереми кивнул.

– Меня он уже несколько дней просто игнорирует. Хотя это лучше, чем его вечные издевательства. Я-то думал, что сейчас он разгуляется в полную силу. Возможно, наш мальчик вырастет.

– Возможно, – слабо улыбнулась Кейтлин. Тут ее посетила неприятная мысль. Все хорошее в ее жизни компенсировалось чем-то печальным или плохим. Вот сейчас она с Джереми, но они стоят у могилы Тейлора, а еще она причинила Джошу боль. Да, так счастлива она не была уже много лет, но при этом ее обвиняют в убийстве. Ничто не дается просто так.

Она посмотрела на Джереми, думая в это время о Грейнджере.

– Ты, наверное, слышал о мистере Грейнджере. И о моей роли во всем этом. Но на самом деле все не так, как выглядит со стороны.

Джереми махнул рукой.

– Ладно тебе. Я это знаю. Но почему вы были у него дома?

Она пожала плечами, чувствуя себя неловко. Она не могла рассказать Джереми всю правду.

– Долгая история. Но это связано с Ноланом. Мы с подругами думали, что это Грейнджер его убил.

Джереми широко распахнул глаза.

– Seriously?

– Ну, уже нет, – вяло ответила Кейтлин. Угроза Нолана Грейнджеру казалась идеальным мотивом. Разумеется, Грейнджер хотел бы избавиться от Нолана, чтобы защитить свою репутацию. Но что если Грейнджера убили, потому что он знал что-то еще? Что-то об убийце Нолана?

Возможно, в этой истории еще полно секретов.

На вершине холма показалась пожилая пара и медленно зашагала вниз. Внезапно осознав, что они больше не одни, Кейтлин повернулась к Джереми.

– Как насчет пиццы?

– Конечно, – ответил он и улыбнулся.

Они направились в *Gino's*, семейный ресторанчик неподалеку от кладбища, где в это время царила блаженная тишина. За едой они болтали о всяких обыденных вещах: обсуждали предстоящее выступление Джереми на научном фестивале, любимые сериалы и выборы капитана в футбольной команде Кейтлин, которые должны были состояться на следующей неделе. Кейтлин до сих пор так и не решила, какое место футбол занимает в ее жизни, но в глубине души все равно переживала из-за этих выборов. Она всю жизнь хотела стать капитаном, и было бы странным отказаться от этой мечты как раз в тот момент, когда она наконец могла исполниться.

Никто из них не упоминал Джоша, Грейнджера, Нолана и полицию – приятное разнообразие. Час спустя, после поцелуя в машине Кейтлин, Джереми сел на свою «Веспу» и умчался вдаль, пообещав перезвонить позже. Чувствуя себя намного лучше, Кейтлин отправилась домой. Она надеялась провести пару часов в одиночестве, но, подъехав к дому, увидела, что машины обеих мам на месте: они вернулись с работы. Эх.

Кейтлин припарковалась, забрала из машины спортивную сумку и рюкзак и мысленно приготовилась к дальнейшим испытаниям, какими бы они ни были. На кухне работал телевизор: показывали передачу о выращивании кур на заднем дворе. Она услышала бойкий стук ножа о разделочную доску и шум льющейся воды. Судя по этим знакомым и успокаивающим звукам, ее мамы, Сибил и Мэри-Энн, готовили вместе. Кейтлин постаралась как можно тише подняться наверх, но не успела – Мэри-Энн подняла глаза и заметила ее.

– Милая? – позвала она.

Кейтлин вздохнула. Провести хоть пару минут в одиночестве явно не удастся.

– Э-э, привет! – ответила она, по-прежнему стоя на лестнице.

Вид у Мэри-Энн был грустный.

– Не хочешь помочь нам с готовкой?

«Вообще-то нет», – подумала Кейтлин, но понимала, что в случае отказа одна из мам непременно пойдет за ней наверх и начнет приставать к ней с еще более тягостными и навязчивыми расспросами, чем те, что ее ожидают тут. Так что она поплелась на кухню, покорно приняв из рук

Сибил разделочную доску и болгарский перец.

– Как день прошел? – осторожно спросила Сибил, поглядывая то на Кейтлин, то на свою разделочную доску.

– Нормально, – ответила Кейтлин.

Матери переглянулись. Такой ответ их явно не устраивал. Мэри-Энн прокашлялась.

– И что, в школе говорили про этого учителя?

Кейтлин аккуратно срезала верхушку перца.

– Да. Еще как.

Мэри-Энн и Сибил снова переглянулись. Когда в воскресенье им позвонили и сообщили, что Кейтлин может быть причастна к убийству, они ничего не сказали, но выглядели встревоженными. Она снова и снова объясняла, что это всего лишь неудачное стечение обстоятельств, но была не уверена, что они ей поверили. Равно как и насчет Нолана: Мэри-Энн выступала с резкими замечаниями про имевшийся у Кейтлин запас окси, умоляя ее избавиться от таблеток. И хотя в итоге стало известно, что Нолана убили цианидом, а не окси, следы наркотика в его крови тоже нашли. Поскольку копы пока не потащили их в участок, тему временно закрыли, но Кейтлин понимала, что она по-прежнему готова всплыть в любой момент.

– А с Джошем ты поговорила? – спросила Мэри-Энн.

Кейтлин подняла глаза. Мама выжидающе смотрели на нее. Очевидно, они хотели, чтобы она поговорила с Джошем. Супруги Фрайди были лучшими друзьями Сибил Мартелл и Мэри-Энн Льюис, и хотя напрямую мамы ничего не говорили, было ясно, что решение Кейтлин уйти от Джоша к Джереми нарушило их привычную социальную жизнь. Традиционный воскресный поход по антикварным магазинчикам с Фрайди был отменен, равно как и бранч, проходивший в первое воскресенье каждого месяца, и еженедельный совместный ужин в среду. Кейтлин слышала, как мамы шептались в своей спальне в ночь накануне того, как все это случилось: когда у нее еще не сняли отпечатки пальцев из-за незаконного проникновения в дом Грейнджера, а единственной причиной их волнений был Джош. «Как думаешь, почему она это делает?» – услышала она приглушенный голос. «Это назло нам? Может, это как-то связано с Тейлором?» И еще: «Бедный Джош. Он, наверное, очень страдает».

Слова про «бедного Джоша» ее разозлили. А как же бедная Кейтлин?

Видимо, Кейтлин издала какой-то раздраженный звук, потому что Сибилл вдруг отложила нож.

– Милая, если ты думаешь, что мы злимся на тебя из-за этой истории с

Джошем и Джереми, то это не так.

– Мы просто пытаемся понять, – вмешалась Мэри-Энн. – Кого бы ты ни выбрала, мы будем рады. Но эти двое такие... разные. Мы не уверены, что у тебя вообще есть что-то общее с Джереми.

Кейтлин вскинула голову, сверкнув глазами.

– У меня нет ничего общего с Джошем.

Матери выглядели озадаченными.

– Но ведь вы оба любите футбол. И у вас много общих увлечений. И вы так давно вместе.

Кейтлин презрительно фыркнула.

– Как будто это самое главное! – Она оттолкнула доску с наполовину нарезанным перцем. – Знаете, если бы вы постарались узнать меня получше, вы бы понимали, почему нам с Джошем стало не о чем разговаривать. Но вам нужно, чтобы я была все той же предсказуемой Кейтлин, – она бросилась вон из кухни.

– Милая! – крикнула ей вслед Мэри-Энн. – Ну не надо так!

– Мы тебя поддерживаем! – воскликнула Сибил.

– Как скажете, – бросила Кейтлин через плечо. Ей хотелось, чтобы это было правдой. В конце концов, они – однополая пара, удочерившая ребенка из Южной Кореи: уж они-то по идее должны принимать окружающих такими, какие они есть, правда? Но звучало так, будто они просто говорят положенные слова, а на самом деле думают совсем иначе.

– Вернись! – жалобно воскликнула Мэри-Энн. – Мы ведь даже еще не поговорили про мистера Грейнджера.

– Я этого не делала, – сказала Кейтлин, направляясь в свою комнату. – Это все, что вам нужно знать.

Она посмотрела вниз. Мамы стояли у подножия лестницы со смущенным и беспомощным видом. Кейтлин понимала, что возводит между ними стену. Наверное, такую же стену выстроил и Тейлор. И все же она просто не могла им всего объяснить. Про Джереми они не поймут. А про Грейнджера им знать не положено.

По щеке Паркер Дюваль скользнуло что-то острое. Она отмахнулась, но оно вернулось и снова ее оцарапало. Открыв глаза, девушка увидела, что весь мир перекошило, но не успела она сообразить, почему лежит посреди поля, как у нее ужасно закружилась голова.

Она зажмурила глаза, пытаясь избавиться от головокружения, и внезапно почувствовала, что ее вот-вот вырвет. «Ага. Я вчера пила». Вот и первый ключик к разгадке.

Медленно и осторожно она попыталась снова открыть глаза. На этот раз ей удалось побороть головокружение и осмотреться по сторонам. Вокруг было светло, солнце уже перевалило зенит. Насколько хватало глаз, со всех сторон виднелись пучки сухой травы. Вдалеке высилось какое-то массивное здание. «Да где это я, черт подери?»

В конце концов Паркер удалось привстать, опершись на локоть. Двигаясь как можно медленнее, она села. От толстовки разило сигаретным дымом.

«Значит, я не только пила, но и курила». Безумная, должно быть, выдалась ночь.

Похмелья у нее не было уже сто лет. Но когда она еще была королевой Бэкон Хайтс, когда ее появление на любой вечеринке означало безоговорочный успех мероприятия, она была мастером этого дела. Выпивала со всеми. Опрокидывала стопку за стопкой наравне с мальчишками. Наутро чувствовала себя дерьмово, но лишь посмеивалась, вспоминая, как отлично провела время.

Приятно было вспоминать о тех золотых деньках: она была красоткой-блондинкой, с кучей друзей и еще большей кучей поклонников. Без малейших усилий получала отличные отметки по всем предметам. Ей симпатизировал даже Нолан Хотчкисс – их связывала платоническая дружба, более близкая и классная, чем любые романтические отношения. И у нее была фантастическая лучшая подруга Джулия Реддинг, дружба с которой на фоне многочисленных поверхностных отношений выделялась глубиной и искренностью.

Ее жизнь была просто идеальной, правда? Ну да, за исключением семьи. Мать ее ненавидела, отец избивал. Ну и ладно. Может, потому-то она и становилась душой любой вечеринки – потому что дома хотелось подохнуть от тоски. И она бы продолжала в том же духе, если бы не Нолан.

И не отцовская расправа. А теперь все изменилось. Отца посадили за решетку – навсегда. У нее больше не было дома. И она стала другим человеком – жестче, раздражительнее, злее. Чокнутая Паркер. Ее больше не приглашают на вечеринки. Ну и пошли они все к чертям.

Паркер поежилась, внезапно осознав, насколько замерзла. Воздух был по-утреннему прохладным, и казалось, что вот-вот польет дождь. Постепенно ей удалось сфокусировать взгляд на стоявшем вдалеке здании: это было низкое широкое сооружение, покрытое дешевой грязно-бежевой штукатуркой, с коричневыми металлическими дверями, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Из одной вышел подросток в ярко-оранжевой форме, фартуке и бумажной шляпе с огромным пакетом мусора в руках. Он швырнул мусор в бак и зашел обратно в здание. Может, это торговый центр? Или комплекс забегаловок с едой на вынос? Но как ее сюда занесло?

Паркер закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Однако последним, что она помнила, было то, как они с Джулией вышли из полиции. «Встречайте, Паркер 2.0, – подумала она. – Теперь со шрамами, приступами мрачного настроения и провалами в памяти».

Паркер осмотрела себя. На ней все та же одежда, хоть и заляпанная присохшей грязью. Она похлопала себя по карманам. В одном из них, в толстовке, лежало что-то жесткое. Пошарив в кармане, она вытащила телефон. «Вторник, 25 октября», – гласила надпись на экране. Время – 10.45. Значит, из памяти выпала только одна ночь: какие-то события понедельника она помнила. Она поспешно набрала номер Джулии, но у той сразу включился автоответчик.

Паркер напряженно сглотнула. Джулия редко пропускала ее звонки. Случилось еще что-то? Что-то, связанное с делом Грейнджера? Она вдруг вспомнила устрашающего вида папку, которую нашла в доме Грейнджера, пока они рыскали там в поисках улики. На папке было крупно написано «Джулия Реддинг», и она совсем не была похожа на подборку старых сочинений. Было ли это как-то связано с болезнью ее матери, их поспешным и позорным переездом из Калифорнии? Паркер знала этот секрет уже довольно давно и прилагала все усилия, чтобы его не узнал кто-то еще. Не успев задуматься, Паркер вытащила папку из ящика и прихватила с собой.

Или дело было в чем-то другом? Паркер помнила, что прочитала досье еще в доме Грейнджера, но совершенно не помнила, о чем там шла речь. «Как это на меня похоже», – подумала она и снова похлопала себя по карманам в надежде, что папка при ней, хотя она наверняка оставила ее у

Джулии. Мозг у нее то и дело отключался и помнил только самые незначительные вещи, спасибо отцовским побоям.

Она встала и пошла в сторону торгового центра, ощущая тяжесть и слабость в ногах. Магазины уже открылись, в окнах горел свет, а у входа в салон сотовой связи *Verizon* в дальнем конце здания был выставлен стенд с рекламой какого-то горящего предложения. Паркер сунула руки в карманы толстовки и нашла в левом кусок плотной бумаги. Это была визитка Эллиота Филдера, на обратной стороне которой был нацарапан номер его мобильного. «Звони в любое время», – сказал он при первой встрече. Паркер тогда впервые в жизни побывала на приеме у психотерапевта.

Но это было до того, как она обнаружила, что он за ней следит. И до того, как она высказала ему все в лицо, а он грубо схватил ее за руку, сказав, что она должна его выслушать. «Что выслушать?» – шепнула Джулия на ухо Паркер, когда они ушли. Паркер чувствовала себя полной дурой: она подпустила Филдера к себе, решила довериться ему и рассказала все о своей жизни. А он предал ее доверие, принявшись за ней следить.

Паркер повертела визитку в руках. «Звони в любое время». Его слова не давали ей покоя. Она помнила, каким участливым казался его голос. Но она не могла ему позвонить. Ни за что на свете.

Раздался чей-то потрясенный возглас, и Паркер подняла глаза. Прыщавый парнишка лет двадцати с небольшим в футболке *Subway*, курил, стоя у двери. Он во все глаза уставился на Паркер, но тут же отвел глаза. Девушка стиснула зубы и отвернулась, направившись в противоположном направлении, но успела краем глаза поймать свое отражение в витрине маникюрного салона. Она была одета в потрепанные черные джинсы и грязную черную толстовку с низко надвинутым на лоб капюшоном. Светлая челка отросла и спадала на глаза. Потом ее взгляд упал на тугий узловатый шрам на скуле. Один из множества шрамов, покрывавших ее лицо.

В горле встал ком, и она подавила всхлип. Неудивительно, что парня из *Subway* передернуло: она выглядела как настоящее чудище. С другой стороны, в последнее время все смотрели на нее так – будто ей не место в этом мире, будто ей надо убраться обратно в ту дыру, из которой она выползла. Это каждый раз причиняло боль. Только два человека смотрели на нее, не вздрагивая: Джулия и... Филдер.

Шмыгнув за угол, подальше от посторонних взглядов, Паркер вытащила телефон и посмотрела на клавиатуру. Собравшись с духом, она набрала номер Филдера и нажала на кнопку звонка. Джулии бы это совсем

не понравилось, но ей нужно с кем-то поговорить.

Раздался гудок, и дыхание Паркер участилось. Сердце бешено стучало. После третьего гудка наконец установилось соединение, и она услышала на том конце линии знакомый голос.

– Это... Паркер? – удивленно спросил Эллиот Филдер.

Паркер моргнула. Она не ожидала, что он узнает ее номер.

– Э-э, да, – ответила она. – Здравствуйте.

– Здравствуй, – сказал Филдер. – С тобой все в порядке?

Она закусила нижнюю губу. Ей вдруг показалось странным обращаться к человеку, которого она едва знала – и который обманул ее. Надо добраться до Джулии, а там они вместе что-нибудь придумают.

– Знаете что, – решила она. – Забудьте. Все у меня нормально.

– Послушай, Паркер, я знаю, почему ты звонишь.

Она едва не выронила из рук телефон и принялась оглядываться по сторонам. Он что, следил за ней до этого захолустного торгового центра? Она попыталась разглядеть его вдалеке, но вокруг никого не было.

– Я в курсе насчет твоего отца.

Волосы на шее у Паркер встали дыбом.

– А что с ним? – резко спросила она.

Филдер медленно выдохнул.

– Погоди, так ты не знаешь?

– Чего не знаю? – Последовала долгая пауза. – Чего я не знаю? – почти прорычала Паркер.

Когда Филдер наконец заговорил, голос его дрожал.

– Не думал, что сказать тебе об этом придется мне. Паркер... – он помедлил. – На тюремном дворе случилась потасовка. Твой отец... в общем, он мертв.

Во вторник вечером Ава Джалали сидела за кухонным столом и билась над заданием по физике. Она попала в продвинутую группу – к огромному удивлению своих подружек-модниц, которые не интересовались ничем, кроме своего внешнего вида. Задачи с каждым занятием становились все сложнее. К тому же работать было практически невозможно, поскольку она сидела на виду у отца и мачехи, чтобы они могли за ней присматривать – это была их идея, не ее. После того происшествия с полицией за ней следили чуть ли не двадцать четыре часа в сутки, как будто она бомба замедленного действия. Как будто она вот-вот превратится в малолетнюю преступницу.

Впрочем, не то чтобы отец и Лесли следили за ней особенно внимательно. Отец читал какие-то документы по работе, сидя с кружкой чая за кухонным островком. А Лесли металась по кухне. Ее тщательно уложенные кудри упруго подпрыгивали при каждом шаге, а подол кашемирового платья изящно колыхался у колен. Она открывала то один шкафчик, то другой. Вытаскивала свечи, хмурилась, рылась в ящике в поисках салфеток под приборы. Каким-то невероятным образом Лесли умудрялась проделывать все это с бокалом шардоне в руке. По подсчетам Авы, это был уже третий бокал, а на часах еще не было и пяти часов. Шикарно.

– Черт, – выругалась Лесли себе под нос, когда блендер *Vitamix*, который она пыталась удержать между рукой и подбородком (куда уж ей поставить бокал хоть на секунду), едва не упал на пол. Она засунула блендер в другой шкафчик и с такой силой захлопнула дверцу, что Ава подпрыгнула на стуле, черкнув карандашом по тетради с домашней работой. Ава попыталась поймать взгляд отца, но мистер Джалали весьма искусно притворялся, что ничего не замечает. С чего это вообще Лесли так распсиховалась? Разве вино не должно успокаивать нервы?

Лесли отправилась в столовую, все еще что-то бормоча. Она вернулась с кучей столовых приборов в одной руке, другой по-прежнему держа бокал.

– Их надо отполировать! – рявкнула она, обращаясь к мужу.

Тот пожал плечами. Неужели он не понимает, что она ведет себя как чокнутая? Но отец просто сказал:

– Я скажу домработнице.

– Поручил бы это Аве. – Ава почувствовала на себе взгляд Лесли. –

Полировка серебра – полезный навык.

Мистер Джалали положил руку на плечо жены.

– Дорогая, у нас еще почти целая неделя на подготовку. Времени предостаточно.

Ава не удержалась и оторвала глаза от задачника.

– На подготовку к чему?

Отец ответил с доброй улыбкой:

– Мама Лесли придет к нам из Нью-Йорка. Она погостит у нас несколько дней, и Лесли решила устроить дома вечеринку.

– И я хочу, чтобы все было идеально, – вмешалась Лесли, стряхнув крошку с кухонной стойки багровым ногтем, похожим на коготь. Потом она бросила грозный взгляд на Аву. Смысл читался предельно ясно: «Это значит, чтобы никаких неприятностей от тебя». Ава пожала плечами, хотя внутри у нее все кипело. Лесли и раньше не выказывала ни капли доброты по отношению к ней, а после недавнего визита Авы в полицию в связи с убийством Грейнджера и вовсе превратилась в настоящую ведьму. Ава глянула на отца, то тот снова уставился в свою газету, будто не чувствовал напряжения. Ава поражалась, как сильно изменился отец с появлением этой женщины. Раньше – в старые добрые времена – родители окружали ее бесконечной заботой. В доме всегда звучал смех. Никакой маниакальной уборки. Никаких гадких злобных взглядов.

Зазвонил телефон, и мистер Джалали, извинившись, вышел из кухни, чтобы поговорить в кабинете. Лесли пересчитывала винные бокалы, потом вытащила несколько штук из шкафа и небрежно поставила в раковину, пробормотав что-то насчет разводов на стекле. Вид у мачехи был такой, будто она на грани инсульта.

Ава захлопнула учебник и взглянула на Лесли.

– Я уверена, к приезду твоей мамы все будет в идеальном состоянии.

Плохая была идея. Лесли резко обернулась и уставилась на нее, раздувая ноздри.

– У тебя сейчас нет никакого права высказываться!

Ава вдавила кончик карандаша в тетрадь.

– Я просто пытаюсь помочь. От стресса ведь можно и заболеть.

Лесли одним движением придвинулась к Аве. От нее пахло вином.

– Я ношусь по дому, чтобы сделать все идеальным, потому что все совсем не идеально. И в первую очередь я имею в виду тебя! – Она махнула рукой в сторону Авы. – Одеваешься как шлюха. – Она указала на узкие джинсы Авы и топ, который только с большой натяжкой можно было назвать откровенным. – Неудивительно, что тебя никто не уважает. Чем ты

на самом деле занималась в доме учителя перед тем, как убила его? Пыталась соблазнить?

Ава вскочила. Во-первых, ее взбесило, что Лесли в курсе распущенных Ноланом слухов о том, что Ава спит с учителями в обмен на пятерки. Еще ее разозлило, что копы позволили Лесли присутствовать при разговоре с отцом, когда ему объясняли, почему ее подозревают в убийстве Грейнджера.

– Да я и близко к нему не подходила!

Лесли закатила глаза.

– Ну конечно.

Ава не верила своим ушам. Она не могла это терпеть больше ни секунды. Она захлопнула учебник, схватила тетрадку и карандаш и побежала к себе в комнату, где бросилась на кровать и принялась колотить кулаками по покрывалу из персидского шелка. Это покрывало ей привезли родители из последней поездки в Иран, незадолго до маминой смерти.

Ава так скучала по маме. Невыносимо жить под одной крышей с этой женщиной. Почему она так ненавидит Аву? Ревнует?

Снизу доносились приглушенные голоса отца и Лесли. Отец, наверное, спросил, куда подевалась Ава, а Лесли опять врет о том, как «эта испорченная девчонка» надерзила ей и убежала к себе. Мгновение спустя Ава услышала, как закрылась и открылась входная дверь, а потом – как Лесли без умолку раздраженно тараторит на парковке. Открылась и закрылась дверца машины, взревел двигатель. Выглянув из-за шторы, Ава увидела, как отцовский «Мерседес» задним ходом выкатил на дорогу. Они уехали.

Ава вздохнула, перевернулась на спину и уставилась в потолок. Ей вдруг стало мучительно одиноко. К кому ей обратиться? Не к отцу, который столько лет был ее опорой. И не к Алексу, которого она так любила: они не общались с тех самых пор, как он увидел ее выходящей из дома Грейнджера и настучал в полицию.

Ох, Алекс. Она до сих пор не могла поверить, что он так поступил.

Да, она понимала, как это выглядело со стороны: она выбежала из дома Грейнджера растрепанная и покрасневшаяся, в полурасстегнутом платье.

Ей было ужасно обидно, что Алекс подумал то же самое, что и Лесли: что она пришла к Грейнджеру, чтобы переспать с ним. Алекс знал, что Грейнджер приставал к ней и спал с другими ученицами. Но почему он просто не спросил у нее, что случилось? Она бы ему рассказала. Может, не всю правду, но хотя бы часть. Даже о том, что они сделали с Ноланом.

Но в том-то и дело – Алекс не спросил. Он просто позвонил в полицию и сдал ее. И это ее бойфренд. Ава не знала, обижаться ей или злиться, или и то, и другое. Неужели он и правда думал, что она способна кого-то убить? Он что, совсем ее не знал?

Ей так хотелось спросить у него, почему он так ужасно поступил. Ведь, несмотря на боль от предательства, она скучала по Алексу – так сильно, что это причиняло ей физическую боль. Не общаться и не видеться с Алексом – это было так странно. Как будто от нее осталась половина. Звякнул телефон, и она подскочила на кровати. Может, это сообщение от Алекса? Она дважды писала ему с просьбой поговорить, но он не отвечал.

Но нет, это была всего лишь Маккензи. *«В школе было так странно, правда?»* Ава глубоко вздохнула. Странно – это мягко сказано.

В коридорах, куда ни глянь, попадались рыдающие школьники.

Дверь кабинета Грейнджера была украшена цветами, а несколько хипповатых девчонок целый день просидели напротив нее, играя на гитарах и тамбуринах и распевая песни о цветах, лугах и райских куцах. Учителя, в обычное время помешанные на посещаемости, ни слова им не говорили. Несколько раз по радио объявляли молитвенные собрания у флагштока – с какой стати у флагштока, Ава так и не поняла, но почему-то желающие помолиться собирались именно там. Уже объявили, что похороны Грейнджера состоятся в четверг, и посещение обязательно.

А что хуже всего, ученики, похоже, что-то узнали: может, только то, что Ава была у Грейнджера незадолго до его смерти, а может, и все подробности той истории, включая подозрения на ее счет. Какая-то стерва взломала ее шкафчик в физкультурной раздевалке и разлила всю косметику, дезодорант и шампуни, которые она там хранила. После пробежки по стадиону у нее не оказалось ничего, чтобы привести себя в порядок, и остаток дня пришлось ходить потной и растрепанной.

«Странно – это мягко сказано», – ответила она. *«Копы с тобой связывались?»* – спросила Мак. *«Нет. А с тобой?»*

Мак написала, что с ней тоже нет. Аве пришлось признать, что она удивлена: она рассчитывала, что к этому времени полиция уж точно снова объявится. Особенно если выяснит историю ее взаимоотношений с Грейнджером: что она не так давно приходила к нему домой, чтобы исправить оценку за сочинение, и что он к ней приставал. В школе она весь день сидела как на иголках, ожидая, что в класс вот-вот войдет полицейский, но этого так и не произошло.

Ава вздохнула, снова переключившись на мысли об Алексе. Если бы только он ответил на ее сообщение. Если бы только он все объяснил, и дал

ей самой шанс объясниться. Она крутила в руках телефон. Ей нужно было с ним поговорить, но звонить было бессмысленно. До сих пор он не ответил ни на один звонок и ни на одно сообщение: с чего вдруг ему начинать сейчас?

Так что она решила пойти к нему домой.

Встав с постели, Ава увидела свое отражение в зеркале и едва не расхохоталась. Волосы торчат во все стороны, кожа, обычно сияющая и карамельная, потускнела и приобрела землистый оттенок, под глазами появились мешки. Она наверняка похудела, потому что узкие джинсы висели на бедрах, а рубашка болталась на плечах. Но у нее не было сил, чтобы придать себе привычный вид идеальной девушки, которая не только умна, но и красива. Придется Алексу смотреть на нее в таком виде. Возможно, это покажет ему, как она страдает из-за его поступка.

Взяв машину, Ава, скорее всего, навлекла бы на себя новые неприятности, так что она выкатила из гаража свой старый велосипед. Крутя педали, она проговаривала про себя, что скажет Алексу, когда его увидит – если вообще увидит. «Я знаю, как это выглядело, но все было не так», – начнет она. Но что если Алекса видел в окно, какой стриптиз она устроила для Грейнджера? Что ей сказать на это? «Я пыталась спасти подруг, потому что мы вломились к нему в дом, считая его убийцей»?

Черт, как же она нервничала. Это тоже было в новинку: раньше она никогда не нервничала в присутствии Алекса.

До дома Алекса было всего несколько кварталов, но добравшись туда, она совсем выдохлась, а по лицу текли капельки пота. Она судорожно втянула воздух, сворачивая в квартал Алекса, где стоял и дом Грейнджера, по-прежнему окруженный желтой полицейской лентой. Туда-сюда сновали криминалисты в форменных жилетах с надписью «Место преступления», а на обочине стоял микроавтобус новостной службы с гигантской антенной на крыше. Ава нервно поежилась, задумавшись о том, что же обнаружила полиция в доме. Действительно ли Грейнджер знал об убийстве Нолана нечто такое, что стоило ему жизни? Или же криминалисты просто искали новые улики против нее самой?

Она проехала еще несколько домов, прежде чем нажать на тормоз. Возвращаться на место преступления, наверное, ужасная идея. Копы могут увидеть ее и решить, что она приехала посмеяться над ними, или еще что-нибудь в этом роде.

Прищурившись, Ава посмотрела на дом Алекса. К ее удивлению, его тоже оцепила полиция. Подъезд к дому преградили две полицейские машины с распахнутыми дверцами. А рядом стояли четверо офицеров. И,

кажется, они на кого-то кричали.

Ава притаилась за дубом в соседском дворе, не вполне понимая, что происходит. Но когда один из полицейских слегка отодвинулся, она увидела, что кричали они на Алекса. Он бешено размахивал руками. И тут, прямо на глазах у Авы, двое полицейских схватили Алекса за руки и развернули его спиной к себе. Он пинался и пытался вырваться, но копы прижали его лицом к стене.

Ава ахнула.

– Нет! – Ей было больно видеть, как с ее любимым так жестоко обращаются. Какого черта они делают?

Потом один из полицейских начал надевать на Алекса наручники. Ава бросила велосипед на землю и побежала через лужайку, больше не заботясь о том, что ее увидят. Она прорывалась сквозь ряды криминалистов, журналистов и зевак, крича:

– Нет! Не надо!

Алекс пытался вырваться.

– Отстаньте от меня! – кричал он. – Я же сказал вам, я ничего не сделал!

– У вас есть право хранить молчание, – громко сказал ему один из копов. – Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Ава открыла рот от изумления. Ему что, зачитывают права? Она подбежала к дорожке перед домом Алекса, оттолкнула несколько случайных прохожих и наконец смогла разглядеть, что происходило на крыльце.

– Алекс! – завопила она, не успев как следует обдумать ситуацию. – Алекс, это я!

Алекс резко повернул голову, встретился с ней взглядом и изумленно открыл рот. Вдруг один из полицейских взял Аву за плечо.

– Отойдите. Этот парень может быть опасен.

Опасен? Алекс был из тех, кто выкидывает пауков на улицу, вместо того чтобы раздавить. Это он все откладывал их первый секс, считая, что нужно подождать, пока они не будут уверены, что настал тот самый, правильный и особенный момент.

– Почему вы его арестовали? – воскликнула Ава. – Что происходит?

Алекс смотрел куда-то мимо нее. Копы подталкивали его к машине, крепко держа за руки. Когда его запихнули внутрь, в голове Авы возникла странная мысль. «Этот парень может быть опасен». Она вспомнила странное пустое выражение лица Алекса, когда его уводили. Что бы ни случилось, он не мог ей этого объяснить.

Полицейский закрыл дверцу машины за Алексом и пошел к переднему сиденью. Фары уже зажглись, и когда коп открыл переднюю дверцу, на него налетели репортеры.

– Офицер! – кричали они. – С чем связан арест этого юноши? Вы можете объяснить?

Ава подалась вперед. Сердце в ее груди бешено колотилось.

Полицейский дотронулся до рации, висевшей у него на ремне, и посмотрел прямо в камеру.

– На данный момент я могу сказать вам только то, что знаю сам, – угрюмо ответил он, держась рукой за дверцу. – С этого момента Алекс Коэн находится под арестом по подозрению в убийстве Лукаса Грейнджера.

В четверг вечером Джулия въехала на парковку дайнера *Judy's*. На улице лил дождь, но в окнах кафе уютно горел свет, и сидящие внутри люди выглядели довольными и расслабленными. Внезапно внутри мелькнула копна рыжих волос, и сердце Джулии заколотилось. Вдруг это Эшли? Джулия не видела ее с тех пор, как она разослала то письмо, и по-прежнему страшилась неминуемой встречи.

Но присмотревшись, она поняла, что это всего лишь какая-то девушка с таким же цветом волос. Она зачерпнула ложкой что-то похожее на рисовый пудинг и улыбнулась сидевшему напротив парню. Джулия с облегчением выдохнула. Она была совсем не готова к встрече с Эшли.

Кто-то постучал в окно машины, и она, вздрогнув от неожиданности, подняла глаза. Это была Паркер – из-за нее-то Джулия сюда и приехала. Джулия разблокировала двери машины, и Паркер, промокшая насквозь, плюхнулась на пассажирское сиденье.

– Ты что, не видела, как я тебе махала? – спросила она с раздраженной ноткой в голосе. – Могла бы подъехать поближе к тротуару.

– Прости, – извинилась Джулия. – Мне показалось, я увидела внутри кое-кого.

– Эшли?

Была у Паркер такая особенность: она слишком хорошо знала Джулию.

– Возможно, – пробормотала Джулия.

Паркер заскрежетала зубами.

– Ненавижу эту девицу. Реально ненавижу.

– Знаю. Я тоже.

– Да, но ты просто сдалась и подставляешься ей. С другой стороны... – Паркер внимательно оглядела Джулию, которая была одета в розовую блузку со скинни-джинсами и стянула волосы в высокий хвост. – Ты нормально одета и вообще не выглядишь такой уж расстроенной.

Джулия хотела сказать, что это из-за Карсона: в тот день он звонил ей, чтобы узнать, как дела, и они проболтали почти два часа. Но иногда ей было сложно рассказывать Паркер о счастливых переживаниях, ведь у подруги все складывалось сложно. Так что она просто пожала плечами:

– Пытаюсь держаться.

– Надо как-нибудь отомстить Эшли, – буркнула Паркер.

– Как, например? – спросила Джулия, вырuling с парковки. – Спустить ей шины? Запостить какую-нибудь гадость в «Фейсбуке»? Это будет выглядеть, как глупые школьные разборки.

Паркер развалилась на сиденье и пробормотала что-то неразборчивое. Джулия некоторое время смотрела на подругу. Паркер выглядела бледной, уставшей и расстроенной. Наверняка у нее были проблемы посерьезнее Эшли.

По лобовому стеклу с шумом двигались дворники.

– А где ты пропадала-то? – Джулия понятия не имела, где Паркер провела прошлую ночь. Когда вечером Паркер позвонила и попросила ее забрать из дайнера, Джулия уже была готова объявить ее в розыск. Конечно, Паркер и раньше пропадала, но так надолго – никогда, и она всегда предупреждала Джулию, куда направляется.

С другой стороны, раньше их не подозревали в убийстве.

Паркер пожала плечами.

– Да так, бродила.

Джулия затормозила у знака «Стоп».

– Просто бродила? – Интересно, значило ли это, что Паркер сама не помнит, где была? В душе Джулии зародился страх. – Хочешь об этом поговорить? – нерешительно спросила она.

– Да не особенно.

Джулия закрыла глаза. Ей хотелось, чтобы Паркер поговорила с ней – о чем угодно. Казалось, подруга все глубже уходит в себя, особенно после смерти Нолана. Жаль, что у нее не сложились отношения с тем психологом, которого Джулия ей посоветовала. Теперь же, каждый раз как она вспоминала о том, что Эллиот Филдер сделал Паркер, ее охватывало такое мощное чувство вины, что перехватывало дыхание. Она совершила много ошибок с Паркер – ужасных ошибок, которые уже не исправишь. Теперь нужно очень-очень хорошо о ней заботиться, пообещала она себе.

– Так куда мы едем? – вяло спросила Паркер, глядя на проносющийся за окном сосновый лес.

– К Аве, – ответила Джулия. – Она недавно звонила. Ее бойфренда арестовали за убийство Грейнджера.

Паркер вскинула брови.

– погоди. Бойфренд Авы – это ведь тот парень, который нас сдал?

– Ага. Странно, правда?

– Не то слово, – тихо отозвалась Паркер, когда они свернули на улицу, где жила Ава. Она прокашлялась. – А знаешь, что еще странно? Сегодня утром я узнала, что кто-то убил моего отца.

Джулия ударила по тормозам прямо посреди улицы.

– Что?!

– Угу. Умер на тюремном дворе. Его уже кремировали. Туда ему и дорога, верно?

Паркер говорила без выражения, бесцветным голосом, и Джулии на мгновение показалось, что она шутит. Но где-то в глубине ее глаз притаилась боль. К тому же Паркер не стала бы шутить на эту тему.

Джулия сжала руку подруги.

– Господи, – прошептала она. – Мне так жаль. Хотя, может, нам стоит радоваться?

Паркер плотнее надвинула капюшон на лицо.

– Знаю. – Она посмотрела Джулии прямо в глаза, что делала теперь крайне редко из-за своих шрамов. – В смысле, я так часто говорила, что хочу, чтобы он умер, а теперь он и правда умер. Как будто мое желание сбылось.

– И мое, – слабым голосом сказала Джулия. Но странным образом смерть Маркуса Дюваля не принесла ей ожидаемого удовлетворения. Все равно это не изменит того, что он сделал с Паркер.

Джулия заглушила двигатель у дома Авы и обеспокоенно посмотрела на подругу.

– Ты уверена, что хочешь туда идти? Можем и не ходить.

Паркер кивнула.

– Я в порядке. Правда.

Джулия ободряюще пожала ее руку.

– Ладно, но если тебе будет там некомфортно, можем уйти, договорились? К тому же у нас сегодня вечер кино в моей комнате. Любой фильм на твой выбор. Даже с Беном Аффлеком.

Они вылезли из машины и пошли к дому. Не успели они позвонить, как дверь распахнулась. На пороге стояла Лесли, мачеха Авы. Глаза ее смотрели холодно, уголки рта опущены. Ее качало из стороны в сторону. Ветерок донес до Джулии запах белого вина.

– Еще пожаловали, – сказала она, недовольно глядя на Джулию и Паркер. – Остальные уже у нее в комнате. Постарайтесь ничего не разгромить, ладно?

Джулия молча кивнула, но Паркер злобно уставилась на женщину и вскинула голову.

– Вообще-то я собиралась поджечь дом, если вы не возражаете. И, возможно, ширнуться героином у вас в ванной. Ничего?

– Паркер! – Джулия пихнула ее локтем. Паркер плохо умела общаться

со взрослыми, и ее отец всю этим пользовался.

Мачеха Авы переводила взгляд с одной девушки на другую, явно раздраженная.

– Вы вообще кто? – невнятно спросила она.

– Идем, – сказала Джулия, схватила Паркер за руку и потянула ее за собой наверх. Неудивительно, что Ава вечно жалуется на мачеху. Настоящая гадюка.

Дверь спальни Авы была приоткрыта. Сама Ава сидела на кровати, а Кейтлин и Мак растянулись на полу. Все выглядели потрясенными, а прекрасное лицо Авы распухло от слез.

Джулия крепко обняла ее.

– Ты как?

Ава пожалала плечами, потянувшись за упаковкой бумажных салфеток.

– Да так себе. А ты? Я не видела тебя в школе после этого жуткого письма, – она окинула Джулию взглядом, обратив внимание не ее серьги. – Красивые сережки.

Джулия потупилась.

– Спасибо... Я... потихоньку, – тихо сказала она. – Может, даже вернусь в школу. – Конечно, это была заслуга Карсона. Он так ее поддерживал, что она была почти готова встретиться лицом к лицу с всеобщим презрением.

– Конечно, возвращайся, – мягко сказала Кейтлин. – Не позволяй им видеть, что они тебя заделали. И мы тебя поддержим.

– Точно, – эхом отозвалась Мак. – Мы все время будем с тобой.

Джулии захотелось обнять их всех. На фоне жуткой боли от того, что ее тайна раскрыта, сознание того, что новые подруги – эти девочки, которых она едва знала еще пару недель назад, – не осуждают ее, казалось истинным подарком судьбы. Что бы ни случилось, они смогут положиться друг на друга. Общая беда сплотила их.

Ава резко захлопнула за ними дверь своей комнаты, и они некоторое время молча переглядывались. Потом Кейтлин глубоко вздохнула.

– Так значит, Алекс.

– Не могу в это поверить, – сказала Джулия, глядя на Аву. – Ты правда была там, когда его арестовали?

Ава с несчастным видом кивнула.

– Они выволокли его из дома и запихнули в машину. Жуткое было зрелище.

– Как ты думаешь, он правда это сделал? – осторожно спросила Джулия.

Ава закусила нижнюю губу.

– Исключено. Он бы никого и пальцем не тронул.

Мак прокашлялась.

– А как же это? – Она открыла на телефоне какой-то сайт. На экране появился ведущий местного новостного канала. «Новый подозреваемый по делу об убийстве Грейнджера, Алекс Коэн, ранее был замечен в склонности к насилию, – вещал комментатор. – Мы побеседовали с Льюисом Петровски, бывшим соучеником Алекса по школе в Монтерее, штат Калифорния».

В кадре появился веснушчатый кудрявый парень.

– Мы все знали, что собой представляет Алекс, – заявил он. – У него была девушка, Клео, и он никак не мог ее забыть. Практически преследовал ее. И однажды он жестоко избил ее нового парня, Бретта. Бретт лежал в больнице целый месяц. – Губы мальчика задрожали. – Это мой лучший друг. Я так за него волновался.

На экране снова появился ведущий.

– Сотрудники 11-го канала попытались побеседовать с родителями Клео Хокинс и Бретта Грина, чтобы получить их комментарии, но пока связаться с ними не удалось.

Ава в изумлении уставилась на телефон Мак.

– Да как такое может быть?

Джулию накрыло волной сочувствия. Ясно было, что Ава никогда раньше об этом не слышала: ни от своего адвоката, ни тем более от Алекса. Вид у нее был такой, словно ей отвесили оплеуху.

Мак поморщилась.

– Мне жаль, что ты вот так узнала об этом. – Ава молчала. Она нажала на «плей», и ролик начался сначала.

– Алекс не такой, – сказала она, когда сюжет закончился.

– Но вообще-то все сходится, – вмешалась Паркер. – Он увидел, как ты показываешь стриптиз Грейнджеру, сорвался и убил его.

Ава уставилась на нее глазами, полными слез.

– Алекс не из тех, кто «срывается»!..

Кейтлин постукивала кулаками по коленям.

– Вообще-то мой адвокат рассказал мне ту же историю про парня из его старой школы. Говорят, копы нашли в телефоне Грейнджера сообщение от Алекса: «Держись подальше от моей девушки, а не то я тебя прикончу».

Ава с каждой секундой становилась все бледнее.

– Что?!

– Алекс отправил его сразу после того, как ты призналась ему, что

Грейнджер к тебе приставал, – тихо сказала Кейтлин, искоса глянув на Аву. – Твой адвокат тебе об этом не рассказывал?

Ава поморщилась.

– Мой адвокат мне вообще пока не звонил. А еще говорят, что он лучший в своем деле, – она опустила глаза. – Несмотря на угрозу и наличие мотива, а также якобы имеющуюся склонность к насилию, – она произнесла «якобы» так, будто не совсем верила в это, – мне все равно кажется, что этого недостаточно, чтобы арестовать Алекса.

Кейтлин смущенно кашлянула.

– Ну, на ручке двери в доме Грейнджера полно отпечатков Алекса.

– Ого, – выдохнула Мак.

– Почему я ничего об этом не знала? – дрожащим голосом воскликнула Ава.

– Может, твой адвокат или родители пытаются тебя защитить? – предположила Джулия.

Ава потрясенно покачала головой.

– Я просто не понимаю.

Джулия обвела взглядом остальных.

– Но ведь это значит, что с нас сняты подозрения, так?

– Так мне сказал адвокат, – тихо ответила Кейтлин. Джулия была вынуждена признать, что чувствовала облегчение. Было бы здорово, если бы ей больше не пришлось ходить в полицейский участок. С другой стороны, выражение лица Авы омрачало ее торжество. Она попыталась расставить все по местам.

– Если Алекс убил Грейнджера, и если он сделал это на почве ревности, значит ли это, что Грейнджер все-таки убил Нолана? И что эти два убийства не связаны между собой?

– Может, и так, – Мак подтянула колени к груди. – Может, все в конце концов прояснилось.

Некоторое время все молчали. Джулия старалась избегать взгляда Авы. Потом Паркер кашлянула.

– Недавно убили еще кое-кого.

Все посмотрели на нее. Внезапно Паркер потеряла дар речи. Джулия набрала воздуха в легкие, чувствуя, что знает, к чему клонит Паркер.

– Убили отца Паркер, – сказала она.

Остальные ахнули.

– О господи, – выдохнула Ава. – Как это случилось?

– Как? – Паркер прокашлялась, вновь обретя способность говорить. – Его пырнули ножом в тюремном дворе. Пока непонятно, кто это сделал, но

явно кто-то из заключенных.

– Ничего себе. – Мак рассеянно водила пальцем по вышивке на диванной подушке Авы. – Что-то много смертей в последнее время.

Кейтлин склонила голову набок.

– Вам не кажется, что все это – очень странное совпадение?

– В смысле? – переспросила Мак.

Кейтлин посмотрела на Джулию.

– Джулия, ты сказала, что хочешь его смерти, на том же уроке, когда мы обсуждали Нолана. И теперь он правда мертв.

Джулия внезапно поняла, что имела в виду Кейтлин. Перед тем, как они придумали, как убить и разыграть Нолана, каждая из них назвала человека, которого хотела бы убить, и рассказала, как бы она это сделала. Выбор Джулии пал на отца Паркер. И, если хорошенько подумать, она и правда сказала: «Его могли бы пырнуть ножом в тюремном дворе».

– Не хочу показаться параноиком, но совпадение жутковатое, – тихо продолжила Кейтлин. – Сперва Нолан умирает именно так, как мы задумали, а теперь и отец Паркер?

– В тюрьме все время кого-то убивают, – сказала Мак, оглядываясь по сторонам.

– Вот именно, – поддержала ее Ава. – Скорее всего, это никак не связано.

– Но давайте немножко поиграем в адвоката дьявола, – настаивала Кейтлин. – Допустим, это не совпадение. Допустим, кто-то... ну не знаю, подслушал наш разговор. – Она снова взглянула на Джулию. – Жалко, что у нас нет тех записей Грейнджера. Кто-нибудь помнит, что там было?

Джулия вздрогнула. Она нашла в кабинете Грейнджера блокнот, где явно был законспектирован их разговор. Она посмотрела на Паркер, ища поддержку.

Паркер кивнула.

– Там было сказано: «Нолан – цианид». Если Грейнджер убил Нолана, то идея насчет цианида возникла у него именно так. И он понял, что сможет свалить все на нас.

– А у него там были все имена, которые мы назвали? – спросила Ава.

– Вроде бы да, – ответила Джулия. – Там было что-то про Лесли, и про Клэр...

Мак уставилась в потолок.

– Это я назвала Клэр, – на ее щеках вспыхнул румянец.

– Еще отец Паркер, – добавила Джулия. – Грейнджер все записал.

– Но Эшли Фергюсон там не было, – добавила Паркер, и Джулия

кивнула. И правда, не было. Хотя, может он тогда не знал, кто такая Эшли? Она не ходила на киноведение.

– Как думаете, мог нас услышать кто-нибудь еще? – вмешалась Кейтлин. – В смысле, кто-то кроме Грейнджера?

Джулия нахмурилась.

– Кто-то из класса?

Кейтлин пожала плечами.

– Не знаю. Наверное.

– Даже если бы кто-то и услышал, что тогда? Этот человек пробрался в тюрьму строгого режима и зарезал заключенного?

– Ну а вдруг так и было? Давайте просто рассмотрим такую возможность. Кто еще был с нами в классе в тот день?

Ава закрыла глаза, припоминая.

– Урсула Уинтерс. Рене Фоули. Алекс, но он сидел на другом конце класса и говорил с Ноланом.

– Оливер Ходжес, Бен Риддл, Квентин Аарон, – добавила Мак. – Джеймс Вонг.

– У него отец конгрессмен, и он досрочно поступил в Гарвард, – перебила Ава. – Он бы не стал делать такие ужасные вещи. Его можно вычеркнуть.

– Ой, как будто мы не наделали глупостей, несмотря на поступление в Джульярд и футбольную стипендию? – возразила Мак.

Ава побледнела.

– Ладно, – признала она, – Джеймс Вонг тоже мог нас услышать.

– И Клэр там была, – добавила Мак. – Может, это она? Если бы она услышала, что я желаю ей смерти, с нее бы случилось мне отомстить.

Кейтлин постучала пальцем по губам.

– А что насчет Урсулы? Она хочет меня обойти любой ценой.

– И пойдет даже на убийство? – скептически переспросила Паркер.

Джулия была вынуждена признать, что это уже как-то чересчур. Все молчали. Она закрыла глаза, пытаясь представить ситуацию со стороны.

– Послушайте, это какое-то безумие. Никто кроме Грейнджера нас не слышал. И я своими глазами видела его блокнот. Даже если копы найдут его, наших имен там нет. Это ничего не доказывает.

– А что потом стало с этим блокнотом? – спросила Кейтлин. – Кто-нибудь в курсе?

Джулия задумалась, но они так спешили, когда Грейнджер вдруг вернулся домой...

– Я точно не знаю, – призналась она.

Паркер тоже выглядела смущенной.

– Мне казалось, я его забрала, но я понятия не имею, куда он делся.

– Это значит, что он по-прежнему где-то там. – Ава выглядела встревоженной. – Его могла найти полиция. Или кто-то еще. Тот, кто на самом деле убил Грейнджера.

Пока они рассуждали, Мак повалилась на кровать. Ее светлые волосы рассыпались по покрывалу.

– Девчонки, – сказала она, – напрасно мы переживаем. Смерть отца Паркер не имеет отношения ко всему этому и к нам. Его наверняка все ненавидели из-за того, что он сделал с Паркер. В тюрьме ведь всегда ненавидят тех, кто причинил вред своим детям, правда? Это последнее, о чем нам стоит волноваться. К тому же – каким образом школьник мог бы подстроить убийство заключенного?

– Наверное, она права, – признала Джулия.

– Наверное, – Кейтлин обхватила себя руками под толстовкой. – Простите, что затеяла этот разговор.

– Ничего, – сказала Мак, пожав ее руку. – Полезно посмотреть на ситуацию с разных сторон. Но сейчас лучше сосредоточиться на положительных моментах. Конечно, ужасно, что Алекса арестовали, но ведь это значит, что мы вне подозрений. И можно обо всем этом забыть.

– Ты права, – мягко сказала Джулия. Им сейчас следовало радоваться, а не переживать из-за каких-то безумных теорий, которые все равно не сходятся. Их не посадят в тюрьму. Паркер все еще с ней. К тому же у нее есть подруги – настоящие подруги, которые любят ее, несмотря ни на что.

Может, сейчас им больше ничего и не надо. Но она все же не смогла удержаться от одной фразы:

– Совпадение это или нет, но я правда рада, что Маркус Дюваль мертв.

В среду вечером Мак стояла перед зеркалом в своей комнате, держа перед собой новенькое платье с ярким принтом в виде пионов. Видимо, мама купила его для нее и разложила на кровати с запиской «Надень меня сегодня». Мак наморщила нос. В сочетании с массивными очками в темной оправе и копной непослушных светлых волос платье придавало ей вид не то библиотекарши, не то героини допотопного сериала «Маленький домик в прериях» – другими словами, выглядела она совершенно не круто. Почему бы просто не надеть джинсы? Или вечеринка Джульярда настолько гламурна?

Может, так и есть. В конце концов, это официальный приветственный прием Джульярда для студентов из штата Вашингтон. И ей не терпелось познакомиться с будущими однокурсниками.

Гораздо меньше восторга вызывала мысль о встрече с Клэр.

Мак не видела Клэр целую неделю. В школе она избегала коридоров, где могла столкнуться с ней, а обедать предпочитала в библиотеке. Она даже хотела прогулять репетиции оркестра, но Клэр там и вовсе не появлялась. В обычное время это привлекло бы много внимания, но на этой неделе репетиции были необязательные, поскольку оркестр просто разучивал несколько новых произведений, не готовясь к какому-то конкретному мероприятию. Может, Клэр сама ее избегала?

Мак избегала и Блейка: каждый раз, увидев его в коридоре, она скрывалась в первом попавшемся кабинете, чтобы не встречаться с ним. Капкейк со скрипкой она отдала Сьерре, не уточнив, откуда он взялся. Она безучастно наблюдала, как сестра слизывает с пальцев глазурь, и отказалась попробовать хотя бы кусочек. А открытку Блейка она засунула в бардачок машины – к просроченным страховкам и устаревшим картам. Она надеялась, что случайно наткнется на нее спустя много лет, когда будет крутой и успешной, и Блейк для нее не будет значить ровным счетом ничего.

Мак бросила платье на кровать и закатила глаза. Оно скорее всего ей даже не впору. Может, лучше просто остаться дома? У нее совсем не было настроения куда-то идти. Но потом она вспомнила вчерашний разговор с девочками у Авы. Их больше не подозревают в убийстве Грейнджера, да и Нолана, похоже, тоже. Ей как будто подарили новую жизнь, верно? Пожалуй, стоит насладиться этим по полной программе.

А что касается разговора про их список и про то, что кто-то мог подслушать их план и выполнить его, так это полная чушь.

«Ладно, – решила она. – Пойду». Но платье с пионами она точно надевать не станет. Мак подошла к шкафу, раздвинула вешалки и выбрала темно-бирюзовое платье из шерсти букле, которое купила в Нью-Йорке, когда приезжала на экскурсию в Джульярд. Мама тогда возражала – платье было довольно короткое. Но может, оно и к лучшему. Она дополнила наряд ботинками и кучей бус. Так-то лучше.

Спустя несколько минут Мак мазнула губы блеском, закинула в рот апельсиновый «Тик-Так» и направилась к выходу.

– Пока! – бросила она через плечо родителям, которые сидели в кабинете с закрытыми глазами и слушали оперу Вагнера.

Тридцать минут спустя Мак отдала ключи парковщику у входа в крошечный бразильский ресторан *Michaela* в центре Сиэтла. Она сделала глубокий вдох и зашла внутрь. В колонках гремел какой-то ремикс в стиле босса-нова, повсюду висели лампы Эдиссона в металлических клетках, отбрасывавшие янтарные отблески на сцену. Бармены готовили безалкогольные мохито, а официанты разносили тарелки с жареными бананами и пирожками-кошинья с сыром и курицей. В дальнем зале стоял длинный стол с рассадочными карточками для всех участников. Была там и сложенная вдвое карточка с именем Мак. Взяв ее в руки, она ощутила прилив бурной радости. Она и правда сделала это: поступила в Джульярд! По коже побежали мурашки от радостного волнения и гордости.

– Так, так, так. Значит, ты все-таки пришла.

Мак моргнула, разглядев в тусклом свете ехидное эльфоподобное лицо Клэр всего в нескольких сантиметрах от нее. Она уже прикрепила бейджик к левой груди: «Привет, меня зовут Клэр Колдуэлл».

Мак напряженно сглотнула, поправив очки на носу.

– Мне нужно... э-э-э... – Она запнулась, мечтая поскорее оказаться как можно дальше отсюда.

Клэр стояла в проходе, не давая ей пройти. Она была сантиметров на пятнадцать ниже Мак, и та всегда завидовала ее хрупкому телосложению, но сейчас бывшая подруга казалась выше обычного.

– К твоему сведению, Блейк меня бросил, – прошипела она. – И все из-за тебя.

Мак уставилась на ее туфли на толстом каблуке, размышляя о том, что сказал Блейк. Так значит, это правда. Ну и какая разница. Разрыв Блейка с Клэр ничего для нее не значил.

– Мне жаль, – ответила Мак и добавила: – Извини.

Действительно, что еще она могла сказать? Они больше не были подругами. Они были друг другу никем.

Она протолкнулась мимо бывшей подруги и присоединилась к группе незнакомых ребят, просто чтобы чем-то себя занять. Там было несколько дерганных мальчиков в пиджаках и галстуках, и девочка в ботильонах на шпильке и черном кружевном платье, в которое Мак влюбилась с первого взгляда.

– Привет, я Маккензи! – она протянула руку худенькому мальчику с нежными руками и длинными ресницами.

Мальчик указал на свой бейдж.

– Привет, меня зовут Люсьен, – ироничным тоном сказал он. – Я играю на флейте.

– Рада познакомиться, – улыбнулась Мак.

Остальные тоже начали называть свои имена и инструменты, на которых играют. Потом они принялись обсуждать Нью-Йорк.

– Кто-нибудь там бывал? – с нескрываемым любопытством спросила девушка по имени Рианнон.

Люсьен кивнул.

– Родители меня возили туда на прошлый день рождения. Потрясающий город, – захлебываясь от восторга, сказал он. – Жду не дождусь, когда снова туда поеду.

– А правда, что там все ужасно дорого? – спросил пианист по имени Декстер. – Я слышал, там пачка жвачки долларов пять стоит.

– Это правда, но энергетика того стоит, – вставила Мак. Она и сама бывала в Нью-Йорке – в музыкальном лагере, вместе с Клэр. Она поспешила заглушить нахлынувшие воспоминания о том, как они гуляли по Таймс-сквер в одинаковых футболках с надписью «Я люблю Нью-Йорк», ели мешками конфеты из кондитерской *Dylan's Candy Bar* и пробрались на сцену Карнеги-холла, чтобы посмотреть, каково это, а потом убегали от охраны. – Но не стоит верить слухам. В Нью-Йорке не все сплошь грабители и карманники. И крокодилы в канализации не водятся.

Декстер фыркнул и закатил глаза.

– Угу. Зато в метро живут гигантские крысы.

– Это да, – заметила Мак. – Они и правда мерзкие. – Все брезгливо поморщились. Мак спиной чувствовала на себе обжигающий взгляд Клэр, но твердо решила не оборачиваться. Сегодня она будет веселиться, черт возьми. И не потащит прошлое за собой.

К ним вразвалку подошел высокий широкоплечий блондин с ямочкой на щеке. Мак посмотрела на его пиджак, но бейджика на нем не было.

– У вас тут, похоже, весело, – с энтузиазмом сказал он.

Люсьен пригубил свой напиток.

– Да мы тут просто обсуждаем крыс в метро. Обычная тема, чтобы завязать знакомство.

Новенький тут же уставился на Мак.

– Крысы в метро? Бр-р.

Мак хихикнула, подавив ботанский порыв поправить очки.

– Боишься?

Парень хмыкнул.

– Крыс-то? Не-а. Я вырос на ферме. Но я слышал, что в Нью-Йорке они отличаются особой сообразительностью. Выделяют всякие трюки – носят разные предметы в зубах, кувыркаются, говорят на нескольких языках.

– Спорят с таксистами? – вставила Мак.

Новенький усмехнулся.

– Торгуются с продавцами фальшивых сумок *Gucci* на Канал-стрит.

– Без очереди проходят в лучшие клубы, – пошутила Мак, вовсю наслаждаясь ситуацией.

Парень протянул ей руку.

– Я Оливер. Играю на фортепиано, – Ладонь у него была гладкая, но на кончиках пальцев были мозоли. От его прикосновения по телу Мак пробежал электрический разряд.

– Маккензи. Виолончель. Приятно познакомиться.

– Взаимно, Маккензи-виолончель. – Он уверенно смотрел ей в глаза. – Меня всегда восхищало, как вы, виолончелисты, повсюду таскаете за собой эту бандуру, будто она ничего не весит. По виду и не скажешь, до чего она тяжелая.

– Этому нас учат в первую очередь, – пошутила Мак. – Прямо на первом занятии, еще до того, как сыграем хоть одну ноту. – Ей не верилось, что она так легко подбирает нужные слова. Ей никогда не удавалось так непринужденно флиртовать с Блейком. Может, потому, что в его присутствии она всегда слишком давила сама на себя?

– Ах, вот оно что! А я-то всегда удивлялся! – У него приятный смех, подумала Мак. Открытый, искренний, теплый. Но тут, к ее досаде, в груди кольнуло. «Он не Блейк», – произнес тихий голосок в ее голове. Мак передернуло. «Ну и что? – в ярости подумала она. – Блейк причинил мне боль. Вернее, он меня подставил».

Она постаралась снова сосредоточить внимание на Оливере. Тот рассказывал какую-то историю про виолончелистку из своей школы –

крошечную японку, которая была едва ли не меньше собственного инструмента, но при этом превосходно им владела.

– А вы, пианисты? – спросила она. – Наверное долго учитесь таскать за собой рояль?

– Я что, похож на человека, который сам носит свой инструмент? Для этого есть специально обученные люди. – В его зеленых глазах мелькнула озорная искорка. – Я потому и выбрал фортепиано, чтобы всю черную работу за меня делали другие.

Мак изо всех сил старалась сохранить серьезное лицо.

– Все с тобой ясно. А в Джульярде в курсе, что ты такая примадонна? Оливер склонился к ней.

– Нет. И давай оставим это между нами, ладно?

Мак уперлась руками в бока, взглянув на него с притворной строгостью.

– А я что с этого получу?

– А это мы посмотрим, Маккензи-виолончель. Договорились?

– Посмотрим, – промурлыкала она. От Оливера исходил приятный свежий запах лимонов и чего-то соленого, напомнившего ей о море. Совсем не похоже на сладкий запах Блейка. «Оно и к лучшему», – напомнила она себе.

Кто-то похлопал ее по плечу, и Мак обернулась, оказавшись лицом к лицу с женщиной средних лет в коричневом твидовом костюме.

– Здравствуйте, меня зовут Ольга Франк. Отдел приемной комиссии по северо-западу, – проблеяла женщина, улыбаясь во все тридцать два зуба. – Маккензи Райт! Я вас искала.

Маккензи пожала протянутую ладонь.

– Очень рада знакомству. Спасибо за все.

Ольга махнула рукой.

– Не стоит благодарности, дорогая. Ты это заслужила. А теперь пойдем, я хочу тебя еще кое с кем познакомить, – она потянула Мак за руку в сторону стайки школьников в другом конце ресторана. Мак оглянулась на Оливера через плечо, улыбнувшись ему с извиняющимся видом. Он подмигнул в ответ, и она подавила смешок. А флиртовать, оказывается, весело!

Спустя пятнадцать бесконечных минут, заполненных светской болтовней с двумя скрипачами, альтистом и арфисткой, Мак стала протискиваться через толпу к своим новым знакомым. Ей хотелось еще поболтать с Оливером. Наконец, она увидела его – он стоял у бара, беседуя с кем-то, чьего лица ей не было видно.

Мак повернулась к бармену и указала на чашу с пуншем.

– Можно мне два? – Тот поспешил выполнить заказ и с улыбкой протянул ей два бокала. С напитками в руках Мак направилась к Оливеру. Однако, повернув за угол, она поняла, с кем он разговаривает.

Клэр.

Бывшая подруга встряхивала короткими упругими кудряшками и беззаботно смеялась над шуткой Оливера. Заговорив, она непринужденно коснулась его плеча. Он не отстранился.

Мак кипела от ярости. Клэр вовсю флиртовала, и это явно не было совпадением, что в качестве объекта она выбрала именно Оливера. Мак готова была поспорить, что Клэр видела, как они болтали.

Мак стояла в нескольких шагах от Клэр и Оливера, не зная, что делать. Она попыталась придумать какое-нибудь остроумное замечание, чтобы прервать их междусобойчик, но тут Клэр подняла глаза и встретилась с ней взглядами. Она положила руку на локоть Оливера с собственническим видом, и одними губами произнесла: «Мое».

Мак пронзила волна острого гнева. Внезапно она поняла, как поступить. Она не станет покорно отходить в сторону, как когда Клэр положила глаз на Блейка. На этот раз она будет бороться.

Уверенно взмахнув волосами, она облизнула губы, чтобы придать им блеска, и направилась напрямик к Оливеру. «Он мой», – решила она.

На этот раз она победит. Во что бы то ни стало.

В тот же вечер Кейтлин и Джереми гуляли по главной улице Бэкон Хайтс. Выйдя из кинотеатра, они ели мороженое и рассматривали витрины. Солнце уже зашло, в магазинах зажгли свет, и улица выглядела празднично: в барах громко играла музыка, уличный гитарист блестяще исполнял *Come Together*, а на каждом углу стояли стайки смеющихся и болтающих подростков. Кейтлин держала в одной руке мороженое, а второй сжимала ладонь Джереми, прекрасно понимая, что на них все смотрят. Но рано или поздно об их отношениях все равно бы узнали. А ей было так хорошо.

Да, она была с Джереми Фрайди, а не с Джошем Фрайди, и бесконечно этим гордилась.

По подбородку Джереми потекла капля ванильного мороженого, и Кейтлин вытерла ее большим пальцем. Он поймал ее руку и обхватил ее палец губами, слизывая мороженое. Прикосновение его языка эхом отдалось по всему телу Кейтлин. Она склонилась к Джереми, притянула его к себе и крепко поцеловала.

– М-м-м, мятное с шоколадной крошкой, – прошептал он, не отрываясь от ее губ.

– Мое любимое, – выдохнула она.

Джереми с любовью посмотрел на нее.

– Знаю. Ты всегда его любила. За исключением короткого периода увлечения карамельным пару лет назад.

Кейтлин рассмеялась, но в глубине души оценила его слова. Она ведь знала Джереми почти всю жизнь: семьи Мартелл-Льюис и Фрайди постоянно вместе ужинали, вместе ездили отдыхать, а потом, когда она стала встречаться с Джошем, она кучу времени проводила у них дома. Она и понятия не имела, что все это время Джереми наблюдал за ней с таким вниманием, какого Джош никогда не проявлял. Он помнил, как она ненавидела своего учителя геометрии два года назад, и как она накинулась на ириски после того, как ей сняли брекеты, и как она любила злить Тейлора, доставая у него из-за уха четвертаки, потому что так делал их дядя Сидни и они оба это ненавидели. Кейтлин готова была поспорить, что Джош ничего такого не помнил. Но слушая, как Джереми рассказывает обо всем этом, Кейтлин чувствовала себя любимой. Окруженной вниманием.

Джереми потянул ее к скамье напротив канцелярского магазина. Она прижалась к нему, наслаждаясь теплом его тела в вечерней прохладе,

остужавшей ее лицо.

– Ну и как тебе фильм?

Кейтлин наморщила нос, и он легонько постучал по нему кончиком пальца.

– Мне очень понравилось. А тебе?

– Мне тоже. Только я не совсем понял, как...

– Как ему удалось подменить формулы, а потом выманить эту штуковину со щупальцами из-под лавки? – перебила она.

– Точно. Ты прямо мысли мои читаешь, – он улыбнулся. Кейтлин уткнулась лицом в пальто Джереми, потершись щекой о темно-синюю шерсть. Джош никогда бы не пошел смотреть с ней японское аниме. Сказал бы: «Это ерунда для ботаников».

Джереми обхватил ее рукой за плечи и притянул к себе.

– Вот бы сейчас оказаться у тебя или у меня дома, а не на этой холодной скамейке.

Она вздохнула.

– Знаю. Может, скоро и получится. Может, мои мамы встанут на нашу сторону...

Джереми вскинул брови.

– Есть улучшения?

– Минимальные, но все-таки. С тех пор, как с нас сняли подозрения в убийстве Грейнджера, они хотя бы перестали ходить за мной по пятам – Кейтлин закатила глаза.

– Ого! – усмехнулся Джереми. – Да это успех! А что насчет меня?

– С тобой они тоже смирятся, – мягко сказала Кейтлин.

По крайней мере, она на это надеялась. Но когда сегодня вечером она сказала им, что идет на свидание с Джереми, их фальшивые улыбки слегка померкли.

Вдруг в кармане Кейтлин завибрировал телефон. Она вытащила его и нажала «ответить», не посмотрев, кто звонил.

– Поздравляю, капитан! – раздался знакомый громкий голос. Кейтлин не сразу сообразила, что это ее тренер по футболу, Леа.

– Что?! – воскликнула она. Чувствуя на себе взгляд Джереми, она улыбнулась и произнесла одними губами «тренер Леа».

– Вас с Урсулой выбрали капитанами! – Голос Леа всегда был оглушительно громким. – Я подсчитала голоса со вчерашней тренировки, и вы обе – явные победители!

Кейтлин моргнула.

– Правда? – она не могла сдержать широченную дурацкую улыбку.

Она уже решила, что после всего случившегося у нее нет шансов. И несмотря на арест Алекса, беспокоилась, что связь с убийством Грейнджера сыграет против нее. Не что чтобы кто-то говорил, что ему известно о ее роли в этом деле, но все-таки.

И все же... она стала капитаном! Улыбка расплылась еще шире. Даже тот факт, что капитанский титул придется делить с Урсулой, не омрачал ее радость. Кейтлин и Урсула знали друг друга много лет: ездили вместе в спортивные турне, спали на соседних кроватях в футбольных лагерях, но всегда были соперницами, а не подругами. Казалось, Урсула делает все наперекор Кейтлин. Если Кейтлин шутила, Урсула нарочно не смеялась. Если Кейтлин предлагала девочкам в команде надеть одинаковые повязки в День солидарности, Урсула объявляла это дурацкой затеей и настаивала, что нужно надеть браслеты. Кейтлин не понимала, за что она так ее ненавидит.

Тут в ее памяти всплыл разговор в комнате у Авы: про список, который они составили на киноведении, и про то, что Урсула тоже была на этом уроке. Но она тут же прогнала эту мысль прочь.

– Так и есть! – восторженно воскликнула Леа. – Поздравляю, капитан! Уверена, ты прекрасно справишься.

Прежде, чем повесить трубу, Леа рассказала Кейтлин, что теперь она должна будет вести разминку и помогать с планированием командных мероприятий. Кейтлин нажала «отбой». Потом глубоко вздохнула и посмотрела на Джереми.

– Я капитан! – воскликнула она, обвив его шею руками.

Джереми на мгновение застыл.

– Капитан, – медленно проговорил он. – Чего? Футбольной команды?

– Ну да! – Кейтлин выпустила его из объятий и принялась отплясывать рядом со скамейкой.

Джереми искоса посмотрел на нее.

– Так это хорошо?

– Конечно, хорошо! – Кейтлин замерла, сообразив, что что-то не так. – В чем дело? Ты как будто... злишься?

Джереми выглядел озабоченным.

– Конечно, нет! Я просто... думал, ты не уверена насчет футбола. Вот и все.

Кейтлин уселась рядом с ним.

– Это не значит, что я хочу бросить, – она взяла его за руку. – Через пару недель будет игра в честь бала выпускников, после которой капитаны должны выйти на поле со своими парами. Пойдешь со мной? Пожалуйста?

– Бал? – Джереми оттянул воротник. – Ох. Танцы – это вообще-то не по моей части.

– Да ладно тебе. Будет весело! – Кейтлин схватила телефон, сообразив, что ей надо обзвонить столько людей – ее мамы, Ванесса Викинг, Джош...

Джош. Конечно, нельзя звонить Джошу при Джереми. Да может, и вообще не стоит. Это ее немного расстроило. Джош бы точно оценил эту новость. Он бы не стал спрашивать, остались ли у нее сомнения. И не стал бы говорить, как не любит балы.

Джош обнял ее за талию и прижал к себе.

– Ладно, если ты счастлива, я тоже счастлив. – Потом он поднялся. – Пора домой. Пойдем, я тебя подброшу.

Он повел ее в сторону парковки, и Кейтлин тащилась сзади, чувствуя, что ее радость слегка омрачилась. Не то чтобы она скучала по Джошу. И ей совсем не хотелось его вернуть. Ей просто хотелось, чтобы Джереми отреагировал по-другому. Проявил больше энтузиазма. Больше понимания – как во всем остальном.

– Ну так что, – сказал Джереми, сжимая ее руку и возвращая к настоящему. – Давай что-нибудь устроим в субботу вечером.

– Серьезно? – глаза Кейтлин загорелись.

Джереми кивнул.

– Я сам все организую. Ты просто приходи. Хорошо?

– Хорошо, – кивнула она, усаживаясь позади него на мопед и расплываясь в дурацкой улыбке. Наверное, он поведет ее куда-нибудь, чтобы отпраздновать? Может, в тот новый ресторан с барбекю, куда они хотели сходить. Или в то азиатское кафе, где подавали острую еду, которую Джош не любил.

Внезапно Кейтлин почувствовала эйфорию. Джереми все-таки правильно реагирует. Глупо было сомневаться в нем.

Во вторник утром Ава надела темно-серое платье средней длины от Дианы фон Фюрстенберг, плотные темные колготки, высокие сапоги и черный жакет. Прихватив свои самые массивные темные очки, она отправилась вниз, где ее уже ждал отец. Она могла бы назвать тысячу мест, куда бы пошла охотнее, чем на похороны Лукаса Грейнджера, но выбора не было.

– Джигяр, – приветствовал ее отец ласковым прозвищем на фарси, которым всегда называл ее. Мама тоже пыталась звать Аву этим словом, но папа вечно смеялся над ее произношением, так что она сдалась и стала звать дочку Пирожочком.

Ава поправила ремень на талии и улыбнулась ему.

– Готов?

– Да, милая, – мистер Джалали потянулся к дверной ручке, но замешкался. Он посмотрел на Аву, будто хотел что-то спросить, но потом тряхнул головой и шагнул через порог.

– Что такое? – спросила Ава, усаживаясь на пассажирское сиденье отцовского «Мерседеса».

Мистер Джалали завел машину и посмотрел на нее долгим, сердечным взглядом.

– Просто мне жаль, что нам приходится ехать на похороны, – он оттянул ворот рубашки. – Это по-прежнему тяжело, даже спустя столько лет.

Ава сглотнула. Он говорил о маме. Это были не единственные похороны в ее жизни: она бывала и на других, в том числе Нолана, но мамины были, конечно, самыми тяжелыми. Она мысленно перенеслась в тот ужасный день, когда они с отцом сидели в церкви (в своем завещании мама указала, что хочет многоконфессиональную службу – и по христианским, и по мусульманским традициям), слушая речь пастора и глядя на мамину фотографию на крышке гроба, которую они выбрали вместе. Ава крепко сжимала руку отца на протяжении всей службы. В другой руке она держала плюшевую собачку, которую мама подарила ей за несколько дней до автокатастрофы. Это был ее последний подарок Аве, и девочке казалось, что это самая важная вещь в мире.

Теперь же Ава смотрела на отца и так много хотела ему сказать. Она так скучала по нему. Казалось, их разделяло огромное расстояние –

пропасть, которую ей хотелось преодолеть. Так мило, что он решил поехать с ней, вдруг поняла она. Ему ведь необязательно было это делать. Ава сделала глубокий вдох, собираясь сказать все это, как вдруг через открытое окно до них донесся громкий голос. Лесли выбежала на крыльцо, прижимая к уху телефон.

– Нет, нет, нет! – вопила она. – Я же сказала, никаких тюльпанов. Тюльпаны смотрятся дешево. Вы что, не понимаете, какую атмосферу я хочу создать? Это очень важная вечеринка в честь моей матери. Возможно, мне стоит поискать другого флориста? Еще не поздно, и я уверена, что найдет... – Лесли на долю секунды умолкла. – Отлично. Так я и думала.

Ава подавила смешок, когда Лесли сделала шаг назад и споткнулась о порог, едва не упав и беспомощно размахивая руками. Мачеха, видимо, почувствовав на себе ее взгляд, резко обернулась. Потом она посмотрела на мистера Джалали.

– Фируз! И долго ты там пробудешь?

Отец Авы пожал плечами.

– Несколько часов, я думаю.

Вид у Лесли был раздосадованный.

– Мне очень нужна твоя помощь с цветами, – заныла она и закатила глаза. – Ну да ладно. – Она вернулась в дом, хлопнув дверью.

Мистер Джалали, сжав челюсть, вырулил на дорогу. Ава уставилась на лежащую на коленях сумочку. Момент близости между ними был упущен. Минуту спустя отец сказал:

– Лесли старается как может.

Ава с недоумением уставилась на него.

– В каком смысле?

– Она пытается сблизиться с тобой, – продолжал мистер Джалали.

Ава фыркнула. Последнее, чего хотела Лесли, – это сблизиться с ней.

– Она очень уважает тебя, – добавил мистер Джалали. – Ее очень впечатлили твои успехи в школе, твои отличные результаты на экзаменах.

Ава недоверчиво уставилась на него. Скорее Лесли решила бы, что Ава переспала с кем-то из экзаменационной комиссии, чтобы ей дали верные ответы. Почему так сложно поверить, что она заслужила хорошие оценки собственным трудом? И вот что еще удивительнее: почему отец считал, что Лесли на ее стороне? Неужели он настолько слеп? Какие еще недостатки Лесли он не замечал?

Все ужасные вещи, которые наговорила ей Лесли, вертелись на языке у Авы, готовые выплеснуться наружу. Отец, похоже, не понимал, что за человек его новая жена.

Но странным образом Ава не могла ему это рассказать. Это казалось мелочностью, ябедничеством. Ей хотелось, чтобы отец все понял сам.

К тому же, по правде говоря, она не могла забыть недавний разговор с подругами. Она сказала совершенно чужим людям, что хочет смерти Лесли. Конечно, на самом деле она этого не хотела. Да, было бы неплохо, если бы она исчезла из их жизни, но не умерла. Еще ее беспокоило, что список пропал. А что если его и правда кто-то нашел? Что если кто-то пытался подставить их, убирая их врагов одного за другим? Но кто? И почему?

Нет, это какая-то чепуха. Не стоит об этом думать. Вздохнув, Ава откинулась на сиденье и стала смотреть в окно. День выдался серый и дождливый, под стать ее настроению.

Вскоре они оказались у церкви. Они прошли вслед за траурной процессией в старинное каменное здание. Рука отца лежала на плече Авы. Когда они вошли в церковь, Ава судорожно вздохнула. Куда ни глянь, сидели учителя, одноклассники, друзья. Она заметила Кейтлин в одном из передних рядов, чуть дальше сидела Мак. Ава поискала глазами Джулию – наверняка она была где-то здесь, – но не сумела найти ее в толпе. Вдруг ее внимание привлекло какое-то стремительное движение у внешнего прохода через несколько рядов впереди. Она успела увидеть, как там мелькнула тень мужчины в темном костюме, скрывшись за колонной и появившись с другой стороны. Это был детектив. Он говорил по телефону, шаря глазами по ряду Авы и наконец остановил взгляд на ней. Она вздрогнула. Он что, специально передвинулся, чтобы лучше ее видеть? Но почему? Ведь теперь, когда Алекса арестовали за убийство Грейнджера, они вне подозрений. Так ведь?

Алекс... Ава напряженно сглотнула. «Не думай об этом», – велела она себе.

Ее внимание привлекла девушка в черной блузке, которая сидела, сгорбившись, и громко рыдала в носовой платок. Позади Авы еще одна девушка в темно-синем плакала так отчаянно, что едва не задыхалась. Ава огляделась и заметила еще нескольких одноклассниц, которые выглядели безутешными. «Да боже мой, хватит уже! – зазвенел голос в ее голове. – Он был просто учителем. Да к тому же извращенцем».

И тут она поняла, кто плачет – это была Дженни Тил. Та самая, чей узнаваемый ремень с ковбойской пряжкой виднелся под голой грудью на фото, которые она послала Грейнджеру. Она сокрушенно смотрела на мелькавшие на экране фотографии Грейнджера, и по ее опухшим щекам катились слезы. А вот и Полли Крамер, чьи расписанные хной руки мелькали на неприличных фото в красноватом свете из витражного окна.

Жюстина Уильямс, Мими Колт... все они были здесь. Все школьницы, чьи фотографии она видела в телефоне Грейнджера. И все они рыдали так, будто настал конец света.

«Они и правда любили его», – внезапно поняла Ава.

Ей и в голову не могло прийти что-то более отвратительное, чем учитель, который развлекается с ученицами у себя в кабинете, да еще просит их присылать ему свои фотографии в обнаженном виде. Но все оказалась еще хуже. Гораздо хуже. Лукасу Грейнджеру удавалось убедить этих девочек, что он любит их. Он манипулировал ими, врал им, чтобы воплощать свои извращенные фантазии. Ава так и видела, как он шепчет «Я люблю тебя» десяткам разных девушек, а те восторженно и взволнованно верят его словам. Она никак не могла понять, почему полиция совершенно не заинтересовалась ее словами о том, что Грейнджер крутил романы с ученицами. Они хоть проверили это? Она сказала им, что Грейнджер приставал к ней, но они, похоже, не обратили на это внимания.

Преисполнившись отвращения, Ава пробралась на свободное место в одном из задних рядов. Отец сел рядом. Слева от нее сидел Шон Диллон, коротко кивнувший Аве, когда она заняла место рядом. Ава уставилась на возвышение перед алтарем. Пожилой священник встал со стула и поднялся на возвышение. Краем глаза она заметила, как Шон повернулся к тому, кто сидел с другой стороны от него – вероятно, к своей подруге Марисоль Суини, – что-то шепнул ей и они оба приглушенно захихикали. Ава попыталась не обращать на них внимания, но не могла отделаться от ощущения, что знает, о чем они говорят.

Священник поправил микрофон, положил руки на кафедру и оглядел собравшихся. В краткое мгновение перед началом проповеди Ава успела услышать шепоток, донесшийся с заднего ряда. Голос она не узнала, но расслышала слова, явно предназначавшиеся для ее ушей:

– Мне всегда казалось, что с Алексом Коэном что-то не так.

– Точно. Он всегда был какой-то странный, правда?

– Меня нисколько не удивляет, что он избил кого-то в своей старой школе, – продолжал громкий шепот. – У него всегда был такой вид, будто он вот-вот слетит с катушек, – собеседник прыснул в ответ.

Отец Авы вздрогнул и едва заметно повернул голову. Он, очевидно, тоже услышал этот шепот. Он потянулся к дочери и ободряюще пожал ей руку.

Ава сморгнула навернувшиеся на глаза слезы. Она вдруг почувствовала, что на нее смотрят тысячи глаз. Конечно, все на нее пялятся. Ведь она Ава Джалали, бывшая девушка предполагаемого убийцы

Грейнджера.

Сердце Авы ухнуло вниз при мысли обо всем, что она узнала об Алексе за последние дни. В новостях показали еще несколько бывших одноклассников Алекса, которые подтвердили, что тот до полусмерти избил нового парня своей бывшей девушки. Не высказались только сама бывшая девушка, Клео, и Бретт – тот парень, которого Алекс якобы избил.

Алекс никогда ей об этом не рассказывал. Ава даже не знала, что в старой школе у него была подруга, не говоря уж о том, что он так ревновал ее к новому бойфренду, что накинулся на того с кулаками.

Но, даже зная всего этого, Ава все равно не могла представить себе, чтобы Алекс убил Грейнджера. Безумие ли это с ее стороны? Глупо ли верить в его невиновность? Она по-прежнему злилась на него за то, что он сдал ее копам в ту ночь, но не могла его разлюбить. Она не утратила веру в него. Во всяком случае – пока.

Священник прокашлялся, и Аве пришлось вернуться в реальность.

– Сегодня нас привело сюда печальнейшее событие человеческой жизни, – начал он размеренным голосом. Какая-то женщина в первом ряду снова всхлипнула. – Мы собрались здесь, чтобы оплакать уход чада божьего – молодого мужчины, посвятившего себя чистому и достойному призванию. Лукас Грейнджер был учителем, наставником, лидером. Человеком, который влиял на жизни окружающих. Как и другой великий человек, ушедший из жизни молодым, – священник сделал эффектную паузу, чтобы слушатели смогли осмыслить его слова. – Да-да, ведь Иисус тоже был учителем.

По церкви прокатился разноголосый хор смешков и сдавленных всхлипов. Ава ощутила кисловатый вкус во рту и сглотнула, подавляя рвотный рефлекс. Много чего можно было сказать про Лукаса Грейнджера, но сравнивать его с богом уж точно нельзя.

В четверг вечером Паркер сидела в приемной Эллиота Филдера, ковыряя обивку стула и нервно постукивая ногами по полу. Она все еще не могла поверить, что пришла сюда: насколько же она отчаялась, если единственным человеком, к которому она могла обратиться, оказался психотерапевт, который ее преследовал?

Во вторник, после того, как Филдер рассказал ей про смерть отца, он стал уговаривать ее встретиться, но Паркер тогда совсем не хотелось видеться с ним. Так что она села на автобус до Бэкона, несколько часов прослонялась по городу, а потом встретила с Джулией, решив больше никогда не общаться с Филдером.

Но сообщение о смерти отца по-прежнему никак не укладывалось у нее в голове. Она не могла поверить, что его больше нет. На самом деле нет. Она ожидала от себя совсем другой реакции. Радости, может даже эйфории. Но вместо этого чувствовала лишь онемение, за которым последовала самая жестокая мигрень, какую ей когда-либо приходилось пережить. Хуже того, в ее памяти начали всплывать самые ужасные воспоминания об отце – своеобразный хит-парад побоев. Нет, нужно выбросить его из головы раз и навсегда.

Потому-то она и оказалась в этой приемной.

В кармане толстовки звякнул телефон, и Паркер от неожиданности подскочила. Кожа покрылась холодной испариной. Трясущимися пальцами она выудила из кармана телефон.

– Алло?

– Ты где? – Голос Джулии звучал обеспокоенно и напряженно.

– Все нормально, – сказала Паркер, стараясь, чтобы это прозвучало убедительно.

– Почему ты не пришла на службу?

– Какую службу?

Джулия выдохнула.

– Похороны Грейнджера.

– А ты что, ходила? – Паркер была совсем не в том состоянии, чтобы идти на похороны. Но ей не верилось, что Джулия туда все-таки туда пошла. Не то чтобы она вела активную социальную жизнь с тех пор, как всей школе разослали письмо о ее полоумной мамаше...

– Ага, – ответила Джулия. – Ну, то есть, я старалась никому не

попадаться на глаза, но все же пошла. И тебе бы следовало. Нехорошо, что ты просто не пришла.

– Да кому какое дело? – бросила Паркер. Они ведь больше не в числе подозреваемых.

– Мне есть дело! – сорвалась Джулия. – Ты была нужна мне! Паркер, нам правда нужно держаться вместе. После всего, что случилось...

В дверях появилась секретарша Филдера с неестественно приветливым выражением лица.

– Паркер Дюваль? Он готов вас принять.

Паркер прикрыла микрофон рукой и кивнула секретарше. Ей не хотелось, чтобы Джулия знала, что она у Филдера. Джулия бы ее прибила.

– Прости, мне пора, – прошептала Паркер в трубку.

– погоди, – начала Джулия, – ты где?

– Увидимся позже, ладно?

Паркер нажала «отбой» и сунула телефон в карман. Встав, она проследовала за секретаршей в просторный кабинет Филдера. При виде него сердце у нее екнуло. Он сидел за письменным столом и делал какие-то пометки в блокноте. Его подтянутое спортивное тело выглядело совершенно расслабленным. Он казался таким безобидным. Совсем не похожим на преследователя.

Ей так хотелось снова ему доверять. Но как она могла забыть о том, что он сделал? Или о том, как он разозлился, поймав ее за своим компьютером?

Филдер поднял голову и улыбнулся.

– Паркер! Как я рад тебя видеть! – Он провел рукой по взъерошенным волосам. – Так здорово, что ты здесь, – добавил он, указывая на стул, стоявший напротив. – Садись, пожалуйста.

Паркер колебалась. Может, это неудачная идея? Она поборола порыв выбежать из кабинета, прочь, подальше от него и секретарши, вырваться за дверь и оказаться на улице.

Филдер пристально смотрел ей в глаза, будто читал ее мысли.

– Все в порядке, Паркер, – мягко сказал он. – Здесь ты в безопасности. Я не причиню тебе вреда. Я просто хочу тебя выслушать.

Паркер села, но на самый краешек, готовая в любой момент вскочить. Сунув руки в карманы толстовки, она стала ждать, пока он заговорит.

– Я должен перед тобой извиниться, – начал Филдер. – Мне так жаль, что я напугал тебя. Что следил за тобой.

Паркер кивнула.

– Да, об этом действительно стоит жалеть.

– Я не преследовал тебя. Просто... ты сказала, что у тебя провалы в памяти. И я пытался... Черт, если сказать это вслух, покажется совершенным безумием... Я пытался заполнить эти пробелы за тебя. С помощью фотографий.

Паркер прищурила глаза.

– В моем понимании, это и есть преследование.

Филдер закрыл глаза ладонями.

– Я знаю. Но я говорю тебе правду. Я не пытался сделать ничего... предосудительного. – Он умолк, будто размышляя, стоит ли продолжать. Потом сделал глубокий вдох. – Послушай, Паркер, я должен тебе кое в чем признаться. Строго говоря, как твой психотерапевт, я не должен тебе этого рассказывать, но, когда я был маленьким, у моей матери было много... проблем. – Он снова сделал паузу. – Она была необыкновенной, прекрасной женщиной, но у нее тоже часто случались провалы в памяти. Как у тебя. Я не смог вовремя ей помочь, а потом стало уже слишком поздно.

Он на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл, в них стояли слезы, готовые скатиться по щекам. Паркер была потрясена.

– Ты напоминаешь мне ее, – тихо сказал он. – Ее сильные и прекрасные стороны. И, наверное, мне хочется сделать для тебя то, что я не смог сделать для нее. Но я перешел черту, я понимаю. И прошу за это прощения. Мне очень, очень жаль.

Сердце Паркер бешено стучало, и она вдруг поняла, что от удивления задержала дыхание. Она резко выдохнула. Уже давно никто кроме Джулии не разговаривал с ней так. Ей давно казалось, что она невидимка. Но для Филдера она что-то значила – это было очевидно. И приятно.

– Какой она была? – тихо спросила Паркер. – Ваша мама.

Филдер казался удивленным. Он задумчиво посмотрел на нее, словно пытаясь воскресить в памяти образ матери.

– Она была очень нежной и любящей. Очень веселой. У нее были свои недостатки, – грустно усмехнулся он, – но она была прекрасной матерью. Она умела превратить в игру даже самые скучные занятия, вроде школьных заданий и похода за продуктами. И она была очень-очень умная. Самый умный человек из всех, кого мне доводилось встречать. – Он улыбнулся.

– А что потом? Как у нее происходили эти... провалы?

Его лицо потемнело.

– Она могла уйти по делам и не возвращаться несколько дней. А иногда и дольше. – Филдер устался на свои колени. – Я каждый раз с ужасом думал, не наступил ли наконец тот самый день, когда она исчезнет навсегда. Но рано или поздно она всегда возникала на пороге. Она не могла

рассказать нам, где была, потому что сама не помнила, а расспросы приводили ее в отчаяние. Так что в конце концов мы с отцом перестали спрашивать. Мы просто радовались, что она вообще возвращалась.

Паркер стиснула в руках подушку, которую взяла с кушетки. Все это очень напоминало ее собственную ситуацию.

– Она когда-нибудь обращалась за помощью?

– Нет. Тогда все было по-другому. И она была такой сильной: никогда не жаловалась и не говорила нам, как напугана. Когда я стал старше, я пытался поговорить об этом с отцом и нашим семейным врачом, но никто из нас не знал, что делать. А потом однажды она не вернулась.

Они оба помолчали.

– Вы нашли ее?

Он кивнул.

– Где? – спросила она, вдруг ощутив отчаянную потребность это узнать.

Лицо Филдера исказилось.

– Неважно. Суть в том, что... – он умолк, потом встряхнул головой. – Прости, Паркер. К тебе это не имеет никакого отношения. Сейчас мы должны обсуждать твои проблемы.

– Нет, я рада, что вы мне рассказали, – Паркер подалась вперед, заглядывая в глаза Филдера.

Тот снова потрянул головой.

– Знаешь... Я тоже рад, – он неловко кашлянул. – Так может, это значит, что ты начнешь приходить ко мне более регулярно?

От его пристального взгляда по ее телу как будто пробежал электрический разряд, и Паркер поспешила отвернуться. В его глазах мелькнул знакомый огонек, но она никак не могла вспомнить, на что это похоже. И тут ее осенило: так смотрели на нее мальчики, когда она приходила на вечеринки. На его лице застыло то же сияющее, полное надежды выражение, которое появлялось даже у звезд футбольной команды, когда она соглашалась пойти с ними на свидание. Влечение.

Она так привыкла к этому ощущению, что принимала его как должное. Но потом она вспомнила, как ужасно выглядело теперь ее лицо, как сломлена она была. В новой Паркер не было ничего, что могло бы его привлечь. Она была отвратительна.

И все же... может, он каким-то образом видел в ней старую Паркер, притаившуюся глубоко внутри? Потому что она знала, что где-то эта Паркер все еще есть. И, быть может, с чьей-то помощью новой Паркер удастся выпустить ее наружу?

Она глубоко вздохнула, еще раз встретившись взглядами с Филдером.
– Да, – решила она. – Я приду еще.

Несколько часов спустя Джулия позволила Карсону взять ее за руку, когда они шли по парковке в центре города. Она поверить не могла, что они делают это здесь, прямо на глазах у... в общем, у всех. И более того, она не могла поверить, что он этого хотел.

С обеих сторон их обходили люди. Джулия пока не видела никого из школы, но понимала, что скоро они неизбежно кого-нибудь встретят: был вечер четверга, самое время тусоваться в центре. Тут за угол шмыгнула знакомая девушка. У нее на плече болталась темно-синяя сумка *Marc Jacobs*, которую Джулия тут же узнала, потому что у нее самой была такая же.

«Эшли?» Сердце Джулии панически забилось в груди, ладони вспотели. Она вырвала свою руку из руки Карсона.

– Что случилось? – обернулся тот.

Джулия вздрогнула.

– Ничего. Прости. Показалось, что я кое-кого увидела.

Карсон с мгновение смотрел на нее, потом пожал плечами и кивнул в сторону магазина *American Apparel*.

– Хочешь зайти?

– Нет! – воскликнула Джулия, пожалуй, несколько чересчур решительно. Но все ученики Бэкон Хайтс ходили в этот магазин, и там они наверняка встретят знакомых.

Взгляд Карсона стал еще более странным. Джулия нервно сглотнула и попыталась вернуть себе самообладание.

– *American Apparel* – такая попса, – фальшивым голосом сказала она. – Зато за углом есть одно секретное место, которое мне нравится. Настолько крутое, что продавцы там смотрят на покупателей сверху вниз. Если у тебя нет стильной бороды и татуировок, или ты не читаешь популярные инди-блоги, они так и норовят закатить глаза.

Карсон поднял бровь.

– А ты уверена, что я достаточно крут для этого места?

Она улыбнулась, несмотря на то, что отчаянно нервничала.

– Карсон Уэллс, ты круче всех крутых.

– Даже без стильной бороды?

– Пожалуй, тебе не стоит ею обзаводиться, – хихикнула Джулия. Карсон наклонился к ней и коснулся губами ее губ. Джулия украдкой

огляделась по сторонам, проверяя, не смотрит ли кто на них, но все прохожие были заняты своими делами. «Ну разумеется, им до нас нет никакого дела», – напомнила она себе. Нужно просто расслабиться. Она же на это способна, правда?

Они зашли за угол и двинулись в сторону небольших улочек в стороне от центрального проспекта. Впереди виднелся любимый магазин Джулии, *Tara's Consignment*. Именно там она покупала большую часть своей одежды: дизайнерские вещи из старых коллекций с гигантскими скидками. На зарплату спасателя большее она себе позволить не могла. Глядя на витрину, оформленную в стиле «Унесенных ветром» (владелица обожала этот фильм), Джулия размышляла о том, когда была здесь в последний раз. Она тогда купила браслет с шипами для Паркер. Та, конечно, его не носила.

Паркер. Казалось, что-то в их отношениях пошло не так. Они так толком и не поговорили о том, что случилось с отцом Паркер, и о том, что он умер как раз после того, как Джулия сказала, что желает ему смерти. Хотя Джулия и не была уверена, что кто-то слышал их разговор, приходилось признать, что совпадение весьма странное. Хотелось бы ей знать, что стало с теми записями их разговора, которые оставил Грейнджер в своем блокноте. Она готова была поклясться, что сунула блокнот к себе в сумку, но так и не смогла его найти.

К тому же Паркер в последнее время стала пропадать все чаще. Похоже, что она и сама не помнит, где была. Каждый раз, как Джулия принималась расспрашивать ее, Паркер отвечала уклончиво и вела себя странно, будто что-то скрывала.

– Джулия, – голос Карсона вывел ее из задумчивости. Они стояли прямо перед магазином Тары. Мимо них в дверь протиснулись несколько подростков с волосами, выкрашенными в яркие цвета.

– Прости, – жизнерадостно сказала она, улыбаясь. – Ты что-то сказал?

Карсон уперся руками в бедра.

– Ты уверена, что все в порядке?

Джулия вздохнула. Именно поэтому у нее никогда и не было парня: она знала, что не сможет скрывать свои чувства. Ей хотелось быть полностью открытой с Карсоном, правда хотелось. Но это было нелегко.

– Я просто думала о своей подруге, – призналась она. – Паркер... ты ее знаешь? Она вроде как одиночка. Я волнуюсь за нее. У нее недавно умер член семьи, и мне кажется, это ее очень тревожит.

Карсон обнял ее за плечи, притянув к себе.

– Ты такая хорошая, Джулия, – сказал он, проведя рукой по ее волосам. – Такая заботливая. Такая самоотверженная. И такая красивая. Ты

же это знаешь, правда?

Джулия почувствовала, как у нее вспыхнули щеки.

– Спасибо...

Карсон снова притянул ее к себе и крепко поцеловал. Джулия ответила на поцелуй, полностью в нем растворившись. Наконец она отстранилась и, чувствуя легкое головокружение, потянула его за собой в магазин. Ее слегка покачивало, будто поцелуй ее опьянил.

– Суперское место! – воскликнул Карсон, когда они зашли внутрь. Его голос с характерным австралийским акцентом разнесся над рядами твидовых пальто, фетровых шляп и прошлогодних новинок из *Barney's*. Стоявший за прилавком парень смерил их презрительным взглядом. Джулия пихнула Карсона в бок, указав на продавца. Тот был сплошь покрыт черными татуировками, у него были подкрученные усы и странная остроконечная борода, и он читал комикс-мангу.

– Полный набор! – шепнул Карсон, и они расхохотались.

Потом Карсон свернул направо, в отдел костюмов для Хэллоуина. И это были не какие-нибудь пошлые наряды, а настоящие исторические костюмы: юбки с кринолинами в стиле американского Юга, кружева как в фильме «Невесты Дракулы», жакеты и брюки а-ля Шерлок Холмс, яркие жокейские блузы из шелка и реалистичного вида военная форма времен Гражданской войны. Джулия последовала за ним, удивляясь, что Хэллоуин уже так скоро: как это время так быстро пролетело? Карсон прошелся вдоль высокого рейлинга с платьями в пол, вытащил одно – цвета сливы, с ассиметричным подолом – и протянул его Джулии. Она коснулась открытого лифа без бретелек, провела рукой по нежному шелку. Это платье было достойно любой красной дорожки. Сшито мастерски, и крой элегантный: платье было очень нежным, но при этом эффектно держало форму. Явно дело рук высококлассного дизайнера.

– Примерь, – попросил Карсон. – Тебе очень пойдет.

– Ладно, – хихикнула Джулия, остановившись перед круглой вешалкой с мужскими костюмами. – Но только если ты примеришь вот это, – она протянула ему ярко-синий бархатный костюм-тройку. – И это, – девушка схватила с вешалки котелок, приподнялась на цыпочки и нахлобучила шляпу на голову Карсона.

– Идет, – улыбнувшись, он направился в примерочную.

Джулия скользнула во вторую и задвинула за собой плотную штору, подтянув уголки, чтобы спрятаться от любопытных глаз. Она скинула свои узкие джинсы и кашемировый свитер с вырезом-лодочкой, которые приобрела в этом самом магазине пару месяцев назад. При мысли о том,

что Карсон стоит всего в метре от нее, за хлипкой стенкой, разделявшей примерочные, по ее телу пробежала дрожь. Она слышала, как он бросил джинсы на пол, как стянул свитер через голову. Он был почти полностью раздет, и стоял так близко... Джулия поспешно влезла в платье и потянулась к молнии на спине, но не смогла застегнуть ее до конца.

Она вышла из примерочной и встала у закрытой шторки, дожидаясь Карсона.

– Кха-кха, – кашлянула она в притворном нетерпении и сказала: – Девочка здесь я, а копаешься почему-то ты.

Из-за шторки раздалось сопение.

– Насколько я помню, твой наряд состоит всего из одной вещи, а в моем их целая куча.

Вжикнула молния, звякнули металлические колечки шторы... Увидев высоченную фигуру, облаченную в синий бархат, Джулия расхохоталась. Его смуглая кожа и глаза цвета морской волны почти светились, оттененные цветом и текстурой костюма. Казалось, это невозможно, но комический наряд сделал Карсона еще красивее.

– Ты надо мной смеешься? – с наигранным потрясением спросил он. – Я лично считаю, что выгляжу великолепно!

Джулия с трудом придала лицу серьезное выражение.

– Просто идеально.

Но Карсон как будто не слышал ее ответа. Он вдруг заметил ее платье – точнее, ее фигуру в этом платье – и восхищенно ахнул:

– Вау!

Джулия посмотрела на платье, придерживая застежку одной рукой.

– Ах да. Не сможешь? – С этими словами она указала на молнию на спине.

– С большим удовольствием, – Карсон шагнул к ней. Плотная ткань костюма хрустывала при каждом движении. Он повернул ее спиной к себе и застегнул платье. Джулия глянула на себя в зеркало. Платье сидело идеально, плотно облекая тело в нужных местах. Бюст благодаря соблазнительному декольте выглядел, как у кинозвезды.

Она повернулась к Карсону. Он жадно смотрел на нее. Джулии нравилось, как он на нее смотрит, но тут она вдруг почувствовала, что за ними наблюдает продавщица.

– Ты забыл свою шляпу, – прошептала она.

– Ах да, конечно, – шепотом ответил он, потянулся рукой в примерочную и нахлобучил котелок на голову. Выглядел он сногшибательно. – А почему мы шепчемся?

Джулия выглянула в окно на пустую улицу перед магазином.

– Папарацци.

– Точно, – понимающе кивнул он. – Они явно не отказались бы от твоей фотографии в этом платье.

– Полагаю, твой костюм заинтересовал бы их не меньше. Потому что ты выглядишь... – но Карсон не дал ей договорить, схватил за руку и втянул в примерочную. Одним движением он задернул штору, развернул ее лицом к себе и прижал к зеркалу. Их губы встретились. Джулия чувствовала, как он прижимается к ней всем телом, и провела руками по его спине. Бархат скрипнул под ее пальцами.

– Ребята, у вас там все в порядке? – спросил продавец, которого они видели у прилавка. Судя по голосу, он стоял совсем рядом. Джулия и Карсон отпрянули друг от друга, виновато переглянувшись.

– Да-да, – крикнул Карсон, помогая Джулии поправить платье и одергивая пиджак. Джулия повернулась к нему спиной, знаком попросив расстегнуть ей молнию. Она выскользнула за штору, нырнула в свою примерочную и поспешно переоделась в свою одежду, аккуратно повесила платье на вешалку и закрепила его вшитыми с боков тонкими белыми ленточками.

Продавец сурово уставился на них, уперев руку в бок.

– Вообще-то находиться в одной примерочной вдвоем не положено.

– Извините нас, – прощепетала Джулия.

– Мы просто заботимся об экологии, – выпалил нелепую отговорку Карсон. Джулия очень старалась не расхохотаться.

Они ринулись к выходу и, едва оказавшись за порогом, согнулись пополам от хохота. У Джулии от смеха закололо в боку. Карсон схватил ее за руку и крепко сжал ее.

– Джулия Реддинг, ты просто сногшибательна. Хоть сейчас на красную дорожку. Не говоря уж о том, что с тобой очень весело в примерочной.

Джулия покраснела.

– Сам такой.

– Выпьем кофе?

– Тут за углом *Café Mud*, мое любимое.

– Показывай дорогу.

Держась за руки, они дошли до кафе и нашли столик во дворе, около уличного обогревателя. Джулия по обыкновению заказала латте с обезжиренным молоком, а Карсон – капучино с дополнительной пенкой. За соседним столом сидела молодая парочка с пухлым щенком на поводке.

Вокруг были другие пары и компании друзей. Воздух был наполнен смехом и беззаботной болтовней. Джулия вдруг ощутила в груди незнакомое чувство. Мгновение спустя она поняла, что это было – счастье. Впервые до нее дошел смысл сказанного подружками тогда у Авы: они свободны. Они могут спокойно жить своей жизнью, и нужно наслаждаться по полной.

Карсон потянулся через стол, чтобы взять ее за руку. Но вдруг с другого конца улицы донесся резкий неприятный смех. Джулия повернула голову в ту сторону. У банкомата стояли трое девочек из школы. Они смотрели прямо на нее, разговаривая вполголоса и пересмеиваясь.

Джулия сжала кулаки. Она поискала глазами Эшли, уверенная, что та околачивается где-нибудь поблизости, но ее нигде не было. Джулия съежилась на своем алюминиевом стуле. Может, если она постарается стать незаметной, они уйдут?

– Эй. Все в порядке, – сказал Карсон, склонившись к ней. Он протянул ей руку, но она по-прежнему держала обе ладони на коленях.

– Ха-ха, – мрачно усмехнулась она.

– Знаешь, в школе никто про тебя и не говорит, – Джулии не верилось, что он может быть таким наивным.

– Прошу тебя. Мы оба знаем, что как только я вернусь в школу, все на меня накинется, – она рассматривала узор на столе. – Со мной ведь такое уже было, помнишь?

– Знаю. В Калифорнии. Но ведь тогда у тебя не было меня, верно?

Губы Джулии поневоле сложились в улыбку.

– Верно.

– Эти девчонки, – Карсон махнул рукой в их сторону. – У них ведь тоже есть свои секреты. Они тоже не идеальны.

Джулия фыркнула.

– Тут ты неправ. Мы же в Бэкон Хайтс, тут все *на самом деле* идеальны.

Карсон покачал головой.

– В их жизни полно проблем, как у тебя и у меня. Уж поверь мне.

– А у тебя какие проблемы? – Джулии хотелось сменить тему.

Карсон снова потянулся за ее рукой, и на этот раз она позволила ему это.

– В том-то и дело... Больше никаких. Благодаря тебе.

Джулия отвела глаза, почувствовав комок в горле.

– Тебе необязательно это делать. Не нужно жертвовать собой ради меня. Ты в городе новенький, ты симпатичный и милый. Ты заслуживаешь шанса дружить со всеми. А не только с изгоями вроде меня.

Теперь Карсон выглядел раздраженным.

– Прекрати говорить такие вещи. Я свой выбор сделал, Джулия. Меня никогда не волновало, что подумают люди. А теперь скажи, что мне сделать, чтобы ты вернулась в школу?

У Джулии задрожала губа.

– Я туда не вернусь.

– Неужели ты правда думаешь, что все так плохо?

Джулия отвернулась.

– Ты еще спрашиваешь? Я же посмешище для всей школы.

– От тебя отвернулись друзья? Кто-нибудь посылал тебе гадкие сообщения?

Джулия провела языком по зубам.

Она получила пару электронных писем от Ниссы и Натали, но удалила их, не открывая, потому что боялась услышать худшее даже от двух своих ближайших подруг.

– А что если я буду провожать тебя из кабинета в кабинет перед каждым уроком? И задам трепку любому, кто хоть раз косо на тебя посмотрит? Как тебе такая идея?

Джулия неуверенно засмеялась, но его слова заставили ее задуматься.

Может, при виде высокого, накачанного и невероятно привлекательного Карсона остальные оставят ее в покое? Она вовсе не возражала против такого симпатичного телохранителя.

– Вернешься, ради меня? – умолял он.

Джулия глубоко вздохнула.

– Ладно. Попробую вернуться на один день.

Карсон улыбнулся.

– Хорошо.

– Но если что-нибудь случится – что угодно! – больше не пойду. Ясно?

– Да ничего не случится, Джулия. Люди не так ужасны, как ты думаешь. Ты будешь удивлена. К тому же такой красотке, как ты, нельзя всю жизнь прятаться у себя в комнате. Поверь человеку, который отлично выглядит даже в костюме из жатого бархата. Уж я-то знаю, о чем говорю.

Джулия улыбнулась, почувствовав себя немного легче. Карсон явно верил в то, что говорил. Оставалось надеяться, что он прав.

В пятницу вечером Мак въехала на парковку «Умами» – модного тайского ресторанчика в центре Сиэтла. Она остановила свой *Ford Escape* и некоторое время неподвижно сидела за рулем, наблюдая за людьми, заходившими в увешанное китайскими фонариками низенькое здание. В ресторане явно был аншлаг, и Мак даже с парковки чувствовала запах знаменитых острых крылышек.

Она уже опаздывала: они с ребятами из Джульярда, в том числе с Оливером, договорились поужинать здесь сегодня вечером, не в силах дожидаться следующей официальной встречи. Мак опустила козырек над лобовым стеклом и посмотрелась в зеркало, чтобы в последний раз проверить, все ли в порядке с макияжем. Она поэкспериментировала с подводкой и осталась довольна тем, как дымчатый макияж подчеркнул глаза под очками. Уже собравшись открыть дверь и выйти из машины, она вдруг услышала обрывок новостей по радио, который привлек ее внимание.

– Полиция по-прежнему допрашивает задержанного по делу об убийстве учителя средней школы Бэкон Хайтс Лукаса Грейнджера, – сообщил ведущий. – Есть предположение, что смерть Грейнджера каким-то образом связана с убийством ученика Бэкон Хайтс Нолана Хотчкисса.

Мак вскинула брови. Очень интересно. Они имеют в виду, что Алекс совершил оба убийства? Не то чтобы она близко знала Алекса, но он не производил впечатление человека, способного отравить кого-нибудь цианидом. С другой стороны, в последнее время ей казалось, что она ничего не понимает в человеческой природе.

От самого сочетания имен Грейнджера и Нолана у Мак засосало под ложечкой, и она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. Казалось, все по-прежнему висит на волоске. Вот бы уже кто-нибудь сознался в убийстве Нолана. Алекс, какой-нибудь посторонний человек... кто угодно. Может, полиция и не упрятала их с девочками за решетку, но Мак не удавалось отделаться от ощущения, что опасность еще не миновала.

С решительным видом вздохнув, Мак заглушила двигатель, набросила на плечо кожаную сумку-мешок и вылезла из машины. Шагая по асфальту, она напевала про себя мелодию, которая уже давно вертелась у нее в голове. Она никак не могла сообразить, что это за песня, и лишь спустя несколько тактов поняла, что это песня группы Блейка, которую написал он сам.

Она резко остановилась. Что за ерунда лезет ей в голову? Это ужасно ее разозлило. Пора перестать думать о Блейке, раз и навсегда. Особенно сейчас, когда у нее кое-что намечается с Оливером.

Сердце радостно екнуло. В тот день на вечеринке Джульярда Мак была на высоте. Она и сама не подозревала, что способна на такое. Когда все стали расходиться, она подскочила к Оливеру и попросила у него айфон.

– Ну вот, – сказала она, вбив свой номер в записную книжку и протягивая ему айфон, с уверенным видом подмигнув. – Теперь ты сможешь мне позвонить.

Оливер ошарашенно моргнул.

– Хорошо, – сказал он и улыбнулся. Подняв глаза, Мак заметила, что Клэр смотрит на них, разинув рот. Ха!

И знаете что? Вчера Оливер написал ей сообщение, и они весь вечер переписывались о музыке, о том, куда хотели бы в первую очередь пойти в Нью-Йорке (она – в Линкольн-центр, он – в джаз-клубы), о любимых сериалах. Мак хотелось спросить Оливера, что он думает о Клэр, но она понимала, что это будет выглядеть как ревность.

Мак зашла в переполненный ресторан, где над столами нависали пальмовые листья, а официантки разносили запотевшие стаканы с тайским холодным чаем и напитками из кокосового молока. Она заметила у задней стены длинный банкетный стол, за которым возбужденно переговаривались ее будущие однокурсники, большинство из которых она узнала. Все они выглядели примерно как она сама: свитера грубой вязки, очки в толстых черных или роговых оправках, смешные заколки у девушек, потрепанные футболки с логотипами фестивалей классической музыки у парней. Мак разглядела Оливера, который вальяжно сидел в дальнем конце стола, закинув руки за голову и демонстрируя накачанные бицепсы и загорелые предплечья. Он был еще красивей, чем ей запомнилось.

Оливер обернулся и поймал ее взгляд, умолкнув на полуслове и улыбнувшись ей. Пока она шла к столу, он не отрывал от нее взгляд.

– Привет, – поздоровалась Мак.

– И тебе привет, – улыбнулся Оливер. – Я уж боялся, ты не придешь.

– Да нет, просто эффектно опаздываю, – пошутила она.

Она оторвала взгляд от него и оглядела стол, помахав остальным ребятам. В ответ раздался нестройный хор приветствий. Мак сняла пальто и набросила его на спинку стула рядом с Оливером, но тут ее плеча резко коснулась чья-то рука. Она обернулась и ахнула.

– Это мое место, – с ледяной улыбкой сообщила Клэр. Она

пренебрежительно махнула рукой в дальний конец стола, в сторону туалетов. – Иди вон туда, там вроде есть место.

Мак скрипнула зубами. Она глянула на Оливера, который отвлекся на свой телефон. Хуже всего сейчас было бы показать, что это ее беспокоит. В конце концов, переписывался Оливер именно с ней.

Она перебросила волосы через плечо.

– Конечно, без проблем, – повернувшись, она направилась к другому концу стола, где сидели похожий на птичку Люсьен и Рейчел, удивительно напоминавшая супермодель. Они подвинулись, приглашая ее сесть рядом. Оливер поднял глаза от своего телефона и состроил обиженную гримасу, но Мак лишь улыбнулась ему. Она ни за что не станет устраивать разборки с Клэр у него на глазах. Но в то же время она чувствовала себя побежденной. Очевидно, первый раунд остался за Клэр.

– Я так рада, что ты пришла! – воскликнула Рейчел и сунула в руки Мак какой-то холодный квадратный предмет – фляжку. Мак с недоумением взглянула на Рейчел, но та лишь заговорщицки ухмыльнулась. Мак сделала осторожный глоток. Горло обжег виски. Люсьен одобрительно кивнул ей через стол. «Очень интересно», – подумала Мак. А эти ребята из Джульярда совсем не так просты, как ей казалось.

Мак сделала еще глоток и собиралась уже передать фляжку дальше, но Рейчел перехватила ее.

– Оставим это между нами, – прошептала она. – Ты-то классная, но некоторые из этих ребят самые настоящие ботаны, – она закатила глаза.

– Ясно, – тихо ответила Мак, передав фляжку назад. Рейчел протянула ее Люсьену, который украдкой глотнул виски: видимо, он тоже был из числа «классных». Приятно было почувствовать себя частью тайного кружка. В особенности такого, куда не была вхожа Клэр.

С другого конца стола, где Клэр вовсю флиртовала с Оливером, раздался громкий смех. Клэр пустила в ход все свои чары: хлопала ресницами со скоростью сто километров в секунду, беспрестанно хихикала и встряхивала кудряшками. Оливер смеялся над ее шутками, но Мак заметила, что он отстранился, когда она положила руку ему на бедро. «Ха-ха», – подумалось ей. Что ж, он не поддается на ее подкаты, во всяком случае пока. Но долго ли это будет продолжаться?

Ей снова передали фляжку, и она сделала еще глоток. Виски согревал тело и расслаблял голову. Когда Люсьен начал рассказывать о своем однократном и откровенно катастрофическом опыте в музыкальном театре, она громко и хрипло расхохоталась. Мак заметила, как Оливер смотрит на нее с другого конца стола – возможно, с завистью. Как будто ему тоже

хотелось так веселиться. «Ну, так иди сюда, – подумала она. – Брось эту скучную Клэр. Со мной куда веселее».

Но когда Клэр встала со своего места, сжимая в руке расшитый бисером клатч, и направилась в дамскую комнату, Мак решила, что это ее шанс.

– Я на секундочку. Надо кое с кем поздороваться, – сказала она Люсьену и Рейчел и уверенной походкой пошла к другому краю стола, уселась на еще теплый стул Клэр и отодвинула ее напиток (тайский кофе – фу, как скучно!) Она одарила Оливера самой приветливой и сексуальной улыбкой, на какую была способна.

– Ну, привет! Давно не виделись.

Оливер улыбнулся ей в ответ.

– Ну вот, а я уж подумал, ты меня игнорируешь.

– Да нет, – Мак подалась вперед. – Просто общалась с другими.

Оливер показал в сторону Рейчел и Люсьена.

– Что у вас там такое творится в секции духовых? Похоже, весело проводите время.

Мак стрельнула глазами в ту сторону.

– Рейчел принесла с собой немного виски, – шепнула она. – Во фляжке.

Оливер вскинул брови.

– Везет вам! А со мной поделитесь?

– Если будешь себя хорошо вести, – ответила Мак, наслаждаясь тем, что мяч вдруг оказался на ее стороне поля. Потом она положила руку на плечо Оливера. Кожа у него была горячая и гладкая. – Ну, – начала она, – расскажи мне, каково это – расти на ферме? Здорово, наверное?

Оливер окинул ее благодарным взглядом.

– Ты, кажется, единственная, кто так считает. Обычно, стоит кому-то сказать об этом, сразу обзывают деревенщиной.

Она замахала руками.

– Да ладно тебе! Ферма – это круто. Я в детстве мечтала жить на ферме. А козы у вас есть?

Он лукаво улыбнулся.

– Ага, карликовые. Мы даже иногда пускаем их в дом.

Мак распахнула глаза.

– Это так мило!

Оливер кивнул.

– И ламы у нас были. Разводили их ради шерсти.

– А сейчас есть?

– Ага. Мэйси и Долорес. Мои девочки.

Мак робко улыбнулась.

– Хотелось бы с ними познакомиться. Никогда в жизни не гладила ламу.

– Думаю, это можно устроить, – сказал Оливер, и в его глазах заиграли озорные искорки.

– Э-э, куку?

Мак подняла глаза. Над ней стояла Клэр: ноздри раздуваются, руки уперты в бока.

– Ты сидишь на моем месте, – прошипела она. – Опять.

– Ой, прости. Я думала, ты уже ушла, – любезно ответила Мак.

– Придвинь себе стул, Клэр, – предложил Оливер, указав на пустой стул за соседним столом. – Вы знакомы? Клэр, это Маккензи. Маккензи, это...

– Мы знакомы, – резко сказала Клэр.

Оливер улыбнулся, явно не почувствовав напряжения в ее голосе.

– Ах да. Вы же обе из Бэкона! Ну и здорово!

В его словах не было ни тени злого умысла. Ни намек на то, что он ведет с ними двойную игру. И все же Мак не хотелось, чтобы Клэр уселась рядом и испортила их чудесный разговор про ферму. И тут вдруг ее осенило, как можно избавиться от Клэр насовсем.

Ни на секунду не задумавшись – иначе она бы тут же растеряла решимость, – Мак потянулась к Оливеру, обхватила его лицо руками и притянула к себе. Она поцеловала его – сперва слегка, потом все более страстно. Он казался удивленным, но запустил руку ей в волосы и притянул ее к себе.

– Ух ты, – пробормотал он.

Они целовались еще пару мгновений. Мак чувствовала, что все смотрят на них, потом услышала шепот.

«Да она пьяна», – сказал кто-то. «Во дает!» – воскликнул кто-то еще. Но Мак было все равно. Когда она открыла глаза, Клэр была уже на полпути к выходу из ресторана. Она выбежала на улицу.

«Ах, бедняжка, – с удовлетворением подумала Мак. – Не выдержала накала страстей, пришлось сбежать».

И тут, прямо вслед за этой мыслью, она ощутила легкий укол совести. Она совсем спятила. Она ведь не целуется с парнями на глазах у всех. И не ведет себя грубо по отношению к окружающим – даже если это бывшие подруги. В кого она превращается?

Оливер отстранился и многозначительно посмотрел на Мак.

– Я и понятия не имел, что разговоры о ламах тебя так заводят.

Мак покраснела, изо всех сил стараясь вернуться в настоящее.

– Ну что я могу сказать? Ламы классные.

– Может, уйдем отсюда?

Его вопрос обескуражил Мак, но она тут же осознала, как это глупо. Конечно, он хочет уйти – она ведь только что страстно поцеловала его посреди ресторана. Она кашлянула.

– Э-э, давай. – Меньше всего ей хотелось, чтобы он счел ее недотрогой. – Пойдем.

Оливер схватил Мак за руку, бросил на стол несколько купюр и махнул всем на прощание. Мак снова услышала перешептывания, а Люсьен заулюлюкал, но она не обернулась.

Оливер подвел ее к синему «Приусу», стоявшему в дальнем конце парковки, открыл дверь и помог усесться, держа ее за руку. В машине пахло мятной жвачкой, а на полу валялись несколько дисков Рахманинова. Мак невидящим взглядом уставилась на маленький диско-шар, свисавший с зеркала заднего вида. Зеркальная поверхность поблескивала в свете фонарей.

Оливер обошел машину и уселся на водительское сиденье.

– Куда поедет? – спросила Мак, как только он закрыл за собой дверцу. Но не успела она закончить фразу, как Оливер наклонился к ней и снова притянул к себе и настойчиво поцеловал. Он прекрасно целовался, нежно касаясь ее губ своими и обхватив ее лицо руками.

– Может, просто побудем здесь? – шепнул он ей на ухо.

Мак попыталась пошевелиться, чтобы изгиб сиденья не впивался ей в бедро, но в результате только стукнулась коленом о коробку передач. Оливер, маневрируя в тесном пространстве, повернулся боком и случайно нажал на клаксон, громко просигналив на всю округу. Они захихикали и откинулись на спинки сидений, пытаясь отдышаться.

Оливер нажал на рычаг и сдвинул свое сиденье назад до предела, потом откинул спинку так, чтобы она коснулась заднего сиденья. Усмехнувшись, он схватил Мак за запястье и усадил к себе на колени.

– Так лучше? – он поцеловал ее в шею.

– М-м-м, ага, – пробормотала Мак, сняла очки и положила их на приборную панель. Она позволила ему покрыть поцелуями ее шею. Было приятно, ничего не скажешь. Но вдруг Мак почувствовала себя как-то... отстраненно. Она не испытывала тех эмоций, на которые рассчитывала. На самом деле она вообще ничего не чувствовала.

Но почему? Что с ней не так? Может, она просто ненормальная?

Она продолжала целоваться, но чем дальше, тем ей становилось тревожнее. В конце концов Мак отстранилась и положила руки на колени.

– Оливер, прости, но... – она не закончила фразу и потянулась за очками.

– Ой, – Оливер отпрянул. – Это ты меня прости. Все нормально?

Она притворилась, что протирает очки.

– Э-э-э... ага. Наверное, мне просто лучше уйти.

Оливер некоторое время молча смотрел на нее. Не похоже было, чтобы он злился – просто был в недоумении.

– Я тебя неправильно понял?

– Нет! – покачала головой она. – Ты замечательный. Просто я... – просто что? Она и сама не знала. – Мне надо идти, – она поправила бретельки лифчика и подобрала упавшую на пол сумочку. – Я позвоню, ладно?

И вот она уже выскочила за дверь и оказалась на полпути к собственной машине. К ее ужасу, по щекам потекли слезы, смешивавшиеся с каплями дождя. Да что с ней не так? Это из-за того, что Клэр ушла? Или из-за того, что она впутала ни в чем не повинного парня в свою дурацкую игру? Или из-за того, что она чувствовала себя такой же бессердечной, как Клэр?

Добравшись до машины, она сунула руку в бардачок в поисках бумажных платочков. Но вместо этого ее пальцы нащупали что-то еще. Белый конверт – открытка, которую Блейк дал ей вместе с капкейком.

Мак уселась в машину, заперла дверь и вскрыла конверт. На открытке был нарисован жираф в солнечных очках, что заставило ее улыбнуться, несмотря на слезы. Она питала слабость к дурацким картинкам с животными в разных нарядах, и Блейк это знал. Внутри открытка была исписана его неряшливым почерком.

«Дорогая Мак. Ты теперь, наверное, возненавидишь меня на всю жизнь. И я тебя понимаю: я сам себя ненавижу. Я принял очень глупое решение. Не стоило мне слушаться Клэр. Нужно было с самого начала догадаться, что она затеяла. Нужно было быть с тобой честным. Нужно было быть сильнее. Но я не был, и теперь, наверное, потерял тебя навсегда. Единственное, что у меня осталось, – это волшебные воспоминания о времени, проведенном с тобой. Ты забыла у меня дома гигиеническую помаду, когда в последний раз сюда приходила. Может, это покажется странным, но я ношу ее в своем гитарном чехле, как талисман.

Я скучаю по тебе. Я люблю тебя. Я готов сделать что угодно, чтобы

*тебя вернуть. Просто скажи, что.
Блейк».*

По щекам Мак покатались слезы. И внезапно она все поняла: вот почему она чувствовала такую пустоту, целуя Оливера. Он был отличным парнем, и, наверное, стал бы отличным бойфрендом, но... он был не тем, кто ей нужен. Не тем, с кем ей хотелось быть, вопреки всему.

Он не был Блейком.

В шесть вечера в субботу Кейтлин надела темно-серое платье, открывавшее ее спортивные ноги, и покрутилась перед зеркалом, взмахнув короткими черными волосами. Она не очень-то любила наряжаться, но сегодняшний вечер того требовал. Она выглядела идеально. Кейтлин надеялась, что ее наряд будет уместным там, куда они направляются. Джереми не дал ей ни единого намека – что, надо признать, только прибавляло веселья.

Кейтлин обожала сюрпризы, о чем Джереми, похоже, знал, хотя она не помнила, чтобы говорила ему об этом. Не помнила она и чтобы Джош когда-либо устраивала ей сюрпризы – разве что подарил ей кулон в виде футбольного поля незадолго до их расставания. И это был очень неловкий момент: это происходило при родителях, а кулон был упакован в маленькую бархатную коробочку, как обручальное кольцо, и все выглядело так, будто он собрался делать ей предложение.

Кейтлин поспешно намазала губы блеском и уже собиралась спуститься вниз, как вдруг в сумочке зазвонил телефон. Наверное, Джереми хочет дать ей какую-нибудь подсказку насчет сегодняшнего свидания. Он это делал весь день, но говорил лишь загадочные фразы вроде «Ты будешь визжать, когда я тебе скажу». Это ведь могло означать что угодно. Она буквально будет визжать? То есть это будет что-то страшное, но в то же время романтическое? Может, они поедут смотреть на китов в Тихом океане, на катере при свечах? У Кейтлин было неоднозначное отношение к китам – они и нравились ей, и пугали ее. А может, они будут весь вечер, обнявшись, смотреть ужастики под открытым небом?

– Привет, – хихикнула она в трубку.

– Ты где?

– Урсула? – с какой это стати ей звонит Урсула Уинтерс?

– Мы тут все тебя ждем, – отрывисто ответила Урсула. Потом она фыркнула. – О боже, да ты забыла! Она забыла, – крикнула она куда-то в сторону, и Кейтлин услышала разочарованные стоны.

– О чем забыла? – спросила Кейтлин.

Урсула вздохнула, как будто ждала этого.

– Сегодня посвящение в команду для новеньких. Оно всегда проводится в первую субботу после отборочных. Разве тренер Леа тебя не

предупредила?

Кейтлин покраснела. Ее бросило сперва в жар, потом в холод. Говорила ли тренер об этом? Она была так взбудоражена, когда говорила с ней по телефону, что почти не слушала. Но Кейтлин была в команде уже почти четыре года и знала все традиции наизусть.

Она уставилась на свое отражение в зеркале, готовая сказать Урсуле, что у нее другие планы. Но слова так и не слетели с языка. Это ведь самое важное мероприятие для укрепления командного духа, и паршивый из нее выйдет капитан, если она его пропустит. Выбора не было – надо идти. Придется перенести свидание с Джереми. Он поймет.

Она сказала Урсуле, что будет через двадцать минут, и тут же набрала номер Джереми. Он ответил после первого же гудка.

– Уже в пути, нетерпеливая ты моя, – в его голосе звучал смех. – Не терпится узнать, что тебя ждет сегодня?

– Вообще-то у меня плохие новости, – выпалила Кейтлин. Она уже стянула с себя платье, переделалась в джинсы и футболку и направлялась к двери. – У меня совершенно вылетело из головы, что сегодня посвящение новичков. Но я обещаю загладить свою вину. Знаешь что? Давай я завтра приготовлю для тебя ужин. Что захочешь. Даже курицу тикка-масала, – Кейтлин мастерски готовила это индийское блюдо (научилась у мам), а Джереми все сетовал, что ему пока не довелось его попробовать.

Но на другом конце линии повисла тишина. Кейтлин запрыгнула в машину и глянула на телефон, подумав, что их разъединили.

– Джереми? – нерешительно позвала она. – Ты тут?

– Ты ведь шутишь, да? – голос его звучал тихо и как-то холодно.

Кейтлин сунула ключ в зажигание.

– Мне очень-очень жаль. Это такой приветственный обряд, который мы проводим для новых игроков каждый год. Я совсем про него забыла. Как капитан я обязана его проводить. Мне правда надо там быть.

– И ты мне это сообщаем только сейчас?

Кейтлин замерла, держа руки на руле. Куда делся Мистер Всепонимающий?

– Я же сказала, мне очень жаль, – повторила она с неприятным тянущим чувством в животе. – И обещала, что заглажу свою вину. Мы же можем перенести ужин, правда?

Джереми потрясенно рассмеялся.

– Я не просто на ужин тебя собирался вести, а на концерт *One Direction*.

– Боже мой! – воскликнула Кейтлин, зажав рот рукой. Любовь к *One*

Direction была ее маленьким грязным секретом. Она была фанаткой рыжеволосого ирландца Найла и даже наклеила на чехол своего айпада его крошечную фотографию. Джош закатывал глаза всякий раз, когда ее видел. Он бы скорее умер – или бросил футбол, – чем пошел бы с ней на концерт *One Direction*. Что в очередной раз доказывало: Джереми – лучший бойфренд на свете.

А значит она – официально худшая девушка на свете. Кейтлин зажмурила глаза.

– О, Джереми. Прости меня, пожалуйста. Я ведь не знала.

– Угу. Я достал нам места в первом ряду. Но какая теперь разница.

Голос у него был совершенно раздавленный. И вдруг Кейтлин тоже почувствовала себя раздавленной. Она судорожно пыталась сообразить, как все исправить.

– погоди. Дай я попробую договориться...

– забудь, – прервал ее Джереми. – Удачно тебе поиздеваться над новичками.

Но не успела Кейтлин ответить, как Джереми повесил трубку.

Кейтлин в изумлении открыла рот. Она тут же нажала «перезвонить», но он не брал трубку.

– Джереми, перезвони мне! – проблеяла она в трубку, когда включился автоответчик, и сразу же набрала его номер снова. Ответа не было. Она не могла в это поверить. Он что, злился на нее?

Телефон завибрировал, и Кейтлин поспешно схватила его, ожидая услышать голос Джереми. Но это снова была Урсула. Кейтлин секунду помедлила, размышляя, что делать. Если бы Джереми взял трубку, она бы сказала ему, что пойдет на концерт. Посвящение – это, конечно, важно, но не так важно, как места в первом ряду. Но с другой стороны, ее разозлило, что он даже не захотел ее выслушать, а просто бросил трубку.

Она нажала кнопку ответа.

– Можешь по пути купить серпантин? – противным голосом попросила Урсула. – Раз уж ты ничего больше не сделала?

– Конечно, – ответила Кейтлин упавшим голосом. – Скоро буду.

Не было ничего, чего бы Кейтлин в данный момент хотелось меньше, чем проводить посвящение, но она все же доехала до новенького спорткомплекса Бэкон Хайтс, на строительство которого ушло несколько миллионов долларов. Припарковавшись на одном из капитанских мест – впервые в жизни, – она глянула на себя в зеркало. Глаза опухли, но с этим сейчас уже ничего не поделаешь.

Она снова набрала номер Джереми. По-прежнему глухая тишина.

– Я, наверное, смогу освободиться к девяти, – сказала она, оставляя ему шестое за последний час голосовое сообщение. – Просто скажи «да», и я буду там. Спасибо тебе огромное за эти билеты. Это просто... потрясающе.

Потом она со всех ног бросилась в спортзал, сжимая в руке баллончик с серпантинном. Увидев ее, вся команда, включая новеньких, вскочила на ноги, передавая друг другу рулоны с туалетной бумагой. Урсула опустошала последнюю гигантскую упаковку, бросая рулоны стоящим в задних рядах.

– Разматывайте! – командирским голосом велела она. – И развешивайте!

– За мной! – позвала Кейтлин, вспомнив, как проходит посвящение. Первым делом полагалось навесить туалетную бумагу на деревья вокруг футбольного поля. Капитан – или, как в данном случае, капитаны – всегда бежала первой, а остальные за ней. Девочкам, добежавшим последними, приходилось забираться на самые высокие деревья и бросать больше всего рулонов.

Кейтлин схватила два рулона и ринулась к двойной двери, выходящей на улицу. Она бежала впереди всех, несясь по полю с максимальной скоростью. Позади себя она слышала пыхтение девочек, которые принялись разматывать свои рулоны и набрасывать бумагу на ограды и будки. Ей казалось очень странным бегать и заниматься чем-то настолько деятельным и дурацким, когда Джереми так на нее злится. Но выбора не было. Она – капитан. А это кое-что да значит.

Она повела за собой команду прочь с поля, вниз по холму, к главной аллее кампуса. Когда остальные поравнялись с ней, она выбрала тех, кто бежал медленнее всего, и указала им, какие деревья украшать. Новенькие бросали рулоны на ветки, поднимали упавшие, бросали снова. Тут подросла Урсула и завела традиционную кричалку:

– Эй, малявки!

– Кто малявки?

– Вы малявки!

Кейтлин тоже кричала что было мочи, хихикая над дурацким текстом. На мгновение она даже забыла про Джереми. Но вдруг воспоминания снова нахлынули на нее. Она потянулась в карман за телефоном. Они так и не перезвонил.

Девочки остановились, чтобы перевести дух. Тут среди корпусов раздался шум шагов и гул мужских голосов. Мужская команда строем вышла из-за угла. Джош вышагивал впереди всех. Кейтлин на мгновение

задержала на нем взгляд. Он встретился с ней глазами и слегка склонил голову набок. Тут-то Кейтлин и поняла: если кто и мог с первого взгляда заметить, что она расстроена, так это Джош. Она смущенно отвернулась.

– Так, теперь в раздевалки – настало время фруктовой терапии! – скомандовала Кейтлин, стараясь придать голосу бодрость. Она повернулась к новеньким, – Малявки, – грозным тоном сказала она, – В строй становись. Готовьте подгузники, будете купаться в *Kool-Aid*^[2]!

Девочки ответили стонами и смехом. Кейтлин пошла за ними, но вдруг почувствовала на плече чью-то руку. Развернувшись, она увидела Джоша.

– Привет. – Голос его звучал нейтрально, но он внимательно смотрел на нее.

– Привет, – неловко ответила она, стараясь спрятать от него лицо в надежде, что он не сможет рассмотреть ее заплаканные глаза.

– Ты в порядке?

Кейтлин удивила искренняя забота в его голосе. Она судорожно сглотнула.

– Конечно, – напряженно ответила она. – Все супер.

Джош скрестил руки на груди, не отводя взгляда.

– Ладно тебе. Что стряслось?

Кейтлин захлестнули эмоции. Почему Джош так добр к ней после всего, что она ему сделала? Она пожала плечами.

– Да ерунда. Ничего серьезного.

– Это из-за Джереми? – тихо спросил он, терпеливо ожидая ответа и внимательно глядя на нее.

Кейтлин на секунду закрыла лицо руками.

– Да. Из-за Джереми. Он... злится на меня. Я забыла про посвящение, а он достал нам билеты на концерт и хотел сделать мне сюрприз. И теперь он ужасно злится. А я ужасно себя чувствую.

Она исподлобья глянула на Джоша, ожидая, что он закатит глаза и скажет, что она получила по заслугам. Но тот лишь пожал плечами.

– Он злится потому, что ты его подвела, или потому, что это из-за футбола?

Кейтлин нахмурилась.

– Я не знаю.

Но в словах Джоша была доля правды. Если бы ей пришлось отменить свидание с Джереми из-за чего-то другого – семейных дел или по учебе, – стал бы он так злиться? Похоже, что он всегда бесится именно из-за футбола.

Джош вздохнул.

– Такой уж он человек – для него все либо черное, либо белое. Ты или такой, – он махнул в сторону товарищей по командам, – или не такой. Нельзя быть тем и другим одновременно.

Кейтлин в изумлении открыла рот. А ведь правда. Ее удивили слова Джоша: в них не было ничего уничижительного, просто констатация факта. Джереми – это Джереми.

– Ты капитан, – продолжил Джош. – Тебе нужно было прийти сюда ради команды. Если ты ему небезразлична, он поймет.

Он еще мгновение смотрел ей в глаза, потом отвернулся и крикнул:

– За дело! – крикнул он остальным ребятам. – Надо забросить бумагу на самый верх, куда девчонки не достали.

Мальчишки расхохотались, хлопая друг друга по ладоням, а девочки добродушно засвистели и заулюлюкали.

– Кейтлин, пошли! – крикнула Урсула с другой стороны поля. – В раздевалки, живо.

– Секунду, – бросила Кейтлин, по-прежнему глядя на Джоша. Ей хотелось поблагодарить его за то, что он ей сказал, и как мило повел себя, в особенности учитывая все обстоятельства. Он уже миновал математический корпус и забирался на огромное дерево с рулоном туалетной бумаги в кармане шортов. Она подошла к дереву и смотрела, как он разматывает бумагу, набрасывая ее на ветки. Бумага была такой тонкой, что легчайшее дуновение ветра сносило ее обратно.

Тут Джош глянул вниз и заметил ее.

– Ой, – сказал он. – Что такое?

– Я просто хотела сказать... – начала Кейтлин и запнулась. – Ты правда...

– Что-что? – Джош наклонился, чтобы лучше ее слышать. Их взгляды встретились. Он улыбнулся ей знакомой улыбкой, которую берег для нее одной. Сердце Кейтлин екнуло.

И тут вдруг она услышала громкий треск.

– Черт! – завопил Джош. Ветка под ним подломилась. Он попытался ухватиться за соседнюю, но вместо этого ухватился за листья. Они оторвались, и он кубарем полетел вниз, приземлившись на траву. Он упал с глухим стуком всего в паре шагов от Кейтлин.

Она заорала и подбежала к нему. Сердце бешено колотилось о ребра. Его глаза были закрыты. Похоже, он серьезно пострадал. И все из-за нее!

Веки Джоша затрепетали, и он медленно открыл глаза.

– Я... я в порядке, – слабым голосом сказал он. Он сел и посмотрел на нее с ошалелым видом. – Кажется, повердил лодыжку.

– Идти можешь?

Он задумался, потом покачал головой.

– Не думаю, – прошептал он.

К ним подбежали еще несколько ребят. Потрясенная Кейтлин вытащила телефон и набрала 911. Когда оператор поднял трубку и сообщил, что скоро прибедет скорая, ее накрыл всплеск адреналина.

Вскоре действительно подъехала машина скорой помощи, и двое дюжих фельдшеров погрузили Джоша на носилки. Кейтлин не находила себе места: скорые теперь всю жизнь будут напоминать ей о Тейлоре. Она смотрела на Джоша, который поглядывал на нее с носилок. Он стиснул зубы и зажмурил глаза от боли. Она отделилась от толпы и поставила одну ногу на ступеньку машины.

– Джош, мне с тобой поехать?

Джош встретился с ней взглядом, но тут вмешался фельдшер.

– Вы родственница?

Она покачала головой.

– Его девушка?

Кейтлин отпрянула. Сопровождать Джоша в больницу – больше не ее дело. Она вдруг остро ощутила окончательность их разрыва.

– Нет, – тихо ответила она.

Фельдшер с громким стуком захлопнул дверь. Скорая, крутя мигалками, громко завывала сиренами, вырулила на дорогу и поехала прочь.

На следующее утро, в понедельник, Джулия сидела в машине на парковке Бэкон Хайтс и тянула время. Ученики сбивались в группки, обсуждая выходные. У обочины тормозили школьные автобусы, хлопали двери, а у гуманитарного крыла стояла группа девочек, держащих в руках большой плакат с портретом Лукаса Грейнджера. Раздался первый звонок, означавший, что до классного часа осталось пятнадцать минут.

Через пятнадцать минут она готова явно не будет.

Джулия пристегнула ремень и завела машину. Вдруг ее ладонь накрыла чья-то рука.

– Эй. Так нельзя.

Она подняла глаза. Карсон хотел заехать за ней с утра, но она настояла, что сама заедет за ним, чтобы у нее была возможность быстро смыться из школы в течение дня, если потребуется.

– Пойдем, – сказал он, тепло ей улыбнувшись. – Я все время буду с тобой.

Джулия настороженно посмотрела на учеников, толпой заходивших в школу.

– Не знаю, – прошептала она. – Я не готова к встрече с Эшли.

– Нет, готова. Если встретим ее, просто развернемся и пойдем в другую сторону, идет? Или еще лучше, встретимся с ней лицом к лицу и скажем ей, какая она жалкая стерва.

Глаза Джулии метнулись в сторону девушек, державших портрет Грейнджера. Она не была в школе с тех пор, как его убили, и рассчитывала, что к этому моменту вся эта шумиха вокруг него начнет затихать. Но, похоже, фанаток у Грейнджера только прибавилось.

– Пойдем, – Карсон открыл дверцу машины. Протяжно вздохнув, Джулия выключила зажигание, взяла сумочку и книги, и пошла вслед за ним к школе.

Прошло чуть больше недели с тех пор, как она была тут в последний раз, но школа казалась совсем другой – да и выглядела иначе. В холле появились новые растения. В коридорах повсюду висели плакаты с фотографией Грейнджера. Да и сама Джулия чувствовала себя по-другому. В последний раз она еще была идеальной Джулией Реддинг, которую повсюду сопровождала толпа поклонников. Теперь она была грязной и отвратительной, а следом за ней тянулась вонь кошачьей мочи и тухлой

еды. По крайней мере, так ей казалось.

Они шагали по коридору – Джулия опустила голову, Карсон держал ее за локоть.

– Джулия! – окликнул ее кто-то сзади.

Она вздрогнула при звуке собственного имени, уверенная, что это Эшли. Но, обернувшись, она увидела свою подругу Ниссу Франкель, которая приветливо махала ей рукой. Рядом с ней стояла Натали Хума, улыбаясь с совершенно непринужденным видом.

– Ты готовилась к контрольной по химии? – нараспев спросила Нисса. – Я точно завалю. Ну кому нужны эти уравнения?

– Э-э-э, нет... – запнулась Джулия. У нее закружилась голова. – То есть, да, готовилась. Чуть-чуть. Но думаю, будет очень сложно.

– Ты же придешь в пятницу, правда? – вставила Натали. – Ты ведь получила мое письмо?

– В пятницу? – Джулия понятия не имела, о чем они говорят. Более того, почему они ведут себя как ни в чем не бывало, даже не упоминая о том, что ее не было в школе всю прошлую неделю? Тут она вспомнила, что Натали и правда прислала ей письмо. Даже несколько. Только Джулия их не читала.

– Я устраиваю вечеринку в честь Хэллоуина, – пояснила Нисса. – Обсудим костюмы за ланчем? Может, супергерои? Или секси-принцессы из диснеевских мультиков?

– Нельзя все сделать секси, Нисс, – поддразнила ее Натали, закатив глаза и поглядывая на Джулию. – Верно?

– Э-э... – прежде, чем Джулия успела ответить, раздался второй звонок, означавший, что до классного часа осталось пять минут. Натали просто пожала плечами и пошла в свой класс вместе с Ниссой. Обе помахали Джулии на прощание. Та с потрясенным видом повернулась к Карсону.

– Не могу поверить!

Карсон усмехнулся.

– Вот видишь? – он наклонился и нежно поцеловал ее в щеку. – Я же говорил, что все будет хорошо. Так что, пойдешь со мной в пятницу на вечеринку к Ниссе? Может, нарядишься секси-Золушкой? – шутливо предложил он.

Джулия с удивлением обнаружила, что смеется.

– Уж точно не Золушкой, – сказала она, игриво оттолкнув его. Она поверить не могла, что всерьез подумывает пойти на вечеринку. Но может, и стоит?

Они дошли до шкафчика Джулии, который, к ее огромному удивлению, не был исписан гадкими словами и обклеен картинками с кошками. Карсон посмотрел на часы и наморщил лоб.

– Слушай, мне так неудобно, но я забыл в своем шкафчике учебник, который мне очень нужен.

Джулия моргнула. Шкафчик Карсона был на другом конце кампуса, а ее первый урок – в этом здании. Если она пойдет с ним, то опоздает. А если он останется с ней, то сам опоздает.

– Э-э-э, – нерешительно протянула она и нервно огляделась по сторонам. Одноклассники болтали друг с другом, хлопая дверцами шкафчиков, зубря что-то по толстым учебникам, строча смски, пока не прозвонил последний звонок. Никто не обращал на нее внимания, и впервые за долгое время ее это радовало.

«Все в порядке. Никому до тебя нет дела». Тут Джулия заметила в дальнем конце коридора Паркер и почувствовала себя еще лучше. Паркер накануне ночевала у нее, но утром куда-то пропала, пока Джулию от волнения рвало в ванной.

Она не ожидала, что Паркер придет в школу.

– Иди за своим учебником, – сказала она, заправив за ухо прядь блестящих волос. С поддержкой Паркер она точно не пропадет. – Со мной все будет в порядке.

Карсон выглядел обеспокоенным.

– Уверена?

Джулия кивнула, наблюдая, как Паркер бредет по коридору в ее сторону.

– Рано или поздно мне все равно пришлось бы попробовать, верно?

Он снова поцеловал ее. Она почувствовала запах его шампуня – что-то вкусно-кокосовое.

– Увидимся после урока, ладно? Я буду тебя ждать тут, – сказал он и торопливо пошел по коридору.

Джулия поймала за руку проходящую мимо Паркер, и та резко развернулась. Ее лицо было в тени капюшона, но что-то в нем явно изменилось. Джулии не сразу удалось уловить в чем дело, но когда это наконец произошло, она была потрясена. Паркер выглядела счастливой!

– Привет! – воскликнула подруга, хлопнув Джулию по плечу. – Ты все-таки пришла!

– И ты, – отметила Джулия.

– Ага. Подумала, что все-таки стоит тут показаться, – Паркер саркастически хмыкнула, но уголки ее рта слегка приподнялись. Не успела

Джулия расспросить подругу, почему она в таком хорошем настроении, как их кинулись обнимать Кейтлин, Мак и Ава.

– С возвращением! – радостно крикнула Кейтлин.

– Доброе утро, подруга! – Ава помахала рукой, клячая многочисленными браслетами. – Рада тебя видеть!

– Мы скучали по тебе, – серьезно сказала Мак, обняв Джулию и ободряюще сжав ее плечо.

– Спасибо, девчонки! – Джулию очень растрогала их поддержка.

– Тогда встречаемся за ланчем, – скомандовала Кейтлин. – И никаких возражений.

– Увидимся в столовой! – Ава заправила за ухо выбившуюся прядь. – Идет?

Джулия повернула кодовый замок на дверце шкафчика, собираясь сказать им, что уже договорилась пообедать с Натали и Ниссой. Но набрав последнюю цифру, она вдруг заметила, что в коридоре стало как-то тихо. Она оглянулась на долю секунды, думая, что все разбежались по кабинетам, но в коридоре было полно народу, и все смотрели на нее. В тот же миг она услышала чье-то хихиканье в нескольких шагах от себя.

Сердце девушки заколотилось. Может, она поторопилась сказать Карсону, что все будет в порядке? Ее пальцы стиснули задвижку, и та издала громкий щелчок. Задвижка подалась, и дверца распахнулась. Времени придержать ее уже не было. Из шкафчика ей на ноги с легким стуком посыпалось что-то похожее на мелкую гальку, а потом – целая лавина песка и пыли, завалившая ее ноги до лодыжек и оставившая серый осадок по всему платью. С пола потянулся знакомый запах, ударивший ей в ноздри.

Кошачий наполнитель.

Джулия открыла рот, и на языке осела пахучая пыль. Она поперхнулась. Ава вздрогнула, а Мак отскочила назад, испуганно прижав руки к лицу и широко открыв рот. Паркер стояла рядом, стиснув кулаки и раскрасневшись от ярости. Последние несколько крошек наполнителя упали на пол со стуком, гулко разносившимся в наступившей тишине.

Затем, будто по команде, со всех сторон стали один за другим раздаваться смешки, а затем и громкий гогот, сопровождавшийся возгласами «Ни фиги себе!» и «Вот это круто!». Вокруг образовалась густая толпа. Джулия различила лица Ниссы и Натали, которые были единственными помимо девочек из группы киноведения, кто не смеялся. Они смотрели на нее широко раскрытыми глазами, с сочувственным, но беспомощным видом.

Кучка учащихся расступилась, пропуская кого-то, кто протискивался в первые ряды. Вот и она: платье с запахом, как носила Джулия, прическа как у Джулии и самодовольная, торжествующая, гадкая улыбка. Эшли – главная героиня кошмаров Джулии. Вокруг нее сгрудились несколько девчонок с тем же жестоким выражением лица. Все они злобно хихикали.

– С возвращением, мисс Джулия, – провозгласила Эшли. – Держи. Подумала, тебе может пригодиться! – Она подскочила к Джулии и нахлобучила ей на голову какой-то предмет. Джулия схватилась за него. Пластик. Это был кошачий лоток. Школьники заливались смехом. Вокруг раздавались щелчки камер айфонов.

У Джулии на глаза навернулись слезы. Ей хотелось что-то сказать, заставить их всех замолчать. Но само, на что она была способна, – это бросить на пол лоток, разгрести море наполнителя и протолкнуться к ближайшему выходу на парковку.

Она пробежала несколько метров, стряхивая с одежды остатки наполнителя. Она чувствовала спиной, как школьники пялятся на нее из окон и смеются. Оказавшись достаточно далеко от школы, она горько разрыдалась. Как она могла быть такой дурой? Ведь в глубине души она знала, что не стоит сегодня приходить в школу. Но она позволила Карсону – милому, наивному Карсону – убедить себя.

Вдруг ей пришла в голову жуткая мысль: а что если Карсон во всем этом участвовал? Ведь это он уговорил ее вернуться в школу, и он оставил ее одну у шкафчика.

Но не успев как следует обдумать это, Джулия почувствовала, как кто-то крепко схватил ее за плечо.

– Черт, – рявкнула она, стряхнув руку и рывком повернувшись, готовая дать отпор любому, кто собрался и дальше над ней издеваться. Но перед ней стояла Паркер, на лице которой была та же ярость, которую чувствовала Джулия. Паркер схватила Джулию в охапку и обняла так крепко, будто пыталась защитить от урагана.

– Не могу поверить, что эта сука с тобой сделала, – прорычала Паркер. – Ей не жить.

– Это так ужасно, – всхлипнула Джулия. Слезы теперь свободно катились по ее лицу. Паркер была единственной, кому было позволено видеть, как она плачет. – Весь этот наполнитель... и все так смеялись...

Паркер притянула Джулию к себе, крепко держа ее за вздрагивающие от рыданий плечи.

– Я для тебя сделаю что угодно, Джулия, – прошептала она ей на ухо. – Только скажи, и она дорого за это заплатит.

Джулия на мгновение задумалась, потом отстранилась. Лицо Паркер казалось совершенно безумным, и на мгновение Джулии стало страшно.

– Нет, – сказала она, положив руку на плечо Паркер. – Мы выше этого.

– Знаю, – Паркер глубоко вздохнула и прошептала: – Но мне бы очень хотелось, чтобы такие люди хоть раз в жизни получили по заслугам.

Вечером того же дня Мак, Ава и Кейтлин стояли плечом к плечу на потрескавшемся заросшем тротуаре у дома Джулии. Они явно были не первыми, кто пришел сюда после того, как Эшли разослала всем адрес Джулии в своем письме. На раздолбанной дорожке кто-то написал краской слово «Барахольщица», а на двери гаража было нацарапано «Убирайся из нашего города, шваль». Среди разбросанных по лужайке рождественских украшений бродили тощие драные кошки и трепали их, точа об них когти. Во дворе стояло несколько вхлам разбитых машин. Газон, похоже, не стригли годами: он зарос одуванчиками и наверняка кишел клещами.

Мак ни за что бы по своей воле не пошла в подобное место, но *Subaru* Джулии стоял во дворе – она была дома. А им нужно было убедиться, что с ней все в порядке.

Мак было ужасно жаль Джулию. Еще до того, как они познакомились на киноведении, она всегда восхищалась ей издалека: Джулия была из тех сияющих, дружелюбных и красивых девушек, которые всегда идеально одеты и умеют подобрать идеальные слова в любой ситуации. Просто удивительно, что все это время она висела на волоске, скрывая такой огромный секрет. Но Мак понимала, почему ей приходилось это делать. Это же Бэкон, где у всех поголовно родители были корпоративными шишками, нобелевскими лауреатами или наследниками крупных компаний. В Бэконе не было места даже малейшим несовершенствам, не говоря уж о патологическом накопительстве.

Мак услышала звук нового сообщения и глянула на экран телефона. «Что делаешь?» – написал Оливер.

Сердце у нее упало. Она очень хотела, чтобы Оливер ей нравился, правда. И он так мило вел себя после этой дурацкой сцены в машине у тайского ресторана: то и дело писал ей смски со смешными смайликами. Но каждый раз, видя его имя на экране телефона, она понимала, что... ничего не чувствует. Ведь ей бы следовало радоваться, если бы он ей правда нравился, так? Почему же вместо этого у нее в голове то и дело всплывало лицо Блейка? Она никак не могла перестать думать о той открытке. О том, что он носил ее помаду в гитарном чехле как талисман.

– Ладно, пошли, – сказала она остальным и сунула телефон в карман, не ответив Оливеру. Она пошла по дорожке к дому, краем глаза наблюдая за вороватого вида котом, который остановился на пожухлой траве, подняв

лапу, после чего запрыгнул в замызганный сдутый детский бассейн. Остальные девочки последовали за ней. Мак нажала ржавую кнопку звонка. Раздался скрипучий металлический звук. Выждав немного, она позвонила еще раз. Ответа не было.

– Она точно дома, – прошептала Ава. – Ее машина здесь.

Они все вздрогнули, заметив, как шевельнулась штора, задетая чьей-то невидимой головой. В окне появилось заплаканное лицо Джулии. Похоже, она рыдала без остановки с тех пор, как ушла из школы. Казалось, в ней потух огонек, оставив лишь потускневшую, сломанную оболочку. Не сказав ни слова, Джулия отошла от окна. На секунду Мак испугалась, что она пошла обратно в дом, но тут дверь со скрипом отворилась.

Наружу вырвался неприятный затхлый запах. Джулия стояла в дверях в халате, который был настолько белоснежным, что почти светился на фоне груды хлама и мусора, которая высилась позади нее. Она сутулилась, ее руки были безвольно опущены.

Все молчали, но Ава наконец нарушила неловкое молчание.

– Мы пришли, чтобы отвезти тебя на маникюр и педикюр, – прошептала она неестественно веселым голосом.

Джулия уставилась в пол. У ее ног отиралось несколько кошек.

– Э-э, без обид, но кому теперь дело до моих ногтей?

Мак успокаивающим жестом протянула руку к плечу Джулии.

– Тогда пойдем попробуем булочки в новой кондитерской. Они сейчас как раз пекут вечернюю партию.

Джулия грустно покачала головой.

– Спасибо... Но я никуда не пойду. Больше никогда, – ее плечи ходили ходуном. – Простите, девчонки. Пойду лучше еще посплю.

– Ты уверена? – тихо спросила Кейтлин. Джулия кивнула. – Ну... тогда позвони нам потом, ладно? – добавила Кейтлин. – И вообще звони по любому поводу и в любое время. Даже если будет очень поздно.

Им оставалось только вернуться к своим машинам. Ава и Кейтлин приехали вместе: они жили рядом, и Ава предложила подвезти Кейтлин. Девочки попрощались с Мак и уехали. А сама она медлила. Захлопнув дверцу машины, она повернулась к Джулии, которая все еще стояла на крыльце, устремив невидящий взгляд на улицу.

– Я знаю, каково это, – сказала она, но потом нахмурилась. Это было не совсем правдой. – В смысле, меня раньше тоже дразнили. Унижали.

Джулия моргнула.

– Правда? – тихо спросила она.

Мак сделала шаг в сторону дома.

– Нолан Хотчкисс. Поэтому-то я и... ну, ты поняла. Участвовала во всем этом, – она огляделась по сторонам, засомневавшись, что такие вещи можно говорить посреди улицы, но вокруг вроде никого не было. Похоже, дом Реддингов был из тех мест, которые соседи по возможности старались обходить стороной.

Джулия слегка склонила голову набок, потом оглянулась на дом.

– Хочешь зайти? – несколько нерешительно спросила она.

– С удовольствием, – быстро ответила Мак, опасаясь, что Джулия передумает.

В доме пахло плесенью, кошачьей мочой и чем-то тухлым, что напомнило Мак запах дохлой мыши, сгнившей под посудомойкой в закуской, где она работала прошлым летом. Но девушка притворилась, что ее это несколько не беспокоит. Она старалась смотреть прямо перед собой, избегая высившихся до потолка башен из коробок, старой уродливой мебели и огромных куч одежды. Джулия шла по коридору, поворачиваясь боком в особо узких местах.

– Осторожно, – предупредила она, указав на кошачий лоток, стоявший на пути Мак. Он был настолько грязный, что там едва ли можно было найти сухое место. Потом она открыла дверь в самом конце коридора.

– Сюда. Это моя комната, – сказала она, покраснев от стыда.

Мак зашла в комнату и ахнула. В отличие от остального дома, в комнате Джулии пахло духами и свежестырированным бельем. В углу стояли две аккуратно застеленные кровати, а книги на полках были расставлены ровно, как по линейке. Она будто оказалась совсем в другом доме. В другой вселенной.

– Здесь так здорово, – выпалила Мак.

– Угу, не то что в остальном доме, – Джулия села на ту кровать, что была побольше. – Знаешь, я никогда никого сюда не приводила... кроме Паркер, – глянув в сторону рюкзака цвета хаки, который лежал в другом углу комнаты, она пожала плечами.

– Значит, ты рассказала Паркер про... – Мак указала рукой в сторону коридора.

По лицу Джулии пробежала тень сожаления.

– Да, хотя и не сразу. Надо было раньше сказать. Это нас очень сблизило.

Она тяжело вздохнула. Мак хотела спросить, что она думает обо всем этом – история с Паркер наверняка сильно повлияла на Джулию, но тут Джулия спросила:

– А что тебе сделал Нолан?

Мак прокашлялась.

– Да просто притворился, что я ему нравлюсь, чтобы выиграть пари у своих приятелей.

Джулия широко распахнула глаза.

– Боже! Мне так жаль...

– М-м, угу, – Мак теребила сумочку, пытаясь прогнать нахлынувшие воспоминания. – Так что я примерно понимаю, каково тебе сейчас, – сказала она, исподлобья глянув на Джулию. – Думаешь, что все прекрасно, что все в жизни складывается, а потом вдруг земля уходит из-под ног... и все над тобой смеются.

Джулия повалилась на кровать.

– Самое ужасное, что я сегодня ехала в школу, думая, что все будет в порядке. Я такая дура. Я ведь знаю, что собой представляет Бэкон. Знаю, на что способны люди.

– Не все такие, – настояла Мак. – У тебя есть мы, – она отвела глаза, снова вспомнив о Нолане и о том, как ей отчаянно хотелось думать, что она ему правда нравится. – Но я тебя понимаю, – добавила она. В конце концов, история с Ноланом была даже не самым ужасным: достаточно вспомнить, что натворила Клэр, пытаясь сорвать ее прослушивание в Джульярд. А ведь они считались подругами.

Она поерзала на кровати, и вдруг ее сумочка перевернулась, и ее содержимое посыпалось на пол. Расческа полетела через всю комнату, за ней кошелек. Она нагнулась, чтобы собрать свои вещи, стесняясь, что натворила беспорядок в идеальной комнате Джулии. Тут Джулия спросила:

– Что это?

Мак проследила за ее взглядом. На полу валялась открытка Блейка, выставив напоказ его трогательное послание. Мак тут же подобрала открытку, но, судя по лицу Джулии, та успела кое-что прочитать.

У Мак загорелись уши. Она опустила глаза, сдерживая внезапно накотившие слезы. Она не рассказывала никому из девочек с киноведения про Блейка. Она вообще никому не рассказывала. Все это было слишком запутанно, и к тому же ей было очень стыдно за свою роль в этой истории.

– Хочешь об этом поговорить? – мягко спросила Джулия с обеспокоенным видом.

– Нет! – воскликнула Мак, потом покачала головой. – Ну, то есть, не хочу грузить тебя еще и своими проблемами. Я здесь для того, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

– Ну пожалуйста, мне нужно на что-то отвлечься, – Джулия подалась вперед. – Что происходит? Это же от парня, верно? – с понимающим видом

предположила она.

Мак уставилась на свои клетчатые кеды *Vans*. Внезапно у нее в груди будто заклокотал вулкан, готовый к извержению.

– От Блейка Страстека! – выпалила она. – Мы с ним дружили много лет, и я любила его, но теперь все кончено!

Она рассказала Джулии все с самого начала: как она влюбилась в Блейка первой, но потом с ним начала встречаться Клэр, которая, по словам Блейка, наврала ему, что он не нравится Мак. Как они вместе играли в группе, а в последнее время между ними начало кое-что происходить – за спиной Клэр. Как она не хотела причинить боль Клэр. Но когда она дошла до того места, как Клэр и Блейк обманули ее, чтобы сорвать прослушивание, у Джулии отвисла челюсть.

– Лучшие подруги так не поступают! – воскликнула она.

– А то я не знаю, – мрачно ответила Мак.

Джулия скрестила руки на груди.

– Теперь ясно, почему ты назвала Клэр тогда на киноведении. А я все гадала, в чем же дело.

Мак поморщилась, вспоминая тот разговор. Произнеся имя Клэр, она тут же об этом пожалела – в особенности потому, что Клэр сидела в другом конце класса и могла это услышать. Но она в тот день так злилась на бывшую подругу, потому что увидела, как они с Блейком обжимаются в коридоре, и все ее обиды всплыли на поверхность.

– Не нужно мне было этого говорить... просто день был ужасный, – вздохнула она. – Не то чтобы я правда желала ей смерти.

– Конечно, нет, – твердо сказала Джулия.

– И это ведь необязательно произойдет только потому, что я так сказала, – громко рассуждала Мак, вспомнив о той теории, которую Кейтлин выдвинула, когда они были в гостях у Авы.

– Разумеется, нет, – ответила Джулия, но тут же поежилась. – И все-таки ужасно, что этот список все еще где-то есть. В смысле, двое из пятерых уже... Ну, ты поняла, – она отвела глаза.

– Никто на нас не подумает, – быстро вставила Мак. Ей нужно было сказать это вслух, будто чтобы нарушить заклятие. – Это слишком безумная теория. Никто бы не стал одного за другим убивать людей, которых мы назвали. Это полная ерунда. Нет никого, кто бы настолько ненавидел нас всех... или этих людей.

У Мак зазвонил телефон. Она глянула на экран. Звонила мама. Она вдруг вспомнила, что договорилась поужинать с родителями, чтобы отпраздновать поступление в Джульярд. Она встала, сунув телефон в

карман.

– Мне надо идти, – грустно сказала она, глядя на Джулию. – Ничего?

Джулия кивнула.

– Спасибо, что осталась и поговорила со мной. Мне правда стало лучше... от того, что ты зашла.

Мак кивнула и вышла из комнаты Джулии, жалея, что приходится оставлять ее в такой тесноте. Она лавировала между коробками и кошками, и вскоре наконец оказалась на улице, вдохнув свежий воздух. Но грудь ее все еще беспокойно вздымалась, и она знала, почему. Это все разговоры о том проклятом списке.

Ей вдруг стало интересно, чем занята Клэр. Дома ли она? Все ли у нее в порядке? Стоит ли Мак за нее волноваться? Какая ирония: человек, которого она ненавидела и который ненавидел ее, возможно, нуждался сейчас в ней больше всего.

Высадив Кейтлин, Ава крепко ухватилась за руль, сосредоточенно глядя перед собой. Вместо того, чтобы свернуть к дому, она выехала на дорогу, которой мало кто пользовался. Разве что те, кто направлялся в местную тюрьму, куда и собралась Ава. Там был Алекс. Ему назначили залог в двадцать пять тысяч долларов и его родители вместе с двумя учителями пока пытались собрать эту сумму.

У нее было полно дел, которыми бы следовало заняться этим вечером: скажем, готовиться к экзамену по истории или придумывать посты для своей страницы леди Макбет в *Facebook* (задание для продвинутой группы английского).

Но сегодня у нее в груди что-то щелкнуло. Ава и сама не могла толком объяснить, что это было, но она вдруг поняла, что ей нужно повидать Алекса в тюрьме. Неважно, сколько ребят заявило журналистам, что Алекс жестоко избил одноклассника. Ей нужно услышать это от него. Более того, ей нужно, чтобы он сказал ей, что невиновен в убийстве Грейнджера.

Ее телефон завибрировал, и она посмотрела на экран.

«Эй, у меня остался твой блеск, – написала Кейтлин. – Не хочешь за ним заскочить?»

Пока они ехали домой, Ава одолжила Кейтлин свой блеск для губ, но теперь она уже не готова была за ним возвращаться, а уж тем более объяснять, что собиралась сделать.

«Ничего, вернешь в школе», – ответила она.

У нее возникло странное чувство: ведь можно было рассказать девочкам, что она поехала к Алексу. Но ей хотелось сохранить все в тайне, пока она не узнает больше.

Подъехав через пятнадцать минут к полицейскому комплексу, она все еще не знала, что собирается сказать. Расправив плечи, она вошла в дверь с надписью «Посетители» и записала свое имя в регистрационном блокноте.

После омерзительной процедуры досмотра, во время которой охранница, как показалось Аве, слишком тщательно ощупывала ее, пока никто не смотрит, она уселась в комнате для посетителей. Бетонный пол был покрыт пятнами загадочного происхождения, а холодные металлические столы и стулья были прикручены к полу. В воздухе резко пахло мочой и едкими моющими средствами. У Авы горело в носу. Мысль о том, что Алексу приходится находиться здесь, причиняла боль.

Металлическая дверь в дальнем конце комнаты распахнулась, и Ава вскочила. Сперва показался высокий охранник, за ним – бледный, изможденный Алекс в наручниках. Сердце Авы комом встало в горле. Она подавила всхлип.

Алекс поднял голову и посмотрел на нее. Взгляд его был таким напряженным, таким отчаянным, таким грустным... Казалось, его сердце разбито. Ава поборола порыв подбежать к нему и крепко обнять.

– Алекс, – начала она.

– Прости меня, – одновременно заговорил он. – Ава, мне так жаль. Я совсем не хотел, чтобы так вышло. Я не хотел, чтобы у тебя были из-за меня неприятности. Я знаю, что ты этого не делала. Ничего из этого, – он задержал дыхание, стараясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Ава подозревала, что ему с трудом удастся не расплакаться. В их паре Алекс был более эмоциональным – да он плакал над «Историей игрушек-3»! От этого воспоминания у нее тоже навернулись на глаза слезы, но она сдержалась.

– Ты ведь этого не делал, правда? – прошептала она.

Алекс энергично затряс головой.

– Конечно, нет. Ава, я бы никогда никого не убил. Ты ведь меня знаешь.

Ава кивнула.

– Знаю. Мне просто нужно было, чтобы ты это сказал, – она уселась на жесткий стул. – Но зачем ты туда пошел? Зачем ты написал Грейнджеру это сообщение? И что произошло в твоей старой школе?

Алекс уселся напротив и склонился к ней над столом, после чего продолжил.

– Ну, начну с самого простого. Я написал Грейнджеру «Еще раз тронешь мою девушку, и я тебя прикончу», потому что ты сказала, что он к тебе приставал, а полиция тебе даже не поверила, – он опустил глаза. – Прости меня. Я повел себя глупо. Я просто... чувствовал себя таким беспомощным, понимаешь?

«Да, – подумала Ава. – Понимаю».

– Прости, что не рассказывал тебе про то, что случилось в моей старой школе, – продолжил он. – Я просто не мог. Я избил того парня, потому что он изнасиловал мою бывшую девушку.

Ава ахнула.

– Она пришла ко мне сразу после этого, – продолжал Алекс, – и умоляла никому не рассказывать. У нее родители чокнутые, они бы рехнулись, если бы узнали, что она уже не... в общем, неважно. Я не стал

никому рассказывать. Но и не мог этого так оставить. Я не собирался раскрывать никому ее тайну, но этот гад должен был заплатить за то, что сделал. Я видел ее синяки, – он покачал головой и закрыл глаза.

Ава медленно выдохнула. Ей так хотелось ему верить. К тому же она легко могла представить себе, что Алекс решил взять дело в свои руки и самостоятельно отомстить парню, который обидел его бывшую. В конце концов, они с девчонками сделали то же самое с Ноланом. Но в то же время она осознала, что до сих пор злится.

– Ладно. Но зачем ты меня сдал копам в ту ночь?

– Потому что я правда тебя видел, – Алекс отвел взгляд. – И ты была... не совсем одета. Я взбесился.

Ава вперила в него гневный взгляд.

– Так ты предположил худшее, не спросив меня?

Он поднял руки.

– Нет, я не сразу им позвонил. Я все объясню. Но Ава... что ты там делала?

Ава выдохнула и попыталась взять себя в руки.

– Все было не так, как это выглядело, – дрогнувшим голосом начала она.

– Так объясни, как все было на самом деле.

Сердце девушки бешено колотилось. Она поняла, что настала пора сказать правду. Это единственный способ восстановить доверие. Но могла ли она это сделать? Она взглянула на Алекса.

– Ладно, – тихо сказала она. – Я тебе все расскажу. Но тебе это не понравится.

Алекс кивнул, но лицо его приняло нервное выражение.

– Давай.

– Помнишь, что Нолан сделал со мной в десятом классе? Как он пустил слухи, что я сплю с учителями, чтобы получать хорошие оценки? – спросила она, и Алекс снова кивнул. – Ну так вот, я была не единственной жертвой его издевательств, далеко не единственной. Мы разговорились кое с кем из девочек в тот день, когда мы смотрели «И никого не стало» на киноведении.

Заговорив, Ава вновь обрела уверенность в себе, чувствуя облегчение от того, что произносила все это вслух.

Она рассказала Алексу про их розыгрыш и про то, как кто-то воспользовался их планом, чтобы убить Нолана. О том, как на них вдруг пали подозрения в убийстве – очень и очень серьезные подозрения. О том, как Грейнджер приставал к ней, когда она пришла к нему обсудить свое

сочинение. В этом месте Алекс скорчился и закрыл глаза.

Потом она рассказала ему о сообщениях и фотографиях, которые нашла в телефоне Грейнджера, и о том, как Нолан его шантажировал.

– Ого, – произнес Алекс со слегка шокированным видом. – Да эта парочка друг друга стоила.

– Точно, – сказала Ава. Она объяснила, что они залезли в дом Грейнджера, чтобы найти улики, которые можно использовать против него, но он внезапно пришел, и они не успели сбежать. Наконец, покрывшись румянцем, Ава описала, как в попытке спасти подруг она пожертвовала остатками собственного достоинства и притворилась, что хочет переспать с Грейнджером. Когда она отправила его в душ, они все выбежали из дома, только сперва Ава кинулась на задний двор и выкопала флешку, которая доказывала, что Нолан шантажировал Грейнджера. Потом она побежала в машину к остальным. Тогда-то Алекс и увидел ее бегущей по лужайке в полурасстегнутом платье.

– Мне противно даже рассказывать тебе об этом, – сказала Ава, на мгновение потеряв голос. – Ненавижу себя за то, что затеяла все это.

Алекс покачал головой.

– Жаль, что ты не рассказала мне про этот розыгрыш раньше, но я понимаю, почему. Нолан ужасно с тобой поступил. И еще, Ава, – он посмотрел ей в глаза, – во всем остальном ты нисколько не виновата.

Ава открыла рот.

– Спасибо, – прошептала она. Просто удивительно, насколько спокойно Алекс все это воспринял. Она рассчитывала, что все будет гораздо хуже.

– Так значит, вы все были там, – сказал Алекс. – А потом все уехали?

– Ну да, – кивнула Ава. – А что?

– Ну, – медленно проговорил Алекс. – Я видел, как ты уходила. А потом я видел, как кто-то побежал по лужайке к дому Грейнджера, – вид у него был виноватый. – Я подумал, это ты вернулась.

Ава нахмурилась.

– Я сразу поехала домой. И долго, долго отмывалась в душе.

Алекс провел рукой по кудрявым волосам и смущенно глянул на нее.

– Вот почему на двери Грейнджера было полно моих отпечатков. Я побежал туда, когда подумал, что ты вернулась, – он поерзал на металлическом сиденье. Ава впервые заметила, как на нем болтается оранжевая тюремная рубашка. – Я хотел перехватить тебя, но дверь была заперта. Потом я услышал крик и подумал, что это ты. Я так испугался. Я подумал, он... – Алекс запнулся, потом снова заговорил. – Я боялся, что он

что-то сделал с тобой. Тогда-то я позвонил в полицию. Я сказал им, что видел, как ты зашла в дом, и слышал крики. Но когда приехали копы, Грейнджер был мертв, а тот, кто на самом деле проник в дом, исчез.

Ава напряженно уставилась на него, чувствуя бешеное биение собственного сердца.

– И ты не разглядел, кто это был?

– Нет, – вид у Алекса был беспомощный. – Я не видел, как она выскользнула из дома.

– Но ты уверен, что это была девушка?

– Совершенно уверен. На ней был капюшон или шляпа. Но фигура была женская, это точно. Я думал, ты надела куртку и вернулась.

Ава отерла рукой лоб, стараясь осмыслить все, что ей рассказал Алекс.

– А полиции ты это рассказал?

Он уставился в стол.

– Конечно, рассказал. Но они мне не верят. Они думают, что я выдумал ту девушку, чтобы снять с себя подозрения.

– А как же отпечатки на ноже? Твоих там не было, верно?

Он пожал плечами.

– По ходу, на ноже вообще нет никаких отпечатков. Убийца был в перчатках.

– Боже мой, – прошептала Ава, откинувшись на спинку стула. Казалось, ее вот-вот стошнит. Все стало еще запутаннее, чем прежде. Она не знала, что и думать.

Алекс подался вперед и взял Аву за обе руки. Охранник многозначительно кашлянул, и Алекс отпрянул.

– Прости меня, Ава. Я должен был тебе доверять. Не надо было все это от тебя скрывать.

– Я тоже не должна была ничего от тебя скрывать, – Ава некоторое время рассматривала его карие глаза, гладкую кожу, идеальные черты лица. Она так по нему скучала, что это причиняло ей физическую боль. – И я тебя прощаю, – прошептала она.

Алекс горько улыбнулся.

– Я тоже тебя прощаю, – прошептал он в ответ. – А это сейчас единственное, что имеет значение.

Они некоторое время молча смотрели друг другу в глаза. Столько всего Аве хотелось бы изменить, но пока она просто радовалась, что Алекс снова с ней. Хотя не совсем с ней: он все еще сидел в тюрьме. И будет сидеть, пока она не выяснит, кто на самом деле убил Грейнджера.

Джулия сидела на вышке спасателя, вертя в руках свисток. Она была на работе, в развлекательном центре Бэкона, и наблюдала за кучкой ребятишек в бассейне. Вдруг маленькая девочка в розовом купальнике посмотрела на нее, указав пальцем:

– Кошатница! – крикнула она.

Джулия вздоргнула. Откуда эта девчонка узнала про нее?

– Кошатница! – подхватил какой-то мальчик, выбравшись из бассейна и встав у вышки. – Поганая кошатница!

Вдруг весь бассейн разразился хохотом. Смеялись все – дети, взрослые, другие спасатели. Посмотрев на себя, Джулия обнаружила, что одета не в футболку *Juicy* и шорты *Adidas*, а в ночнушку из кошачьей шерсти. И вообще, как она здесь оказалась? Разве она не поклялась никогда больше не выходить из дома, даже если ее выгонят с работы? А потом она посмотрела на другой край бассейна и увидела девушку, которая хохотала, широко открыв рот. Это была Эшли. Она собрала вокруг себя детей и показывала пальцем на Джулию:

– Вон она, кошатница! – кричала Эшли. – Ату ее!

– Нет! – закричала Джулия. Она огляделась по сторонам в поисках Паркер, которая, как ей показалось, должна быть где-то рядом. – Паркер, помоги!

В тот самый момент, когда дети набросились на Джулию, она проснулась, обнаружив себя в собственной машине. Она огляделась по сторонам. Был вечер вторника.

Зазвонил телефон, который она почему-то сжимала в руке. Она уставилась на него, совершенно дезориентированная. Сон казался таким реальным. Она ненавидела такие сны.

Телефон снова зазвонил. На экране отобразился местный номер, который Джулия уже где-то видела, но никак не могла вспомнить, где.

– Алло, – сказала она в трубку, все еще не до конца придя в себя.

– Мисс Реддинг? – осведомился суровый голос.

Она часто заморгала. Голос казался знакомым, но в голове у нее было слишком мутно, чтобы понять, откуда она его знала.

– Да?

– Это детектив Питерс. Насколько я понимаю, вы не были сегодня в школе.

– Верно, – осторожно ответила Джулия, постепенно возвращаясь к реальности. С каких это пор детективы из отдела убийств занимаются прогулами?

– Мисс Реддинг, мне нужно, чтобы вы подъехали в участок. Ваши подруги уже в пути. Могу выслать за вами патрульную машину, если нужно. Я так понимаю, вы дома?

– Эмм, спасибо. То есть, спасибо, не надо, – она потерла глаза свободной рукой. – А в чем дело?

– Я все объясню, когда приедете. Что я бы рекомендовал сделать как можно скорее, – он сделал паузу. – И вот еще, что Джулия... – Его голос вдруг утратил отстраненный профессионализм и зазвучал угрожающе.

– Что? – нервно переспросила она.

– Даже не вздумайте не приезжать, – он повесил трубку, не дав ей времени на ответ.

Тридцать пять минут спустя Джулия ввалилась в участок, одетая в спортивные штаны, мешковатую толстовку и кроссовки. Волосы стянуты в небрежный пучок на затылке, на лице ни грамма косметики. Ей было все равно, как она выглядит. Какая разница, ведь глядя на нее, все видят только кошачью шерсть, как в том сне.

Детектив Питерс стоял в холле, с серьезным видом потирая острый подбородок. Под глазами у него залегли синяки, а одежда была усеяна крошками от фастфуда. Судя по изможденному виду, он работал круглыми сутками с тех самых пор, как убили Нолана.

Остальные девочки стояли тесной группкой неподалеку с таким же озадаченным и обеспокоенным видом, как у самой Джулии. Девушка с облегчением отметила, что Паркер стояла среди них, надвинув капюшон на лицо. Она казалась спокойнее, чем накануне на парковке, после того, как Эшли унизила Джулию. Однако по тому, как она переминалась с ноги на ногу, стиснув зубы, было видно, что она напряжена. Джулия поймала взгляд подруги, и та посмотрела на нее в ответ. Интересно, где Паркер провела прошлую ночь – к Джулии она так и не пришла. Вообще-то Джулия так и не говорила с ней после этого инцидента с наполнителем. Паркер опять выключила телефон. Ситуация становилась все неприятнее.

Тут Джулия обвела взглядом остальных. «Что происходит?» – одними губами спросила она, вопросительно вскинув брови. Кейтлин пожалала плечами. Мак нахмурилась.

– Что ж, раз все собрались, – ворчливо сказал Питерс, – пройдемте в кабинет.

Он повел их по тому же лабиринту столов, через который они

пробирались пару дней назад, в тот же кабинет для допросов с зеркалом, через которое за ними можно было наблюдать из соседней комнаты.

– Присаживайтесь, девушки.

Паркер уселась на стул, стоявший ближе всего к двери, Джулия – рядом с ней. Питерс упал на стул по другую сторону стола. Пока он рылся в пухлом конверте, Джулия заметила, что сквозь его редяющие волосы проглядывает лысина. Потом он поднял глаза и медленно обвел взглядом сидящих полукругом девушек. И наконец заговорил:

– Алекс Коэн освобожден из-под стражи.

Ава возбужденно ахнула.

– Как здорово! Что произошло?

Лицо Питерса сохраняло бесстрастное выражение, как у профессионального игрока в покер.

– Вам бы следовало больше беспокоиться об уликах, указывающих на вас.

Паркер вскинула голову, и Джулия положила ладонь на ее запястье, чтобы успокоить подругу. Кейтлин и Мак громко сглотнули. С лица Авы исчезло радостное выражение. Сердце Джулии начало колотиться о ребра, голова закружилась. Но ведь она этого и ждала, разве нет?

– Теперь, когда криминалисты закончили свое расследование, ваша причастность к преступлению стала очевиднее прежнего, – продолжал детектив. – Ваши отпечатки в доме повсюду, – он сделал короткую паузу, позволяя им осмыслить свои слова. – Если вы убили Хотчкисса, Грейнджер, возможно, узнал об этом. Так что вам нужно было от него избавиться, чтобы он никому не рассказал, – детектив постучал ручкой по столу, щелкая кнопкой. – Ну а теперь, – резюмировал он, – не хочет ли кто-то из вас наконец рассказать мне правду? Если заговорите сейчас, для вас все будет гораздо проще. Настоятельно рекомендую рассказать мне все, что вы знаете.

Джулия не решалась посмотреть на остальных. Она чувствовала, как Паркер буквально трясется от злости и бессилия. «Не говорите ничего», – мысленно наказала она подругам. Ведь что они могли сказать? Что ни скажи, они будут выглядеть виновными. Ей до смерти хотелось узнать, нашли ли копы тот блокнот, в котором было записано, как они собирались убить Нолана и остальных. Оставалось молиться, чтобы не нашли.

Питерс повернулся к Джулии. Их глаза на мгновение встретились, после чего он опустил взгляд на руку Джулии, державшую Паркер за запястье. Лицо детектива на мгновение приняло озадаченное выражение, после чего он торопливо записал что-то в своей папке. После минутного

молчания он выдохнул:

– Ну что ж, девушки. Придется пойти сложным путем.

Он поднялся со своего места, пересек комнату и сделал кому-то знак войти. В кабинет отрывистым шагом зашла женщина средних лет в очках с толстыми стеклами, уродливом брючном костюме и ботинках на невысоком каблуке. Губы ее были крепко сжаты. Она качнула головой в сторону девушек.

– Это доктор Роуз, – сообщил Питерс. – Наш эксперт по составлению психологических портретов. Она побеседует с каждой из вас по очереди. А потом мы проверим, сходятся ли ваши рассказы, – он внимательно посмотрел на каждую из девушек. – Я знаю, что вы пытаетесь выступать единым фронтом, но вы не все знаете друг о друге. А доверие – сложная штука.

Ава нахмурилась.

– На что вы намекаете? Что одна из нас сделала это и не сказала остальным?

Питерс пожал плечами и ухмыльнулся.

– Это вы сказали, не я.

Он повернулся и пошел к выходу. Но не дойдя до двери, обернулся и посмотрел прямо на Джулию.

– Начнем с вас, – буднично заметил он, кивнув доктору Роуз, после чего вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Джулия чувствовала на себе взгляды остальных девочек, но ничего не сказала. Она крепче стиснула руку Паркер и уставилась в стол.

– Вас зовут Джулия Реддинг, верно? – решительно спросила доктор Роуз, в упор глядя на Джулию. Ее глаза за стеклами очков казались огромными, будто она держала перед лицом лупу. – Пройдемте в мой кабинет. Остальные – ждите, пока я вас вызову.

Ава вскинула руку.

– А наши родители об этом узнают?

– Да, после допроса мы им сообщим, – ответила психолог. – А теперь за мной, мисс Реддинг.

Доктор Роуз развернулась на каблуках и пошла к двери. Джулия напряженно сглотнула и поднялась на ноги. Она глянула на Паркер, и та ободряюще кивнула ей.

– Все будет хорошо, – шепнула подруга.

Но потом Джулия посмотрела на Аву, Кейтлин и Мак. Все трое выглядели насмерть перепуганными.

Джулия повернулась к Паркер.

– Встретимся потом на улице? – шепнула она. Паркер кивнула, а остальные беспокойно переглянулись. Джулия подумала, не предложить ли им тоже встретиться, но тут доктор Роуз нетерпеливо кашлянула.

Джулия прошла за ней по длинному коридору в крошечный, тускло освещенный кабинет. Комната была практически пуста, за исключением нескольких рамок с дипломами на стенах, металлического стола со столешницей из лакированного искусственного дерева, и двух стульев. Джулия принялась мерно вдыхать и выдыхать. Один... два... три. Она сразу же почувствовала себя спокойнее. Ей даже удалось изобразить улыбку, когда они с доктором уселись с противоположных сторон массивного стола.

– Ну что ж, – сказала доктор Роуз. – Начнем.

Джулия огляделась по сторонам.

– А где детектор лжи?

– Что, простите? – переспросила доктор Роуз.

– Вы разве не будете проверять меня на детекторе лжи? – спросила Джулия. – Нет, Джулия, этого я делать не буду, – доктор Роуз сняла очки и положила на стол. Она сразу стала выглядеть добрее, почти дружелюбно. – Мы просто поговорим.

«Мы просто поговорим». На секунду Джулия задумалась, не рассказать ли доктору Роуз, что она уже ходила к психологу. Но тут она вспомнила, что Филдер оказался чокнутым ублюдком.

– Что вы хотите узнать?

– Ну, для начала, расскажите мне о своей жизни. Про свою семью.

У Джулии в горле как будто застрял камешек. С какой стати ее это интересует? В голове у нее промелькнула серия привычных лживых историй, но она быстро поняла, что это ни к чему хорошему не приведет. Доктор Роуз наверняка уже все знает. А если Джулия соврет, то будет казаться ненадежным свидетелем. А то и убийцей.

– М-м, мы с мамой переехали сюда из Калифорнии пару лет назад, – начала Джулия. – Моя мама... м-м-м... в общем, у нее есть проблемы.

Доктор Роуз кивнула и вытащила белый блокнот на пружинке.

– И вам пришлось нелегко из-за этого, верно?

Джулия поморщилась. Значит, доктор Роуз и правда все знает. Но в то же время в ее голосе было что-то доброе. Успокаивающее. Внезапно в груди Джулии будто прорвалась плотина, и она едва успевала произносить рвавшиеся наружу слова.

– Моя мать – барахольщица. В смысле, это у нее реальный диагноз. Наш дом ужасно грязный, и там живет почти тридцать кошек. И моя мама,

она... реально больная. И она меня ненавидит. Она говорит, что все дело во мне.

Доктор Роуз кивнула, внимательно слушая.

– И что вы чувствуете в связи со всем этим?

Джулия на секунду задумалась.

– Стыд. Унижение. Я не хотела, чтобы кто-то в городе знал, потому что когда в Калифорнии об этом узнали, все в школе... – Джулия содрогнулась. – Боже, они были так жестоки. Я ведь была всего лишь ребенком, понимаете? А они обзывали меня всякими гадкими словами, и никто их не останавливал. Ни учителя, ни родители. Это было... просто ужасно.

– И вы боялись, что здесь все повторится, верно?

– Да. Так что на сей раз я постаралась это предотвратить.

– И что же вы сделали?

Джулия перевела дух.

– Я постаралась полностью отделить то, что происходило у меня дома, от внешнего мира: жила двумя параллельными жизнями. Я никого не приглашала домой, никогда. Кроме Паркер, она была в курсе.

– Паркер Дюваль?

– Ага, – Джулия кашлянула. – Я доверила Паркер свою тайну. И с тех пор она могла приходить, когда хочет. Но больше никто. Я не могла рисковать и рассказать об этом еще кому-то.

Доктор Роуз сделала пометку в блокноте.

– Продолжайте.

Джулия попыталась подсмотреть, что она написала, но у нее не получилось.

– Я почти никогда не ходила на свидания, потому что не могла никого пригласить в гости. И это долгое время работало. Никто ничего не знает. То есть не знал, вплоть до недавнего времени, – на глаза девушки навернулись слезы.

Доктор Роуз сделала еще несколько пометок.

– А потом что случилось?

Джулия грустно усмехнулась.

– Эшли Фергюсон. Вот что случилось.

– Кто такая Эшли?

– Девочка из школы. Она была вроде как моей фанаткой. Одевалась как я, выкрасила волосы в такой же цвет. Повсюду за мной ходила... это было очень странно.

– Похоже, она вами искренне восхищалась. Вам это, наверное, в какой-

то мере льстило?

Джулия пожала плечами.

– Поначалу – да, пожалуй. Но потом это уже стало переходить все границы. Однажды она зашла в туалет в ресторане, где у меня было свидание, и взяла помаду прямо у меня из сумочки.

Доктор Роуз напряженно строчила в блокноте. Джулия очень хотелось заглянуть в ее записи, чтобы узнать, что показалось психологу важным, но она поборолла это желание.

– А несколько дней назад она разослала всем в школе письмо и рассказала про... – произносить эти слова вслух все еще было сложно. – Про мою мать. И про наш дом. И про меня. Так что теперь все знают.

– И как вы себя в связи с этим чувствуете?

– Ужасно. Я даже не могу ходить в школу. То есть я попыталась, вчера, но эта с... то есть Эшли, насыпала в мой шкафчик кошачий наполнитель. Она как второй Нолан, – как только с губ Джулии слетело это имя, она тут же об этом пожалела.

Как и следовало ожидать, доктор Роуз тут же вскинула брови.

– Нолан Хотчкисс?

Джулия сглотнула, пытаясь побороть участившееся сердцебиение. Раз... два... три...

– Да.

– То есть Нолан тоже вас обижал, как Эшли?

Джулия отвернулась, разглядывая рамки на стенах. «Летиция У. Роуз, кандидат наук, Вашингтонский Университет».

– Нет, но он кое-что сделал с Паркер. Я ненавидела его за это, – голос Джулии дрогнул, в груди закипала ярость. – Но я его не убивала.

– Расскажите мне, что Нолан сделал с Паркер.

Джулия вздохнула. Она уже столько раз повторяла эту историю полиции, но рассказывать от этого не стало проще.

– В ночь, когда ее отец... напал на нее, она была на вечеринке у Nolana. Она позвонила мне. У нее заплетался язык, и похоже было, что с ней что-то не то. И еще она казалась испуганной, как будто сама себя не контролировала.

– И что она сказала?

– Она сказала: «Кажется, он подсунил мне окси». – Джулия сделала паузу. – Она говорила про Nolana – они очень дружили. Дело в том, что Нолан знал, каким был отец Паркер. Он ее все время бил. Что бы она ни делала, все его раздражало. А наркотики выводили его из себя больше всего. Он пригрозил убить ее, если хоть раз застанет под кайфом, – Джулия

вздохнула. – Паркер думала, что Нолан сделал это нарочно. Что ему казалось забавным, если отец ее избьет. – Она сжала кулаки. – Я сказала, что заеду за ней и отвезу ее домой. Она была в ужасном состоянии, когда я добралась до дома Нолана. Умоляла меня отвезти ее к себе, чтобы отец не увидел ее в таком состоянии, но... тогда я ей еще не рассказала про... мою ситуацию. Я боялась приводить ее домой. Мы с Паркер были лучшими подругами, но она была такой популярной. Я боялась, что она перестанет со мной общаться, если узнает, – при этом воспоминании по щекам Джулии вдруг покатались слезы. Паркер все упрасивала ее, а она придумала какую-то дурацкую отговорку про то, что у матери вечеринка и ей нельзя никого приводить к себе.

– Все будет в порядке, – сказала она Паркер, везя ее домой, несмотря на бессвязные протесты. Ну и гадиной же она была!

– Так что вместо этого вы отвезли Паркер к ней домой, – закончила за нее доктор Роуз.

Джулия кивнула. Она глубоко вздохнула и все же нашла в себе силы закончить рассказ.

– Именно в ту ночь ее отец... – Она запнулась и закрыла глаза, изо всех сил стараясь избавиться от нахлынувших воспоминаний: о том, как Паркер несколько месяцев провела в больнице, о многочисленных швах, испещривших ее лицо, шею и руки, о сломанных костях и опухших конечностях, о том, как она заново училась ходить. Джулия могла бы все это предотвратить, если бы оказалась смелее.

– Она моя лучшая подруга, а я позволила этому случиться! – Джулия покачала головой и стукнула кулаками по коленям. – Это все из-за меня, – прошептала она с яростью и ненавистью к себе. – Я была такой эгоисткой. Меня волновала только моя репутация.

– Джулия, вы ведь не знали, что случится. В том, что сделал с Паркер ее отец, виноват только он.

Не вы.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказала Джулия. – Но только правда ли это? Просто удивительно, что Паркер меня простила. Она должна бы меня ненавидеть, – ее лицо исказила боль. Она никогда прежде не говорила этого вслух: ни другому психологу, ни самой Паркер. «Может, тебе не стоило меня прощать. Я ничтожество. Я сделала это с тобой. Это моя вина».

Доктор некоторое время молчала, но продолжала смотреть в лицо Джулии. Похоже было, что она что-то напряженно обдумывает.

– Так значит, вам кажется, что Паркер вас простила?

Джулия изумленно посмотрела на нее.

– Ну разумеется. Иначе зачем бы она продолжала со мной дружить? И я никогда больше не допущу, чтобы с ней снова случилось что-то плохое. Я скорее умру.

– Понимаю, – доктор Роуз тепло улыбнулась Джулии, будто и правда понимала. Потом она откинулась на спинку стула. – Так это не вы убили Лукаса Грейнджера?

Джулия удивилась внезапной смене темы.

– Конечно, нет.

– А Нолана? Вы его ненавидели, но это тоже не ваших рук дело?

– Нет, – Джулия сняла с штанов приставшую нитку. – Я не способна на убийство.

Доктор Роуз кивнула.

– Да, полагаю, не способны. Но как насчет ваших подруг?

Джулия моргнула.

– А что насчет них?

– Как вы думаете, способны ли они на убийство?

Джулия молча уставилась на психолога, пытаясь сообразить, к чему она клонит. Она что, считает, будто это сделала кто-то из девочек? Ава? Паркер? Джулии была невыносима мысль о том, что Паркер станут допрашивать.

– Конечно, нет, – резко сказала она. – Никто из них.

Но взгляд доктора Роуз заставил ее задуматься. Может, ей и полиции было известно что-то, чего не знала Джулия? Она попыталась вспомнить все, что случилось в ночь убийства Грейнджера. То, что сама она не возвращалась в его дом, не значило, что никто из девочек этого не делал. Но это же безумие, правда? Нельзя начинать подозревать их сейчас.

– Хорошо, – доктор Роуз встала. – Вы нам очень помогли. У меня могут возникнуть еще вопросы, так что, пожалуйста, держите телефон при себе. – Она встала и открыла дверь, махнув рукой в сторону двери, чтобы Джулия поняла, что может идти. – Спасибо, что уделите мне время.

Джулия медленно поднялась на ноги, совершенно сбитая с толку. Она взяла свою сумку и прошла мимо доктора.

– До свидания.

Она поспешно пошла по коридору в приемную, рассчитывая, что Паркер ждет ее там, но подруги там не оказалось. Джулия в смятении выбежала на улицу, залитую мягким вечерним солнцем. Паркер нигде не было видно. Девушка вытащила телефон и набрала номер подруги. Автоответчик. На мгновение Джулию посетила безумная мысль, что

Паркер слышала все, что она говорила доктору Роуз, в том числе о том, какой виноватой она себя чувствовала, и вдруг сама решила винить во всем ее и сбежала.

Джулия потерла глаза и пошла к машине. Некоторое время она сидела за рулем, не зная, что предпринять. Домой она ехать не могла. Говорить ей тоже ни с кем не хотелось. Она включила мотор, вырулила с парковки и просто поехала куда глаза глядят, кружа по небольшим кварталам, по центру Бэкона и побережью. Ей нужно было снять стресс.

Но поездка не оказала желаемого эффекта. Исколесив Бэкон вдоль и поперек, она так и не избавилась от тревожного чувства. Посмотрев на телефон, лежавший на пассажирском сиденье, она заметила на экране уведомления из *Instagram* – целую кучу. Открыв приложение, она увидела текст: «Пользователь *@ashleyferg* отметил вас на фото». Ее сердце ухнуло вниз.

Она медленно открыла фото. На нем снова был изображен ее дом, только на этот раз перед ним стоял фургон Министерства здравоохранения. А также машина с надписью «Служба контроля за животными». На крыльце толпились люди в форме, вытаскивавшие из дома кошачьи переноски. Мать Джулии стояла в саду, с перекошенным от возмущения ртом и всклокоченными волосами. Вид у нее был еще безумнее, чем обычно.

Джулия остолбенела. Когда это случилось. Неужели сегодня? Потом она глянула на подпись под фотографией: «Джулия Реддинг отныне больше не кошачья королева *#nofilter*» Джулия рухнула на первую подвернувшуюся лавочку.

– Боже мой, – прошептала она. Эшли настучала на них в службу контроля за животными! Какой кошмар. Кошки были единственным, что заботило ее мать. А теперь их заберут. А значит, миссис Реддинг направит все свое внимание на Джулию. И всю свою ярость.

А Джулии только показалось, что хуже уже некуда. Ну и стерва эта Эшли!

Это слово эхом зазвучало у нее в голове. Ей вдруг вспомнилось, как Паркер сказала вчера со страшным выражением лица «Эта стерва за все поплатится». Она снова посмотрела на фотографию. Эшли вывесила ее почти час назад. Видела ли ее Паркер? «Эта стерва за все поплатится. Я ее достану». И даже когда Джулия сказала, что ничего поделать нельзя, Паркер ответила: «А жаль. Хотелось бы хоть раз отомстить».

Боже. Джулия вдруг подумала, что она может знать, где сейчас Паркер. Неужели ты мстит?

Джулия набрала номер Эшли. Ответа не было. Она поспешно зашла на школьный сайт и нашла домашний адрес Эшли. Подбежав к машине, она вырулила с парковки и вжала по газам, заставляя себя сбросить скорость, только чтобы ее не остановила полиция. Она снова и снова набирала номер Паркер. Та по-прежнему не подходила.

– Паркер, где ты? – заорала она в трубку. – Слушай, я надеюсь, ты не сходишь с ума из-за этой фотки в *Instagram*. Потому что я нет. Я в порядке. Слышишь?

Она свернула направо, налево, еще раз налево. В голове стучали одни и те же слова: «Паркер не у Эшли. Это просто нелепо. Она ведь уже не та, что раньше. Она больше не задирается и не устраивает скандалы. Ты просто психуешь».

Джулия захлопнула дверцу машины и побежала к дому Эшли. Входная дверь была открыта настежь. Ринувшись в дом, Джулия услышала крик.

Чувствуя, как в крови пульсирует адреналин, она побежала вверх по лестнице, пересекла коридор и оказалась в комнате Эшли. Кровать была застелена точно таким же покрывалом, как у Джулии, только больше.

Она даже не успела задуматься, каким образом Эшли могла это выяснить. Она сделала еще шаг и увидела пар, шедший из открытой двери в ванную, где на полную мощность работал душ. Она ворвалась в ванную и огляделась. На полу валялся флакон шампуня *Aveda* с розмарином и мятой – Джулия пользовалась таким же. Рядом лежала зубная щетка и стаканчик, а также разбитая керамическая фигурка – похоже, коровка. Их кто-то уронил? Шторка была сдернута с карниза, но из крана по-прежнему текла вода. Джулия заглянула в ванну. И тут она увидела это.

Эшли.

Джулия была почти уверена, что закричала. Хоть Эшли и лежала в ванне, на ней был пушистый розовый халат, промокший насквозь. Мокрые волосы забились в слив. Пальцы посинели. Глаза закрыты. Руки покрыты царапинами, на виске назревает синяк.

Мозг Джулии заработал со сверхзвуковой скоростью. Она присела рядом с Эшли и прижала пальцы к ее горлу, пытаясь нащупать пульс. Его не было. Она подставила руку к носу и рту девушки. Не дышит.

– Боже мой, боже мой... – бормотала Джулия, оглядываясь по сторонам. Может, Эшли поскользнулась? Но чем дольше она рассматривала комнату, тем больше следов борьбы замечала: отметины ногтей на обоях, журналы, разбросанные по полу. Ну и, конечно, тот факт, что Эшли лежала в ванне, а не на коврике.

Неужели это сделала Паркер?

«Не надо так думать», – велела она себе, но перед ее глазами так и стояло полное решимости лицо Паркер на парковке перед школой. «Только скажи, что мне сделать», – сказала она. Но ведь Джулия ничего не сказала, верно? Мысли ее вдруг спутались. В голове был только тот жуткий сон, в котором она звала Паркер на помощь. Проснувшись, она обнаружила в руках телефон. Может, она позвонила Паркер во сне? Тут она снова вспомнила про фотографию в *Instagram* Эшли. А что если Паркер увидела ее и слетела с катушек? Что если Паркер правда это сделала? Убила человека ради нее?

И тут Джулия мысленно перенеслась в тот день, когда они беседовали на киноведении. Паркер улыбнулась и сказала: «Взять хотя бы Эшли Фергюсон. Хотелось бы мне, чтобы она поскользнулась в ванной, намазывая свои крашенные патлы, и проломилась себе череп».

Нет. Этого не может быть.

Джулия вновь вернулась в настоящее. Если Паркер правда это сделала, повсюду должны быть ее отпечатки пальцев. А теперь и отпечатки самой Джулии. В полицию звонить нельзя: она не могла так поступить с Паркер. Она вдруг поняла, что надо делать, и ощутила внезапный прилив сил.

Джулия несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, потом встала на колени и подползла к ванне. Она взвалила тяжелые руки Эшли ей на грудь и выпрямила ее ноги. Потом огляделась в поисках необходимых подручных инструментов. Джулия намеревалась избавиться от всех улик: от каждой капли, каждого отпечатка пальцев. И даже от самого тела.

Чего не сделаешь ради лучшей подруги.

В среду утром Мак въехала на парковку перед школой и схватилась за телефон. У нее всю дорогу от дома играла в голове одна песня (ремикс Россини и Рианны – ее любимого композитора и певицы, которую она втайне обожала), и ей хотелось еще раз пересмотреть клип на *YouTube*. Но обнаружив наконец письмо со ссылкой, она поняла, почему ей вспомнилась именно эта песня: Блейк скинул ей ссылку несколько недель назад, когда они вроде как встречались. «Подумал, тебе понравится», – написал он, поставив в конце целующийся смайлик.

– Хватит! – сказала она себе вслух, для пущей убедительности стукнув руками по рулю. Она решила, что не даст Блейку второго шанса, и была твердо намерена придерживаться этого решения. Черт возьми, но почему же это так сложно?

Но, возможно, у ее нервозности были и другие причины. Накануне вечером она встретила с доктором Роуз в полиции. Маккензи дважды пришлось сунуть ладони под себя, чтобы они престали трястись, и трижды она ловила себя на том, что мысленно напевает композицию Дворжака, что всегда делала, когда нервничала. Доктор Роуз задала несколько безобидных на первый взгляд вопросов о самооценке Мак, ее отношениях с Ноланом (значение которых девушка постаралась преуменьшить), о том, нравились ли ей уроки киноведения, и почему они с подругами решили забраться в дом Грейнджера в ночь убийства. Мак настолько разнервничалась, что даже не помнила собственных ответов.

А потом доктор Роуз почему-то стала расспрашивать ее про остальных девочек. Ава кажется такой замкнутой, отметила психолог. Она тяжело переживает смерть матери? То же с Кейтлин: она потеряла своего брата – такое горе, должно быть, заставило ее обозлиться на весь мир? У Джулии сложная ситуация дома, а Паркер...

– Похоже, ты выбрала себе подруг с весьма сложным багажом, – резюмировала доктор. – А ты ведь знаешь, что люди с подобными, гм... проблемами, могут компенсировать их другими способами.

Мак изумленно уставилась на нее.

– В смысле убивая людей? – спросила она.

Доктор просто моргнула.

– Конечно, нет, – ответила она. – Разве что ты сама так считаешь.

Мак и сама не знала, что думать. Стоило ли ей подозревать остальных?

В каком-то смысле это было логично: ведь все они присутствовали при том разговоре на киноведении. И если одна из них убила Нолана, конечно, она убила бы и Грейнджера, чтобы заткнуть его, а остальных девочек сделала своими невольными сообщницами. Кейтлин ненавидела Нолана больше остальных. А Ава? Нолан ведь пустил про нее грязные слухи, а Грейнджер к ней приставал. Может, у нее была тайная склонность к насилию.

Но Мак тут же отбросила эту мысль. Они ее подруги. Они не убийцы. Ей оставалось надеяться, что они смогут пройти эти собеседования, не навлекая на себя еще больше подозрений. Не хватало только, чтобы в Джульярде узнали, что ее допрашивают по делу об убийстве, или чтобы родители разволновались еще больше.

Вздохнув, она вышла из машины и направилась к школе, просматривая сообщения в телефоне. Пришла смска от Оливера: «У тебя все в порядке?» Она нахмурилась, не зная, что ответить, и решила не отвечать вовсе.

Дойдя до своего шкафчика, Мак заметила, что в коридоре тут и там стоят группки школьников. Они перешептывались, потом расходились, объединяясь в новые группы и снова начиная шептаться. Воздух казался наэлектризованным. Что происходит? Тут Мак заметила, что Алекс Коэн стоит у своего шкафчика, опустив голову. Может, все дело в этом? Алекса ведь обвинили в убийстве и продержали в тюрьме целую неделю, а теперь он вернулся. Хотя Мак верила в невиновность Алекса и радовалась за Аву, что его отпустили, она все еще относилась к нему настороженно. Это ведь он настучал на них копам.

Она открыла шкафчик и начала рыться в книгах. В нескольких шагах от нее стояла у своего шкафчика Нисса Франкель, с бешеной скоростью о чем-то переговариваясь с Ханной Броутон.

– Она просто исчезла, – услышала Мак ее шепот. – Так ее мать сказала полиции.

Мак наострила уши. Кто исчез? Джулия? Мак знала, что Нисса с ней дружила. А что если Джулия не выдержала стресса при разговоре с доктором Роуз и просто сбежала?

Ханна уперла руки в бока.

– Думаешь, ее похитили? Я слышала, у нее в комнате был идеальный порядок. Что очень странно – вообще-то она страшная неряха.

Мак напряженно сжала губы. Джулия уж точно не была неряхой...

Нисса с громким щелчком захлопнула шкафчик.

– Думаешь, она сбежала?

Ханна решительно покачала головой.

– Если бы Эшли сбежала, она бы наверняка взяла с собой хотя бы

телефон. Ты же знаешь, она без него жить не могла.

Мак распахнула глаза от удивления. Эшли?

Она отвернулась от девочек, вытащила телефон и открыла местный новостной сайт. Ну конечно, на самом верху страницы заголовок: «Школьница из Бэкона пропала без вести». В статье рассказывалось, что родители Эшли Фергюсон обнаружили ее исчезновение, вернувшись домой с работы. Ее машина была припаркована перед домом, телефон стоял на зарядке. Они прождали несколько часов, думая, что она просто вышла пробежаться, а около десяти часов вечера позвонили в полицию.

По жилам Мак разливался парализующий ужас, от которого волосы вставали дыбом. Эшли была в списке.

Захлопнув шкафчик, она пошла по коридору и увидела, как в уголке шушукуются Кейтлин и Ава. Мак присоединилась к ним.

– Что за чертовщина? – прошептала она.

– Ты, значит, уже слышала? – спросила Ава, стреляя глазами из стороны в сторону.

Мак кивнула. Прижав руку к лицу, она заметила, что ее пальцы дрожат.

– Не надо бы нам здесь об этом говорить, – сказала она, оглядывая людный коридор. – Тут столько людей...

– Но, девчонки, – перепуганным голосом вмешалась Кейтлин. – Что происходит?

Мак сняла с рукава толстовки приставшую нитку.

– Не надо сразу предполагать худшее, – тихо сказала она. – Вполне возможно, что тут нет никакой связи. Или Эшли просто сбежала из дома. В смысле, мы ведь говорили, что это... ну, вы знаете. Произойдет в душе. А ведь все было не так. Она просто исчезла.

Но виду девочек ясно было, что все думали иначе. Кейтлин затряслась.

– Это все мы виноваты, – прошептала она. – Мы назвали все эти имена. А теперь все умирают.

– Перестань, – Ава поймала ее за руку. – Нам правда нельзя здесь это обсуждать.

– Может, надо во всем сознаться? – лихорадочно предложила Кейтлин. Было очевидно, что ей нужно поговорить об этом здесь и сейчас. – Пока еще кого-нибудь не убили. Пока еще чего-нибудь не случилось. Как думаете?

– И что это даст? – прошипела Ава. – Ты действительно думаешь, что этот человек остановится, если нас посадят в тюрьму?

– Может и да! – громко воскликнула Кейтлин, заставив нескольких школьников обернуться.

– Тихо, – шикнула на нее Мак, надеясь, что проходящие мимо ребята сочтут, будто они обсуждают предстоящий экзамен по истории. Она склонилась поближе к подругам. – Ты сама понимаешь, что говоришь? – обратилась она к Кейтлин. – Хочешь пустить псу под хвост всю свою жизнь из-за какого-то дурацкого разговора? Как будто мы первые, кто обсуждал, кому бы мы желали смерти. Ну, серьезно, Кейтлин, хватит!

– Мы первые, у кого эти люди в итоге правда умерли! – прошептала Кейтлин. На висках у нее пульсировали вены.

– Давайте рассуждать логически, – тихо сказала Мак. – Может, мы сами сможем во всем разобраться. Можно расспросить кое-кого из девочек, которые крутили романы с Грейнджером. В смысле, у них ведь были мотивы его убить, верно?

Ава кивнула.

– Алекс видел, как какая-то девушка зашла в дом Грейнджера в ту ночь, когда мы уже ушли. Может, это одна из них.

– С Грейнджером могло быть и так, – признала Кейтлин. – Но что насчет Эшли? Отца Паркер? Это все просто бессмыслица.

– А что не бессмыслица? – сорвалась Ава.

Мак не удержалась и подозрительно глянула на Аву, вспомнив свой разговор с доктором Роуз. Было сложно не строить гипотезы. Она ведь едва знала этих девчонок.

Ава напряглась.

– Я пальцем не трогала Грейнджера, – резко сказала она, будто прочитав мысли Мак. – И Эшли тоже.

– Как и я! – быстро сказала Кейтлин и с внезапным недоверием посмотрела на Мак. – А ты где была вчера вечером?

– Мне-то с чего убивать Эшли? – потрясенно спросила она. – Мы с ней даже не знакомы.

Ава пожала плечами.

– А нам с чего ее убивать? Может, ты узнала, что она подслушала нас на киноведении. Может, ты хотела ее остановить, чтобы она всем не рассказала, как про Джулию. Тебе есть что терять, Маккензи. Ты только что поступила в Джульярд. Тебе надо защищать свое будущее, разве не так?

– Да ты спятила? – воскликнула Мак. Одно дело самой подозревать остальных, но как они могут подозревать *ее*? Она указала на Аву. – Я могу сказать то же самое про тебя! А твой парень? Он ведь и раньше был замечен в склонности к насилию.

– В этой истории все не так просто, как вы думаете. Алекс избил того парня, потому что он кое-кого изнасиловал.

– Да, но Грейнджер ведь к тебе приставал, – напомнила Кейтлин, пропустив мимо ушей объяснение Авы. – У тебя было больше всего причин желать ему смерти.

– Прости, а как же это мы забыли, что Нолан довел твоего брата до самоубийства? – прошипела Ава, скривив губы. – Тогда у тебя больше всего причин убить его. Цианид с собой захватила, Кейтлин?

Кейтлин возмущенно открыла рот.

– Да как ты смеешь?!

Она едва не накинулась на Аву, но Мак поймала ее за руку.

– Погодите! – К Мак вдруг вернулась способность мыслить рационально. – Давайте все успокоимся, хорошо? Очевидно, что копы своими наводящими вопросами запудрили нам мозги. Но разве все это на самом деле похоже на правду? – она посмотрела на подруг. Ава и Кейтлин нахмурились. «Они этого не делали», – сказала себе Мак. Ей так хотелось в это верить.

– А что с Джулией? – тихо спросила Кейтлин. – Кто-нибудь знает, где она?

– Я попыталась до нее дозвониться утром, когда узнала про Эшли, – надтреснутым голосом сказала Ава. – Она не брала трубку. И я уверена, что она не придет в школу после того, что вчера сделала Эшли.

Мак в задумчивости закусил верхнюю губу.

– Может, спросить ее, где она была вчера после нашей встречи в полиции? Ведь именно в это время Эшли... ну, вы знаете.

Ава выпучила глаза.

– Ты намекаешь, что?..

– Конечно, нет, – перебила Мак. – Хотя... я не знаю. Эшли ведь и правда испортила ей жизнь.

– И вы видели ту фотку в *Instagram*? – прошептала Кейтлин. – Эшли настучала на маму Джулию в службу контроля за животными. Они забрали всех кошек. Об этом и в новостях рассказывали.

Ава уперлась руками в бока.

– Вы двое так и норовите перевести стрелки!

– А то ты нет! – огрызнулась Кейтлин.

Зазвенел звонок, и все трое вздрогнули. Ава перекинула через плечо сумочку *Chanel*.

– Поговорим позже, – сухо сказала она Кейтлин.

– Если не окажемся в тюрьме, – буркнула себе под нос Кейтлин. Ни одна из них даже не глянула на Мак, заставив ту пожалеть о своих словах. Она напортачила. Не надо было подавать виду, что она хоть на секунду их

подозревает: это только их отдалило друг от друга. Им сейчас надо держаться вместе, а не ссориться посреди школы.

Мак поправила очки и пошла по коридору, все еще кипя от гнева. Завернув в кабинет музыки, она мельком увидела Клэр, которая стояла у доски объявлений, изучая расписание репетиций. Вдруг в голове Мак снова всплыл тот разговор на киноведении, и ее осенила жуткая мысль. Сперва Нолан, потом отец Паркер, потом Эшли...

А потом... Клэр?

Остаток дня прошел как в тумане. Кейтлин пыталась сосредоточиться на занятиях и тренировках, но тщетно. На химии она постоянно смотрела на дверь, будто ожидая, что кто-то вот-вот войдет и сообщит, что Эшли Фергюсон мертва. На футболе она постоянно держала при себе телефон – к страшному неудовольствию тренера Леи – и ждала, что ей снова позвонят из полиции. Или, хуже того, что придет сообщение о том, что еще кто-то из их списка мертв. Она поглядывала и на Урсулу Уинтерс, прикидывая, не ее ли это рук дело. Она ведь тоже была с ними на киноведении. Слышала ли она их разговор? Может, поэтому она теперь хихикала, попивая свой энергетический напиток? А царапины у нее на руках – не от борьбы ли с Эшли?

Но зачем ей это?

Кейтлин избегала и новых подруг, напуганная утренним разговором с Авой и Мак. Да и они явно не жаждали с ней общаться. Когда между четвертым и пятым уроками она встретила в коридоре Аву, та развернулась и пошла в противоположном направлении. А когда они с Мак оказались рядом в очереди в столовой, та отошла к стойке с салатами, чтобы не пришлось с ней разговаривать. В довершение всего, ее избегал и Джереми. Хотя, пожалуй, она и сама его избегала. После того сорванного свидания в субботу они несколько раз разговаривали, но Кейтлин чувствовала, что он все еще обижен. Может, она и сама была обижена. В тот вечер она оставила ему сообщение на автоответчике, попытавшись извиниться и объяснить ему, что нельзя видеть мир таким черно-белым.

Ко всему прочему сегодня ей предстояла встреча с доктором Роуз. В полицейский участок она вошла в таком взвинченном состоянии, что у нее дрожали даже веки. Она чувствовала себя виноватой – во всем. Что было совершенно нелогично. То, что она принимала участие в разговоре, во время которого несколько девочек сказали, кому они гипотетически желали смерти, и то, что эти люди потом умерли, еще не делало ее убийцей. Не то чтобы ее слова обладали какой-то волшебной силой. Но что же происходило на самом деле? Кто за всем этим стоит?

Могла ли это быть одна из них?

– Присаживайтесь, Кейтлин, – сказала доктор Роуз, указывая на стул напротив. Кейтлин напряженно уселась, положив руки на колени.

В углу шумно тикали часы. Кейтлин принялась изучать корешки книг,

стоявших на полке. Сплошные журналы по психологии, от которых ее наверняка стало бы клонить в сон.

– Итак, – доктор Роуз постучала пальцами по блокноту. – Я слышала, сегодня пропала девочка из вашей школы.

Кейтлин вскинула голову. Она не ожидала, что доктор Роуз заговорит об этом.

– М-м-м, ну да, – сказала она как можно более непринужденным тоном. – Эшли Фергюсон.

– Вы были с ней знакомы?

Кейтлин покачала головой.

– Да не то чтобы. У нас было несколько общих предметов, вот и все.

– В том числе киноведение, верно?

По позвоночнику Кейтлин пробежал холодок. Что ей известно?

– Ну да, – неопределенно ответила она.

– Ваш учитель по этому предмету недавно умер, не так ли?

Сердце Кейтлин бешено застучало.

– Да.

Доктор Роуз сделала пометку в блокноте. Кейтлин была почти уверена, что это было как-то связано с их визитом в дом Грейнджера и с тем, что Кейтлин тоже ходила на киноведение. Черт, это все ее выставляет в плохом свете.

– Эшли к вам приставала? Я слышала, она издевалась над кое-кем из учеников.

Кейтлин с чистой совестью отрицательно покачала головой.

– Я ее едва знала.

– Но над кем-то она издевалась? Над кем-то из ваших знакомых?

У Кейтлин засосало под ложечкой.

– Ну, возможно, – уклончиво ответила она.

– Ты можешь сказать мне, кто это был, – склонилась к ней доктор Роуз. – Все, что ты мне расскажешь здесь, строго конфиденциально.

Странное дело: когда они говорили в школе, Кейтлин казалось, что больше нельзя доверять остальным девочкам, что отныне каждая сама за себя. Но теперь, оказавшись лицом к лицу с полицейским – ну, или кем-то из полиции, – она не могла выдать Джулию. Это казалось страшным предательством. Джулия была такая милая и добрая. Она не заслужила всех тех гадостей, которые ей сделала Эшли. И она точно была неспособна на убийство.

– Эшли разослала всей школе письмо о том, что мать Джулии страдает синдромом патологического накопительства, верно? – мягко сказала доктор

Роуз.

Кейтлин моргнула. Значит, доктор Роуз уже все знала.

– Что-то вроде того.

– А потом насыпала кошачий наполнитель в шкафчик Джулия, а потом опубликовала фото в *Instagram*. Так?

Кейтлин потупилась. Копы теперь что, и за *Instagram*'ом следят?

– Как вам кажется, Джулия была расстроена тем, как с ней поступила Эшли? – спросила доктор Роуз.

Вдруг Кейтлин прорвало.

– Конечно, она была расстроена! – выпалила она. – Кто угодно на ее месте был бы расстроен! Эшли ужасно гадко с ней поступила, а Джулия этого ничем не заслужила. Джулия хороший человек! И она никогда бы никому не причинила зла, даже тому, кто над ней издевался.

– В вашей жизни ведь уже была ситуация, когда кто-то издевался над близким вам человеком?

Кейтлин замерла.

– Да, – глухим голосом ответила она. – Над моим братом. Нолан Хотчкисс его травил. А потом он покончил жизнь самоубийством.

– Так что вы несколько болезненно относитесь к таким людям, не так ли?

Она пожала плечами.

– Пожалуй.

Доктор Роуз что-то записала в блокноте. Хотелось бы Кейтлин увидеть, что она написала. Что у нее был дополнительный мотив убить Нолана?

– Я ничего плохого не делала, – вдруг сказала она.

– Я этого и не говорила, – любезным тоном ответила доктор Роуз.

Уже позже, сидя за рулем, Кейтлин дважды едва не проскочила на красный свет и чуть не врезалась в школьный автобус, настолько она была погружена в свои мысли. Было так сложно понять, какое мнение о ней сложилось у доктора Роуз. Она теперь подозревает Кейтлин? Или Джулию? Или ей просто нравится задавать неудобные вопросы?

Кейтлин ехала куда глаза глядят и внезапно оказалась перед домом Джереми, хотя не предупредила его заранее, что приедет. Она остановилась на обочине, взяла ключи и зашла в дом, как делала уже много лет. Только теперь она впервые пришла к Джереми, а не к Джошу, что казалось немного странным.

Девушка нашла Джереми в гостиной, где он смотрел черно-белый фильм про зомби, который, как ей смутно вспомнилось, когда-то смотрел и

Тейлор. Воспоминание вызвало у нее легкую улыбку.

– Привет, – тихо сказала она.

Джереми, не отрывая глаз от экрана, ответил:

– Привет.

У Кейтлин екнуло сердце. Он ей был сейчас так нужен. Очень нужен. Она подошла к нему и уселась рядом, попытавшись прижаться к нему, но его плечо было напряженным. В конце концов он положил руку ей на колено и слегка пожал его, потом снова убрал руку. Ну, уже кое-что. Но этого мало.

– Как прошел твой день? – спросила она, повернувшись к нему. Но он по-прежнему смотрел в экран, где зомби взгрызался в корову.

– Ничего так.

Никаких вопросов о том, как прошел ее день. Никаких комментариев про фильм. Даже никаких замечаний про погоду – ее бы сейчас устроило даже это.

– Ты все еще на меня злишься? – наконец спросила она.

Джереми некоторое время смотрел в пол.

– Я стараюсь. Честно. Но, возможно, мне просто нужно немножко больше времени, чтобы обо всем забыть.

– Хорошо, – он хотя бы честно сказал ей, что чувствует. Она пожала его руку. – Ну, сообщишь мне, когда все будет окончательно забыто и можно будет снова целоваться?

Джереми, не удержавшись, хихикнул.

– Ладно.

Не успела Кейтлин сказать еще что-нибудь, как раздался какой-то шум, и в дверях появился Джош. Его лицо покраснело от напряжения. Он опирался на костыли. Левая нога от колена и ниже была полностью скрыта гипсом – торчали только пальцы. При виде Кейтлин и Джереми его лицо помрачнело. Девушка почувствовала, как сидящий рядом Джереми напрягся.

Кейтлин отпустила руку Джереми и подалась вперед.

– Ничего себе штукovina, – сказала она, указав на гипс. Нельзя же было притвориться, что Джоша тут нет.

– Ага, – Джош поковылял в сторону прачечной.

– Серьезный перелом? – спросила она.

Он остановился у телевизора.

– Довольно серьезный. Возможно, не смогу играть в следующем году.

Глаза Кейтлин расширились.

– Ничего себе! Мне очень жаль, – и снова ей подумалось, что во всем

виновата она.

Джош пожал плечами.

– Ну, что тут поделаешь? Буду налегать на физиотерапию. Сделаю, все что смогу, но если не смогу восстановиться к началу сезона, значит, так тому и быть. Тренер из университета пообещал, что я все равно получу стипендию.

Кейтлин была поражена его спокойствием. Она-то полагала, что он будет зол как черт. Обычно, если на Джоша находило плохое настроение, он шел на улицу погонять мяч. Никогда он не бывал таким расслабленным и довольным, как после долгой тренировки. А тут он полностью лишился футбола, его поступление в колледж под угрозой, но при этом кажется, что он в полном порядке.

– Может, подвинешься? – нарушил молчание Джереми. – Мне ничего не видно.

Джош глянул на брата, пожал плечами и пошел дальше, медленно и болезненно двигаясь через комнату. Кейтлин смотрела на него, отметив про себя, что он не отпустил никаких шуточек по поводу фильма, который смотрел Джереми, не заставил ее чувствовать себя неловко из-за того, что она тут с его братом. Когда это Джош успел так повзрослеть? Неужели это их расставание так на него повлияло?

Потом она повернулась к Джереми, удивленная его злобным замечанием. Джереми на секунду встретился с ней взглядами, прищурив глаза. Лицо его было напряженным, как будто он собирался оправдываться... или накинуться на нее. Повинуясь инстинкту, Кейтлин ободряюще улыбнулась ему. «Я с тобой, – попыталась она сказать ему взглядом, подавляя мысли о Джоше. – Не стоит ревновать».

Это вроде бы разрядило напряжение. Лицо Джереми расслабилось, приняв почти робкое выражение.

– Эмм, спасибо! – крикнул он Джошу, и хотя это прозвучало фальшиво, Кейтлин оценила попытку.

– Так на чем мы остановились? – игриво спросила она, придвигаясь ближе к нему. – Ах да, обсуждали, когда в следующий раз будем целоваться.

Джереми обнял ее за плечи. Все еще озадаченная непонятными мыслями о Джоше, Кейтлин прижалась к нему и почувствовала, как его тело расслабляется, подавшись ей навстречу и будто слившись с ней в единое целое.

Паркер проснулась и рывком села. Где она? Ясно было, что она спала, причем, похоже, долго. Она огляделась по сторонам, постепенно узнавая помещение. Квадратная комната с импровизированным окном. Затхлый запах. В окне виднелся край стоящего вдалеке белого дома. Погодите-ка. Этот дом она знает.

Паркер вскочила на ноги, поспешно натянула толстовку и подобрала кеды, валявшиеся в разных углах комнаты. Она была в лесу за домом Нолана Хотчкисса. Когда-то давно кто-то построил тут охотничий домик. Сейчас им уже не пользовались, но почему-то его так и не снесли. Паркер и Нолан часто зависали тут, когда еще дружили, и называли этот домик своим клубом. А когда дела дома шли совсем паршиво, она иногда тут ночевала. Она пару раз приводила сюда и Джулию, хотя та сказала, что это место ее пугает.

– О боже, – вслух сказала она. Что на нее нашло, раз она решила прийти сюда? Она совсем спятила? Их и так подозревают в убийстве Нолана – не хватало еще, чтобы кто-то увидел, как она шатается возле его дома. Она совсем потеряла контроль над собой.

Открыв дверь, она обнаружила, что в лесу совсем тихо. Она пошла к дому Нолана, через задний двор. Вокруг больше не было полицейской ленты. Дом снова выглядел идеальным и безмятежным, будто тут и не случалось никаких преступлений. С бешено стучащим сердцем Паркер шагала по мокрой траве к автобусной остановке, которая была неподалеку. По пути ей никто не встретился: ни любителей утренних пробежек, ни папаш с собаками. Неужели эта ночевка в охотничьем домике сойдет ей с рук?

Но с какой-то стороны ее это и не удивило. Ей как обычно казалось, будто ничего и не было.

В тот вечер Паркер распахнула тяжелую дверь в захудалое кафе *CoffeeWorks*, куда она в последнее время часто захаживала. Этому месту было далеко до моднейшего *Café Mud* с интерьерами из стали и переработанного дерева, где тусовались во время свободных уроков большинство учеников Бэкон Хайтс. Но приглушенный свет и крепкий кофе – как раз то, что сейчас требовалось Паркер. Что-то скользнуло по ее щекам, и она подняла руки к лицу, чтобы нащупать, что это было. Сережки Джулии. Крупные подвески из серебряной проволоки с симпатичными

бусинками. Она и забыла, что одолжила их у Джулии. С каждым днем она забывала все больше вещей. Кстати, когда она вообще последний раз говорила с Джулией? Она смутно помнила, как прошлой ночью сидела одна на обрыве с упаковкой пива и болтала с Джулией по телефону. У той случился очередной приступ истерии. Сперва она что-то рассказывала о том, как к ней заходила Мак и рассказала всякие ужасы про Клэр: оказывается, та едва не сорвала ее прослушивание в Джульярд. Потом Джулия переключилась на Паркер. Стала выяснять, где она была и когда вернется. Она приставала к Паркер с расспросами, настаивая, что та что-то от нее скрывает. «Ты можешь все мне рассказать, – уговаривала она. – Тебе нужно все мне рассказать». Но Паркер только со стоном закатила глаза: «Ничего я не скрываю». На самом деле у нее был один большой секрет: она снова стала ходить к Филдеру.

Джулия продолжала ее донимать, и Паркер стало казаться, что ее зажали в угол. В итоге снова дошло до ссоры... остаток разговора Паркер не помнила.

Видимо, поэтому она и проснулась сегодня утром в этом охотничьем домике.

Паркер потерла лицо руками, нащупала бороздки шрамов. Ей нужно собраться. Надо будет еще поговорить с Эллиотом – то есть с Филдером, – о том, как фокусировать внимание. Может, он посоветует еще какие-нибудь приемы визуализации? Она закрыла глаза и попыталась представить себе его мягкий голос. Это ее тут же успокоило. Похоже, их занятия приносят плоды.

Она оглядела помещение. Кофе-машина жужжала и гудела, бариста с грохотом вытряхивал в мусор кофейную гущу. Тут открылась дверь, по ногам пробежал сквозняк.

– Следующий, пожалуйста, – окликнул ее кассир, сплошь покрытый татуировками и пирсингом. Непонятно было, юноша это или девушка.

Паркер заказала тройной латте. Бросив на стойку несколько купюр, она услышала за спиной знакомый голос.

– Так вот куда ты ходишь вместо школы? – Паркер круто развернулась. Это была Ава: длинные шелковистые волосы обрамляют лицо, миндалевидные глаза аккуратно подведены карандашом. Голос ее звучал дружелюбно, она улыбалась.

– Привет, – сказала Паркер, смущенно пожав плечами. Уже за полдень, а она не в школе. С другой стороны, Ава тоже. – Тоже прогуливаешь?

– Да нет, просто кофе захотелось. Наверное, вернусь на седьмой урок, – Ава указала на столик у окна. – Присядем?

Паркер пожала плечами.

– Давай.

Взяв чашки, девушки сели за стол рядом с винтажным игровым аппаратом, который Паркер всегда казался симпатичным штрихом в интерьере. Ава уставилась на свою чашку с капуччино. Паркер вдруг осознала, что никогда не общалась с Авой и остальными девчонками без Джулии. Интересно, что Ава о ней думает? Считает прихлебательницей Джулии? Или просто чокнутой, из-за всей этой истории с отцом?

– Хватит себя недооценивать, – сказал ей Филдер во время последнего приема. – Не все, глядя на тебя, автоматически видят ненормальную. Попробуй время от времени улыбаться людям. Ты удивишься, кто улыбнется тебе в ответ.

Ладно, пусть все это пахнет диснеевскими сказочками, но может и стоит попробовать.

Паркер осторожно улыбнулась Аве.

– Ты как?

Как и предсказывал Филдер, Ава тут же улыбнулась ей в ответ.

– Ну, вроде нормально. Только дико нервничаю из-за копов. А ты нет?

– Еще как, – Паркер размешала сахар в кофе хлипкой деревянной палочкой. – Это все очень страшно, – на самом деле слово «страшно» даже отчасти не передавало ее ощущений.

– Полиция разберется, что на самом деле произошло, не волнуйся, – сказал ей вчера Филдер, когда она не выдержала и рассказала ему все, после чего он напоил ее кофе, сказав, что кофеин может помочь ей при головной боли. Паркер надеялась, что она прав: и про кофеин, и про полицию. Ее ужасно нервировало, что их опять подозревают.

– Что думаешь про Эшли?

Паркер обхватила ладонями чашку.

– В смысле про кошачий наполнитель и фотку в *Instagram*? Честно говоря, ничего хорошего.

Перед глазами Паркер встало искаженное болью и унижением лицо подруги в школьном коридоре. Она боялась и представить, во что превратилась жизнь Джулии без всех этих кошек, которые отвлекали на себя внимание ее мамы. Может, поэтому она и не ходила ночевать к Джулии в последние несколько дней?

Ава нахмурилась. Между бровей у нее залегла крошечная морщинка.

– Да нет... я о том, что Эшли пропала. Никто не видел ее с четверга.

Паркер замерла, удивленная неожиданным поворотом.

– Что?!

– Родители не могут ее найти. Полиция объявила ее в розыск, – Ава смотрела на нее со странным выражением лица. – Ты что, не слышала?

У Паркер задрожали губы. У нее в голове мелькнуло какое-то смутное воспоминание, но тут же ускользнуло.

– Это ужасно, – сказала она, глядя вдаль. С другой стороны, и слава богу, что Эшли исчезла. Больше не будет мучить Джулию.

– Но нам ведь не о чем волноваться, верно? – сказала она. – В смысле, ты же к этому клонишь? То, что мы назвали чьи-то имена, еще не значит, что мы как-то влияем на то, что случается с этими людьми.

– Может, и так, – рассеянно сказала Ава и принялась рвать на кусочки свою салфетку.

Паркер сглотнула. Неужели Ава боится, что кто-то и правда избавляется от людей из их списка?

– Ну, по крайней мере с Алекса сняли подозрения, – сказала Паркер, меняя тему. – У вас все в наладилось?

Ава помешала кофе.

– М-м, ага, – ответила она, все еще где-то витая. – Думаю, у нас все будет хорошо.

Паркер кивнула, радуясь за Аву.

– Я очень рада, что все прояснилось. Если б только они не начали снова подозревать нас, отцепившись от него.

– Ага, – Ава уставилась в пол. Потом она глянула на Паркер, как будто хотела что-то сказать, но потом снова опустила взгляд и захлопнула рот.

– Что такое? – спросила Паркер.

Глаза Авы метались из стороны в сторону. Снова казалось, что она набирается храбрости, чтобы что-то сказать, но потом огонек в ее глазах потух.

– Да ничего. Знаешь, я слышала, что Нисса Франклин все равно собирается устроить вечеринку в пятницу, как будто ничего и не случилось.

Паркер пожала плечами.

– Нисса никогда не отменяет вечеринки, – еще когда они были подругами, Паркер подтрунивала над Ниссой, говоря, что та бы не отменила свою ежегодную вечеринку в честь Хеллоуина, даже если бы сломала обе ноги. – Но я вряд ли пойду.

– Правда? – Ава коснулась ее руки. – Может, нам всем стоит пойти. Чтобы казаться нормальными, понимаешь?

– Может быть, – рассеянно ответила Паркер, хотя и сомневалась в этом. С чашки Авы упало на стол несколько капель кофе. Она вытерла их салфеткой и смущенно кашлянула.

– Обожаю это место. Я приходила сюда после нашего визита в полицию на днях. Я так распахивалась, что мне срочно нужен был самый большой фраппе, какой только бывает. Это такой стресс, правда?

Паркер прищурилась, пытаясь вспомнить, что она делала после похода в полицейский участок. Она помнила, что не стала дожидаться Джулию после ее беседы с психологом. Потом она почувствовала себя виноватой – вчера она рассказывала про это Филдеру.

– Джулия, наверное, хотела, чтобы я ее подождала и расспросила, как все прошло, – сказала она. – Но я просто... не могла.

Филдер спросил Паркер, почему она ушла, а она сказала, что почувствовала такую необходимость.

– Что-то случилось? – спросил Филдер, но Паркер ответила, что не уверена. – Может быть, это потому, что идея вторжения в чужую психику пугает тебя, – предположил Филдер. – У тебя проблемы с доверием. Я угадал?

Паркер вдруг поняла, что с ней доктор Роуз пока так и не связалась. С другой стороны, опять же, может это и к лучшему: один психолог у нее уже был, не хватало второго.

Девушка подняла глаза и заметила, что Ава больше ее не слушает. Она заметила что-то у входной двери и замерла.

– Ой, – прошептала она.

Паркер развернулась и увидела ослепительную загорелую блондинку, которая решительно надвигалась прямо на Аву.

– Что за... – она озадаченно наблюдала за тем, как женщина в сером шелковом платье схватила Аву за руку. Пару секунд спустя она поняла, что видела эту женщину у Авы дома. Это была ее мачеха.

– Так и знала, что ты сидишь в этой дыре, – рявкнула женщина, распространяя вокруг себя резкий запах парфюма и алкоголя.

– Привет, Лесли, – сквозь зубы проговорила Ава и повернулась к Паркер. – Ты, наверное, помнишь мою подругу...

Лесли оборвала ее на полуслове.

– Я приехала в школу отпросить тебя с занятий, чтобы ты помогла мне подготовиться к приезду моей матери, а тебя там нет, неблагодарная ты тварь! – Лесли рывком подняла Аву на ноги, забрасывая ее вопросами. – И часто ты прогуливаешь школу? Как думаешь, что по этому поводу скажет твой отец? И как ты смеешь мне не помогать?

– Прости, – сказала Ава. Она отстранилась от Лесли и оправила одежду. – Я... забыла. И я думала, ты сама не хочешь, чтобы я в этом участвовала, – голос ее звучал твердо, но осторожно. Паркер узнала этот

тон: она сама миллион раз говорила так с отцом. Она называла этот голос «не буди зверя». Не говорить ничего, что может его разозлить. Хотя в итоге он все равно неизбежно злился.

Лесли мотнула головой.

– А я и не хочу, чтобы ты участвовала. Вообще-то было бы лучше, если б тебя не было дома всю неделю. И твой отец со мной согласен.

Ава ахнула и огляделась по сторонам. Работники кофейни смотрели на них во все глаза.

– Он бы никогда такого не сказал, – прошептала она.

Лесли прыснула.

– А ты спроси его, он тебе сам скажет. Он хочет, чтобы ты полностью исчезла из нашей жизни, дорогуша. И знаешь что еще? Все эти убийства, в которых тебя обвиняют? Он считает, что ты виновата!

Глаза Авы гневно сверкнули.

– Ты врунья!

Лесли закатила глаза.

– От вруньи слышу!

У Авы задрожала нижняя губа.

– Мне стоит рассказать ему обо всех гадостях, которые ты мне говоришь. О том, сколько ты пьешь. Думаю, он заслуживает знать, какова ты на самом деле. А ты как считаешь?

Лесли распахнула рот. С пугающей скоростью ее когтистые пальцы мелькнули в воздухе и снова сомкнулись на запястье Авы.

– Да как ты смеешь!

Ава болезненно поморщилась. Паркер смотрела на ногти Лесли. Они так впились в кожу Авы, что выступила кровь. Паркер вдруг захлестнули воспоминания о том, как с ней обращался отец. Она чувствовала царапины Авы так остро, будто они были на ее собственной коже.

Паркер вскочила на ноги.

– Эй! – крикнула она, подскочив к Аве, и потянула ее к себе.

Но Лесли тут же как ни в чем не бывало отпустила руку падчерицы. Она повернулась к Паркер, впервые удостоив ее взгляда. На ее губах появилась легкая улыбка, но вдруг она вдруг прищурилась и равнодушно посмотрела на Паркер. Потом снова повернулась к Аве.

– Домой. Немедленно.

С этими словами она развернулась на своих немислимых каблуках и зашагала к машине. Заливаясь слезами, Ава схватила сумочку, оставила на столе недопитый кофе и с душераздирающим всхлипом тоже выскочила за дверь.

– Ава! – побежала за ней Паркер. – Ава, погоди! – Но та уже уселась в машину и захлопнула дверь, прежде чем Паркер успела ее догнать. Рванув с места, Ава задом вырулила с парковки и уехала прочь.

Паркер осталась на стоянке одна. Бедная Ава. Почему никто за нее не заступится? Почему она сама за нее не заступилась? На девушку обрушился шквал жутких воспоминаний: отец бьет ее, а мать стоит рядом и смотрит. Голос отца, когда она пришла домой под окси в ту ночь. Слова матери: «Ах, Паркер, как ты могла?», как будто это Паркер была во всем виновата. У нее забурлило в животе, голова кружилась, руки тряслись. Она судорожно втягивала ртом воздух, отчаянно пытаясь взять себя в руки.

Только ее сердце начало возвращаться к нормальному ритму, как вдруг из кармана раздалась трель телефона. Паркер вытащила телефон. На экране высветилось имя Филдера. Девушка некоторое время смотрела на вибрирующий телефон, потом нажала «пропустить звонок». Ей хотелось его увидеть – она знала, что он искренне за нее переживал. Возможно, в данный момент он был единственным, кто искренне за нее переживал. Но ей не хотелось говорить с ним, пока она не приведет свои мысли в порядок.

Усевшись на скамейку, Паркер закрыла глаза и принялась делать глубокие медленные вдохи, чтобы успокоиться. Она вдыхала запах мокрого асфальта, чувствовала кожей дуновение прохладного ветерка.

«Ты не одна. Я с тобой», – беззвучно произнесла она, поручая ветру донести свои слова до Авы.

Слезы катились из глаз Авы с такой скоростью, что она не успевала утирать их рукавом. Она поморгала, проясняя зрение, и включила голосовой набор по *Bluetooth*, чтобы позвонить Алексу. Когда он взял трубку, она снова потеряла самообладание.

– Она такая ужасная! – рыдала она. – Я больше так не могу!

– Эй... погоди, – сказал Алекс. – Ты где? С тобой все в порядке?

Ава несколько раз глубоко вдохнула, выровняв голос.

– Я в порядке. Это все Лесли. Она только что прилюдно накинулась на меня, а теперь я должна ехать домой и снова с ней встретиться, и все выходные мне придется проводить чертовой туче времени с семьей, и это будет ужасно, – она и представить боялась мать Лесли: если та хоть на десятую часть такая же гадкая, как дочь, это будет невыносимо.

Алекс издал сочувственный стон.

– Мне так жаль. Она просто ведьма.

– Слушай, мне неудобно тебя просить, но можешь меня встретить перед домом? Мне нужна поддержка. А на папу сейчас я полагаюсь не могу, – она поморщилась, вспомнив слова Лесли о том, что он не хочет ее видеть. Это же неправда, верно? Он ведь на самом деле не считает ее виновной?

– Конечно, – ответил Алекс. – Я на работе. Буду у тебя через пятнадцать минут.

– Погоди, так ты на работе? – спросила Ава, шмыгнув носом. – Тогда не надо приезжать, – начальник Алекса в кафе-мороженом взял его обратно на работу, как только сняли обвинения, но Ава понимала, что потребуется время, прежде чем люди начнут снова доверять ему. Не время сейчас испытывать терпение начальства.

– Ты уверена? – спросил Алекс. – Почему бы тебе не поехать ко мне? Я бы тебе потом принес двойную порцию карамельного, – предложил он.

Ава вздохнула, остановившись на светофоре.

– Хотелось бы, – сказала она, представив себе, как было бы здорово провести время у Алекса, поесть мороженого, как ни в чем не бывало. – Но мне, наверное, лучше встретить бурю лицом к лицу.

– Я приеду, как только смогу, договорились? У меня смена закончится через... – она услышала, как он отнял телефон от уха, чтобы посмотреть на часы, – полтора часа. И я сразу приеду к тебе. Ладно?

– Ладно, – Аву захлестнули облегчение и благодарность. – Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю. Все будет хорошо. Я обещаю.

Ава повесила трубку, уже подъезжая к дому. Ее сердце упало при виде машины Лесли, припаркованной кое-как, с передними колесами на газоне. Как Аве с ней говорить после такого? С другой стороны, какой у нее был выбор?

Шагнув на нижнюю ступеньку крыльца, она услышала доносившийся из кухни голос Лесли, которая произносила очередную тираду на повышенных тонах. Слов было не разобрать, но тон был явно гневный. Ава поняла, что Лесли жалуется на нее отцу. И действительно, мгновение спустя послышался его тихий ответ. Его голос казался успокаивающим. Может, он соглашался со всем, что она говорила.

Напуганная и определенно не готовая выслушивать весь этот концерт, Ава побежала наверх, в свою комнату и хлопнула дверью. Она упала ничком на кровать, чувствуя себя совершенно несчастной. Раздался стук в дверь, заставивший ее вздрогнуть. К облегчению девушки, в двери показалась голова отца, а не Лесли.

– Ава? – неуверенно окликнул он ее.

Ава отвернулась лицом к стене.

– Что? – деревянным голосом спросила она. Он шагнул в комнату.

– Мы надеялись, что ты спустишься вниз и поможешь нам накрыть на стол к приходу гостей.

Ава молчала. Этим ей сейчас хотелось заниматься меньше всего на свете.

– Ты ведь знаешь, что я хочу, чтобы ты хорошо себя вела в эти выходные, – сказал отец. – Это много значит для меня и Лесли.

– Угу, – без выражения ответила Ава.

Потом он прокашлялся.

– Лесли сказала, ты ей нагрубил, – мягко добавил он. – Это правда?

Нагрубил! Как же тогда называется то, что делала с ней Лесли? Ава устала сидеть на ковре. Когда она шевельнулась, отец ахнул.

– Ава! – воскликнул он, потянувшись к ее руке, на которой до сих пор виднелись глубокие красные отметины от ногтей Лесли. – Где ты так поцарапалась?

Ава глянула на отца, но тут же отвернулась. Ей отчаянно хотелось сказать ему правду, но даже если бы она это сделала, Лесли бы как-нибудь отвертелась, да еще отомстила бы ей потом. Какой в этом смысл?

– Это случайно вышло, – пробормотала она. – Просто глупая история в

школе.

Отец смотрел на Аву широко распахнутыми печальными глазами.

– Ты так изменилась, – сказал он. – Стала такой... замкнутой. Как будто я тебя совсем не знаю. Лесли за тебя переживает.

Ава с возмущением уставилась на него. Лесли совершенно запудрила ему мозги, и ее это окончательно достало! В груди девушки будто прорвало плотину.

– Это не я изменилась! – взорвалась она. – Это ты изменился! Это ты больше не проводишь со мной время, не доверяешь мне, и ты как будто совсем забыл маму, и...

Тут ее слова заглушил звук глухого удара. Ава с отцом вскочили на ноги и подбежали к окну, откуда донесся звук. Ава оглядела двор, но не увидела ничего необычного. Но тут она опустила взгляд и заорала.

Обмякшее тело Лесли неподвижно лежало на траве, вывернувшись под странным углом: колени в одну сторону, торс в другую. Ее шея была изогнута под неестественным углом...

Из горла Авы вырвался тихий булькающий звук. Мистер Джалали, оттолкнув ее, выглянул из окна. Он увидел тело жены, и его лицо побелело.

– Боже милостивый, – прошептал он. Его колени подогнулись, и он оперся о подоконник, чтобы не упасть. Ава помогла ему обрести равновесие, и они вместе побежали вниз.

Земля была мокрой от вечерней росы. Лесли лежала в той же изломанной позе, но вблизи ее лицо казалось осунувшимся и потрепанным. Из уголка рта лилась тонкая струйка шардоне.

– Милая! – выдохнул мистер Джалали, упав на колени и бросившись ей на грудь. – Милая моя...

– Папа, не трогай ее! – крикнула Ава. – Ты можешь сделать ей хуже.

Мистер Джалали отпрянул, подняв на нее полные ужаса глаза. Ава опустилась на колени и прижала ухо ко рту Лесли, чтобы понять, дышит ли она. Раздался слабый вдох, а потом выдох с присвистом.

– Набирай 911, – нетвердым голосом сказала она и оглянулась на дом. Прямо над ними был балкон родительской спальни. Двери широко распахнуты, будто кто-то рывком открыл их. Может, Лесли вышла подышать воздухом? Потеряла равновесие, свалилась?

Ава посмотрела на Лесли, чье лицо приобрело мертвенно-серый оттенок. Ее сердце заколотилось при воспоминании о собственных словах, сказанных в тот день на киноведении: «Она могла бы свалиться с балкона после своей ежевечерней бутылки шардоне».

Кто-то ее толкнул.

И вдруг ее осенила другая мысль: этот человек может до сих пор быть в доме.

Ава подскочила на ноги и метнулась к входной двери. Краем глаза она заметила какое-то движение. Была ли это чья-то тень, крадущаяся за дом? Спотыкаясь, Ава обогнула розовые кусты на углу дома и забежала во внутренний дворик, где почти все было готово к приему гостей: элегантные столики, посуда, цветы и свечи в красивых серебряных подсвечниках. Но там никого не было.

Все было тихо. Ава судорожно втягивала ртом воздух, объята смятением и ужасом. Ей хотелось сказать себе, что это был несчастный случай, что она не видела ничего подозрительного.

Но в глубине души она знала, что это не было несчастным случаем.

Джулия сидела на качелях на детской площадке в нескольких кварталах от дома. Площадка прилегала к церкви, но дети туда заходили редко, так что это место всегда было в ее полном распоряжении. Она приходила сюда, когда чувствовала себя особенно напряженной или когда ей казалось, что стены дома смыкаются у нее над головой – что, надо сказать, случалось довольно часто. Обычно ей удавалось успокоиться, просто покачавшись на качелях, особенно на фоне пурпурных и рыжих сполохов заката в промежутках между облаками. Но сегодня это не помогало. Может, больше никогда не поможет. Она чувствовала себя совершенно разбитой и несчастной. Находиться дома было невыносимо: теперь, когда всех кошек увезли, ее мать целыми днями только и делала, что громко причитала, обвиняя во всем Джулию. Но и пойти ей было некуда. Кто-то вроде бы уведомил социальную службу, что в полном кошечном доме живет несовершеннолетняя, и скоро должны были прийти люди, чтобы побеседовать с ней, но от этого было не легче. И что дальше – ее отправят в приют? Вряд ли это можно считать улучшением ситуации.

Казалось, весь мир смыкается вокруг нее. Она вытащила телефон и снова попыталась дозвониться до Паркер, но та не отвечала. Где она? И что же она натворила?

Джулия пыталась вернуться мыслями к событиям жуткого вечера вторника, но просто не могла. Всевозможные ужасающие версии того, что Паркер могла сделать с Эшли, просачивались в ее голову, как вода. Проще было попытаться полностью отгородиться от них, по крайней мере, до тех пор, пока ей не удастся связаться с Паркер и добиться от нее правды. С другой стороны, хотела ли она на самом деле знать правду? Она несомненно стала соучастницей преступления своей подруги – если та его действительно совершила. Но даже если и нет, Джулия все равно была чьей-то соучастницей.

Она зажмурилась при мысли об обмякших конечностях и синих губах Эшли. О том, как ее голова безвольно болталась, пока Джулия тащила тяжеленное тело по лесу. О грязи, приставшей к ногам Джулии после того, как она привязала к телу груз и скатила его в реку за домом. Об омерзительном всплеске, который раздался, когда тело плюхнулось в воду. Была еще целая бездна мыслей, которые пугали Джулию еще больше: а что насчет остальных смертей? Нолан, Грейнджер, отец Паркер? Паркер

ненавидела их всех – возможно ли, что за всеми этими убийствами стоит она? Джулия в последнее время плохо следила за подругой: бывали целые дни, когда она не знала, где Паркер. Она хотела стать более заботливой подругой, лучше присматривать за Паркер, но тут ее собственная жизнь вышла из-под контроля, и ей не удалось уследить за всем сразу.

Но ей и в голову не приходило, что Паркер во время своих загулов занималась... этим. Джулия зажмурилась, боясь даже задумываться об этом.

– Джулия?

Она резко вскинула голову и ахнула. На краю площадки стоял Карсон, вытянув руки по швам. В его взгляде не было враждебности, лишь беспокойство.

Она прыгнула с качелей и схватила со скамейки куртку.

– Мне надо идти, – бросила она, не глядя ему в глаза.

– Постой! – он пошел за ней. – Я хочу с тобой поговорить, – еще несколько дней назад от звука его голоса у нее замирало сердце. Теперь же она не чувствовала ровным счетом ничего.

– Я не могу больше с тобой встречаться, – резко сказала она.

У Карсона было такое лицо, будто ему вlepили пощечину.

– Я не понимаю, – сказал он. – Что я сделал?

Джулия опустила взгляд. Сперва она решила, что Карсон нарочно заманил ее в школу по наущению Эшли. Это была безумная идея, но ведь она не знала, кого Эшли заманила в свои сети. Но в одном из многочисленных сообщений, которые Карсон оставил ей на автоответчике за последние два дня, он, каким-то образом догадавшись о ее подозрениях, сказал, что это не так.

Теперь она ему верила, но это было уже не важно. Она не могла больше быть с ним. Карсон, может, и готов смириться с заскоками ее матери, но он уж точно не смиритcя с тем, что теперь она соучастница убийства. Если бы он узнал, что она видела и сделала, он бы наверняка не захотел иметь с ней ничего общего.

К тому же теперь Джулия не могла подпускать к себе никого, кроме Паркер. Ей нужно было любой ценой защитить подругу. Однажды она уже разрушила жизнь Паркер, и ни за что не сделает этого снова. Так будет проще.

Она повернулась к нему.

– У меня сейчас слишком много проблем. Мне нужно разобраться в себе. Прости.

– В смысле из-за кошек? Из-за службы контроля за животными? Как

ты все это перенесла?

Джулия чуть не расхохоталась. Хотелось бы ей, чтобы все было так просто.

– Дело не в этом, – сказала она. – Все... очень сложно.

– Но я для того и пришел, чтобы тебя выслушать, – мягким тоном настаивал Карсон. – Тебе ведь больше не с кем поговорить.

– Все нормально, – Джулия сунула руки в карманы и пошла дальше. – У меня есть Паркер.

Карсон шел за ней.

– Вообще-то, Джулия, нам надо поговорить про Паркер.

Джулия резко обернулась. Краска схлынула с ее лица.

Что ему известно? На что он намекает?

– Нет, не надо, – прошептала она и пустилась бегом.

Она неслась по кварталу, сжимая в руках развевающуюся на ветру куртку. Зажглись фонари, и она с трудом различала дорогу, но не хотела останавливаться, пока не доберется до дома. В какой-то момент она оглянулась и с облегчением увидела, что Карсон не побежал за ней. «Нам надо поговорить о Паркер»! Не надо ей было связываться с Карсоном. Теперь он пытается вмешиваться в ее отношения с Паркер. Она никому не позволит встать между ними.

Добежав до дома, она услышала звонок. Сообщение от Авы, которая в последнее время много раз пыталась с ней связаться. «Лесли столкнули с балкона, – говорилось в сообщении. – Она в коме».

Сердце Джулии ухнуло вниз, колени подогнулись.

Еще одно имя из списка. Этого просто не может быть. Тут ее сердце замерло.

А вдруг это тоже дело рук Паркер?

Она в миллионный раз набрала номер подруги. Ответа не было. Джулия развернулась, сбежала с крыльца и бросилась к машине. Нужно срочно ехать к Аве.

На живописной пригородной улочке, где жила Ава, толпились машины полиции и скорой помощи. Свет от мигалок окрашивал ухоженные лужайки в странные цвета. Джулия оставила машину подальше от дома Авы и пошла дворами, решительно устремившись вперед, хотя и сама не знала, что ищет. Добравшись до небольшой рощицы на пригорке позади дома Авы, она огляделась по сторонам, осененная внезапным предчувствием. Паркер где-то здесь.

Она зашла глубже в лес. Всего в сотне шагов сидела, прислонившись к дереву, знакомая фигура и раскачивалась из стороны в сторону. У Джулии

перехватило дыхание. Лицо Паркер под низко надвинутым капюшоном было измазано грязью. Глаза закатились. От одного ее вида у Джулии подкосились ноги.

– Паркер, – прошептала она, садясь рядом на корточки. Она стащила капюшон с лица подруги, но та на нее не смотрела. Джулия положила руку ей на плечо. – Паркер? – негромко повторила она.

Паркер продолжала раскачиваться, бормоча что-то себе под нос и как будто не замечая Джулию. Джулия склонилась к ней, ее охватила паника.

– Паркер! – завопила она, тряся подругу за плечи.

Паркер перестала раскачиваться и затихла. Она посмотрела Джулии прямо в глаза. Ее взгляд внезапно прояснился.

– Джулия, – прошептала она. – Господи, Джулия!

В ее голосе звучал ужас. Джулия притянула ее к себе и крепко обняла.

– Все в порядке, Паркер. Все хорошо. Я с тобой.

Лицо Паркер исказилось, она громко всхлипнула.

– Кажется, я сделала что-то ужасное. Кажется, я сделала *много* всего ужасного.

Знакомый, успокаивающий голос Джулии донесся до Паркер как будто откуда-то издалека. Потом она снова услышала свое имя, на этот раз громче и ближе. Паркер сосредоточилась на голосе Джулии и наконец очнулась. Под ногами у нее была мокрая земля, а вокруг шуршали листья. Она в лесу. За домом Авы.

Дом Авы. Тут она вспомнила и все остальное.

Включилась сенсорная память: мышцы ее рук напрягаются, изо всех сил толкая Лесли; Лесли впивается ногтями в кожу Паркер, отчаянно цепляясь за нее и пытаясь восстановить равновесие; потом чувство облегчения, когда Лесли наконец разжала руки и упала, округлив губы в безмолвном вопле ужаса. Ее тело переваливается через балконную решетку и с гулким стуком падает на землю. Паркер сделала это, но, казалось, ее тело действовало на автопилоте. Она не помнила, чтобы решила это сделать.

Тут на нее нахлынули новые воспоминания. Эшли Фергюсон стоит у себя в ванной, собираясь принять душ. Она обернулась, когда Паркер подошла к ней сзади, и вскинула руки, приготовившись защищаться. Ее лицо было искажено ужасом, но особого удивления в нем не было. Паркер вспомнила, как напряглись ее запястья, когда она резко толкнула Эшли на кафельную стену душа. Как потом подогнулась ее нога, когда Эшли пнула ее в голень. Как вибрировал пол, когда голова Эшли треснулась о плитку.

А прикосновение влажной травы к ее лодыжкам, когда она ринулась в дом Грейнджера после того, как уехали остальные? Она вспомнила тяжесть ручки ножа в своей руке и удивленное выражение его лица, когда она зашла в комнату, где он стоял, обернувшись полотенцем.

– А ты что тут делаешь? – рявкнул он.

Вспышка – и вот она уже сидит в закуской на окраине города и передает толстую пачку денег немолодому седоватому мужчине в низко надвинутой шапке. Она нашла его по объявлению в интернете.

– Позаботьтесь об этом, – сказала она, и он кивнул. А потом ее отца убили на тюремном дворе.

Наконец ее мысли вернулись к самому началу: к той вечеринке в доме у Нолана. Вот Джулия передает ей скользкий пластиковый стаканчик. Она трясущимися пальцами нащупывает в кармане пузырек с цианидом. Прикрыв стакан рукой, она притворилась, что плюнула в него, как

остальные, а сама высыпала порошок в теплое пиво. А потом передала стакан Аве, которая отнесла его Нолану.

Это сделала она. Все это. Все эти провалы в памяти – ее мозг каким-то образом защищал ее от правды. Это объясняло, почему в последнее время она избегала Джулию: она не могла сказать ей правду, но и долго скрывать нечто подобное у нее бы не вышло. Джулия знала ее лучше, чем она сама.

Вдруг в ее мозгу полыхнула яркая вспышка: она ведь больше никому не рассказала, правда? Нет. Только не Филдеру. Она не могла этого сделать. Неважно, сколько раз он угощал ее кофе и насколько защищенной она чувствовала себя в его присутствии, она бы никогда ему этого не рассказала. Потому что он спросил бы ее, зачем она это сделала, и добился бы от нее ответа. Но ведь ответ очевиден, разве нет? Нолан этого заслуживал. Как и Эшли. И даже Грейнджер. Но Лесли? Внезапно перед глазами Паркер встало злобное лицо женщины, когда та накинулась на Аву в кофейне. Лесли ударила Аву. А Паркер уж точно знала, каково это.

Все вокруг закружилось с бешеной скоростью, и она впиалась пальцами в землю, чтобы вернуть себе равновесие.

– Кажется, я сделала что-то ужасное, – повторила она, испуганно глядя на Джулию. – Кажется, я сделала много всего ужасного.

– Паркер? Паркер! – кричала Джулия. – Что ты имеешь в виду? – ее глаза расширились от ужаса. – Ты же не?.. Их всех? Ты что... шла по списку?

Виски Паркер пронзила боль, голова наполнилась оглушительным шумом, но тем не менее ответ прозвучал четко:

– Они этого заслуживали.

С губ Джулии сорвался не то всхлип, не то судорожный вздох.

– Ах, Паркер, – казалось, она убита горем. – Нет, не заслуживали.

– Заслуживали, – настаивала Паркер. Она была в этом совершенно уверена. – Все они этого заслуживали.

Джулия выглядела совершенно раздавленной, но в то же время в ее глазах была решимость. Она с суровым выражением лица положила руки на плечи Паркер.

– Пообещай мне кое-что, хорошо? Не делай такого больше. С этого момента мы всегда и везде будем вместе. Я с тебя глаз не спущу. Буду возить тебя в школу и ходить на твои уроки вместо своих. Будешь ночевать у меня каждый день. Куда ты, туда и я.

Паркер кивнула. Она была слишком слаба и сбита с толку, чтобы говорить.

– Единственный, кто остался в списке, – это Клэр Колдуэлл, –

продолжала Джулия. – Мы еще можем ее спасти, Паркер. Она не заслуживает, чтобы с ней случилось что-то плохое.

Паркер сузила глаза.

– О чем ты? – фыркнула она. – Ты же сама рассказала мне, как Клэр поступила с Маккензи. Как она увела у нее парня и чуть не разрушила все ее будущее. И как Маккензи пришла к тебе в слезах. Клэр ужасный человек. Такой же ужасный, как остальные.

Джулия покачала головой.

– Нет, Паркер. Она стерва, это факт, но она не заслуживает смерти.

Паркер скретила руки на груди.

– Я должна защищать своих друзей.

Джулия накрыла ладонью руку Паркер.

– Необязательно делать это так. Это должно прекратиться, Паркер. Ты можешь это прекратить?

Паркер исподлобья глянула на подругу. Джулия казалась очень, очень расстроенной. Вдруг на нее обрушилось сознание всей тяжести содеянного. Она зажмурилась. Конечно, Джулия права: Паркер – чудовище. Она истолковала этот нелепый разговор на киноведении слишком буквально. Никто из них на самом деле не желал смерти всем этим людям.

Она с усилием сглотнула, вдруг обнаружив, что ей тяжело дышать.

– Я уже сама не знаю, что я за человек, – хрипло сказала она.

– Это ничего, – Джулия погладила Паркер по руке. – Я тебе помогу. Обещаю. Но для начала надо выбраться отсюда. Отвести тебя в безопасное место.

Паркер снова сглотнула, ощутив во рту металлический привкус.

– Ты хочешь мне помочь?

Джулия кивнула.

– Конечно. Это ведь я спрятала тело Эшли. Я уже давно тебе помогаю.

Паркер моргнула. Тело Эшли. Она что, просто бросила его там, в ванной?

– Ты знала, что я была там?

– Я догадывалась, – объяснила Джулия. – Я там все прибрала, вытерла все отпечатки. Никто никогда не узнает, что это была ты, – она оглянулась на дом Авы. – Будем надеяться, что здесь ты не оставила отпечатков. А что касается Грейнджера и Нолана, и твоего отца... что ж, я сделаю все, что смогу.

Ошеломленная Паркер душераздирающе всхлипнула и рухнула в объятия Джулии.

– Не знаю, чтобы я без тебя делала, – сквозь слезы воскликнула она. –

Я сделаю все, как ты скажешь.

– Хорошо, – кивнула Джулия. Она помогла Паркер подняться, и они вместе пошли через лес к машине Джулии. Но через несколько шагов Паркер заметила, что начинает в себе сомневаться. Что-то темное и злое, таившееся где-то глубоко в ее душе, завладевало ею, когда она делала все эти ужасные вещи. Откуда ей знать, что оно не завладеет ею снова?

Мак едва различала слова Авы сквозь ее истерические всхлипы. Она прижала телефон к уху, пытаясь разобрать хоть что-то. Наконец ей удалось собрать по кусочкам целую фразу, но она тут же об этом пожалела.

– Кто-то столкнул мою мачеху с балкона!

– Господи! – ахнула Мак. – Ава, дыши. Просто дыши, – она последовала собственному совету, принявшись делать медленные глубокие вдохи и выдохи. – Она?..

– Она жива. В коме.

Мак закрыла глаза.

– Слава богу, Ава.

– Что происходит, Мак? – Ава шмыгнула носом. – Что мы будем делать?

Мак встала и закрыла дверь своей комнаты. Родители готовили ужин внизу, но ее сестрица в последнее время частенько околачивалась поблизости. Мак не была уверена, то ли Сьерра беспокоится за нее, то ли в чем-то подозревает, но в любом случае не хотела, чтобы та слышала хоть какую-то часть этого разговора.

Действительно, что они будут делать? Теперь уже точно ясно, что это не совпадение. Убийца шел по их списку, будто по схеме обзвона, которой пользуются родители школьников, когда отменяют занятия. И это в какой-то мере их вина. Если бы они не назвали все эти имена, ничего бы не случилось.

Она снова уселась на кровать и покрепче ухватилась за телефон.

– Надо сохранять спокойствие и держаться вместе, хорошо?

– Ага, – булькнула Ава. – Самое жуткое, что убийца был у меня в доме, когда я была там.

Мак содрогнулась. Это и правда жуткая мысль. Она попыталась представить себе, что в ее доме прямо сейчас находится убийца, и похолодела от страха.

– Я могла бы ее увидеть и, возможно, даже остановить, если б только знала, – Ава опять разрыдалась.

Мак склонила голову набок.

– Я все еще не убеждена, что убийца – девушка.

– Но Алекс же сказал, что видел, как в дом Грейнджера заходила девушка, – напомнила Ава. – И вообще... не знаю. Просто мне так кажется.

Повисло неловкое молчание. Вдруг Мак кое-что поняла. Был в этой ситуации хотя бы один положительный момент. Ава точно не убийца, и она точно не думает, что убийца Мак, иначе бы не позвонила. Может, им удастся снова начать друг другу доверять.

– Слышала что-нибудь от остальных? – спросила Мак.

Ава прокашлялась.

– Я написала Джулии, но она пока не ответила. Потом попробую связаться с Кейтлин.

Мак закрыла глаза, пытаясь представить, как одна из них пробралась в дом к Аве и столкнула малознакомую женщину с балкона. Они ведь на такое неспособны, правда? Это должен быть кто-то другой.

Попрощавшись с Авой, Мак бросила телефон на кровать и принялась беспокойно расхаживать по комнате. Виолончель манила ее, но она не могла сейчас играть. Тут где-то под подушкой звякнул телефон. Она достала его и глянула на экран. Блейк прислал ей в *Snapchat* фото капкейка с розовой посыпкой – ее любимый вкус. Он пририсовал капкейку маленькие очки и усы. Каким-то образом картинка слегка подняла ей настроение.

Мак закрыла глаза. Нет, нет, нет. Но не успев сообразить, что она делает, девушка набрала номер Блейка. Один гудок... второй...

«Да что же ты делаешь?» Она быстро нажала «отбой», не дожидаясь ответа, и на всякий случай еще раз с силой ткнула пальцем в экран, чтобы убедиться, что действительно повесила трубку, а потом выключила телефон, чтобы Блейк не смог ей перезвонить. «С какой стати ты будешь общаться с Блейком после того, как он с тобой поступил?» – укорил ее внутренний голос.

Но подаренная им открытка теперь была спрятана в ее ящике с нижним бельем, под лифчиком с гигантским пушапом, который она все стеснялась надеть. Они с Клэр купили их вместе, дружно хихикая в дальней примерочной в *Victoria's Secret*.

Клэр. У Мак екнуло сердце. Клэр – единственный человек из их списка, на кого пока не напали. Сперва Нолан. Потом отец Паркер. Потом Эшли, и вот теперь Лесли.

Мак стала вспоминать, что она сказала тогда на киноведении. «Я бы сбила ее машиной, обставив все как несчастный случай». Она ведь на самом деле не собиралась этого делать, просто хотела поддержать разговор. И бога ради, это был всего лишь разговор! Но теперь, если с Клэр что-то случится, она будет винить себя до конца дней.

Сердце Мак застучало о ребра. Что если убийца – кем бы он ни был –

задумал покончить со списком сегодня?

Девушка принялась размышлять. Нужно положить этому конец. Она должна защитить свою бывшую подругу. Выход был только один. Она прихватила толстовку и побежала к машине, на ходу крикнув родителям «Скоро вернусь».

Пять минут спустя она подъехала к дому Клэр. К счастью, машина Клэр была припаркована в гараже, а в окне ее спальни на втором этаже горел свет. Мак выдохнула, собралась с силами и осмотрелась по сторонам. Вокруг были только машины, припаркованные на дорожках у домов. Никто не притаился на обочине и даже не сворачивал в квартал. Ладно. Уже лучше. Но ей все равно нужно было своими глазами убедиться, что с Клэр все в порядке.

Она торопливо подошла к входной двери и позвонила. По кафельному полу процокали каблуки. Когда миссис Колдуэлл открыла дверь, из коридора полился теплый свет и музыка Бетховена. В доме пахло домашней пастой и свежее испеченным хлебом.

– Маккензи! Как я рада тебя видеть! – широкая улыбка миссис Колдуэлл была такой искренней, что сердце Мак пронзила острая боль. Она всегда любила родителей Клэр. Они были такие милые и гораздо более расслабленные, чем ее собственные.

– Кто там, мам?

Миссис Колдуэлл обернулась к дочери с сияющей улыбкой:

– Посмотри, кто к нам пришел!

Клэр замерла на верхней ступеньке. На ней была футболка с изображением виолончели и пижамные штаны. Волосы стянуты повязкой. При виде Мак ее лицо скривилось.

– Чего тебе надо? – кисло спросила она.

Мак нервно моргнула. Вообще-то она не продумала, что собирается сказать, если окажется, что ее бывшая подруга жива и здорова. Она просто испытала такое облегчение, увидев ее, что ей было все равно, как глупо она выглядит, заявившись на порог к Клэр, как ни в чем не бывало.

– Я... э-э-э... просто зашла поздороваться, – выпалила она.

– Ну, разве это не мило? – прочиркала миссис Колдуэлл. – Хочешь горячего какао, Маккензи? И домашнего печенья с шоколадной крошкой?

– Спасибо, не надо, – ответила Мак. Миссис Колдуэлл снова одарила ее улыбкой, после чего пробормотала что-то насчет того, что оставит их поболтать наедине, и удалилась.

Мак стояла в холле, неловко переминаясь с ноги на ногу. На стене все еще висела их с Клэр фотография, сделанная несколько лет назад на сцене

Симфонического концертного зала Сиэттла. Они стояли, обнявшись, и смотрели друг на друга с такой любовью.

Потом она перевела взгляд на Клэр.

– Какие планы на вечер?

Клэр злобно уставилась на нее. Голос ее звучал едко, взгляд испепелял.

– А тебе какое дело?

– Значит, из дома выходить не собираешься?

– А что, похоже, будто я куда-то собираюсь? – она уперла руки в бока. – Чего тебе надо, Маккензи? Пришла похвастаться, что встречаешься с Оливером? – она закатила глаза. – На мой вкус он полный придурок. Меня он никогда и не интересовал.

Мак закусила нижнюю губу, собираясь ответить, что в тот вечер в ресторане у нее сложилось совсем другое впечатление.

Но все это сейчас было неважно. Главное, чтобы Клэр была в безопасности.

– Я не встречаюсь с Оливером, – выпалила Мак. – Мы просто друзья. Вообще-то я пришла, чтобы тебе это сказать, – слова вырвались у нее сами собой, будто это не было ложью. От Оливера уже несколько дней ничего не было слышно: похоже, он наконец сообразил, что к чему. – Он твой, если захочешь.

Клэр состроила гримасу.

– Не нужны мне твои объедки, – и захлопнула дверь у Мак перед носом.

И все же Мак не расстроилась. В конце концов, проблема решена. Она почти вприпрыжку пошла к машине, чувствуя невероятное облегчение. Клэр в безопасности – по крайней мере, на сегодня.

Она нажала кнопку на ключах от машины, которая в ответ приветливо пиликнула и моргнула огоньками. Открыв дверцу и собравшись сесть, Мак заметила, как по улице медленно, словно акула, ползет чья-то машина с выключенными фарами. Мак скользнула на водительское сиденье и выглянула из окна, как раз когда машина проезжала мимо дома Клэр. Ахнув, она узнала марку и модель: старенький *Subaru Outback*. Разглядев одинокую фигуру, с каменным лицом сидевшую за рулем, Мак содрогнулась.

Это что... Джулия?

– Кейтлин? Ты меня слушаешь вообще?

Голос Джереми, донесшийся из автомобильных колонок, подсоединенных по *Bluetooth* к телефону, заставил Кейтлин рывком вернуться к реальности. Мысли ее где-то блуждали, как, собственно, и ее машина. Был вечер четверга, и она уже не меньше часа бесцельно кружила по окрестностям, как часто поступала, когда ей нужно было побыть в тишине, чтобы разобраться в своих мыслях. Прищурившись, она увидела, что выехала за пределы своего квартала и оказалась на самой окраине Бэкон Хайтс.

– Прости. Я слушаю, – она попыталась вспомнить, о чем говорил Джереми. Вроде что-то насчет марафона научно-фантастических фильмов в небольшом культурном центре в Сиэтле в следующие выходные. – Отличная идея. Ах да. Девчонки из команды замучили меня вопросами насчет завтрашней хэллоуин-вечеринки у Ниссы. Ты же пойдешь со мной, правда?

– Вечеринка? – осторожно переспросил Джереми.

– Я сама не очень-то в настроении туда идти, но, может, будет весело, – сказала Кейтлин. – Нарядимся в костюмы, выпьем пива...

Джереми саркастически хмыкнул.

– Ты разве замечала за мной любовь к переодеваниям и пиву?

Кейтлин поморщилась: она очень надеялась, что он согласится без лишних разговоров.

– Я собиралась одеться чирлидершей из Вашингтонского университета, если вдруг это может тебя заинтересовать, – игриво сказала она, стараясь сохранить непринужденный тон. – Там такая коротенькая мини-юбка...

Он вздохнул.

– Ладно, ладно. Пойду, но только ради тебя. – Она услышала, как он в нерешительности сглотнул. – У тебя все в порядке? Ты какая-то странная в последнее время. Сама на себя не похожа.

– Да, все нормально. Просто устала. – Она зевнула, словно в подтверждение своих слов. – Плохо сплю в последнее время. Из-за этого трудно сосредоточиться.

– Так, значит, ничего не случилось?

Голос у Джереми был скорее смиренный, чем раздраженный. Кейтлин

ужасно не нравилось скрывать от него что-то, выстраивая между ними стену лжи. Даже в мелочах: хотя родителей уведомила полиция, Джереми она не сказала, что с ней беседовал психолог из полиции. Она могла бы легко все ему объяснить, но не стала. Дальше – хуже: а вдруг он узнает про Грейнджера? Что он о ней подумает, если узнает, что она обсуждала с одноклассницами, кого бы им хотелось убить, а потом эти люди начали умирать один за другим?

– Это из-за мачехи Авы? – догадался Джереми. Кейтлин вздохнула.

– Ага, – призналась она. Эту историю обсуждала вся школа. – Я так сочувствую Аве.

Джереми шмыгнул носом.

– Ты вроде говорила, что Ава ненавидела свою мачеху.

Упс. Кейтлин ведь и правда ему это говорила.

– Ну, ненавидела – это слишком сильно сказано, – быстро вставила она и выглянула в окно. – Знаешь что? Я, похоже, заблудилась.

– Ты где?

– На окраине города. По крайней мере, так мне кажется.

– Зачем ты заехала в такую даль? – голос его звучал резко.

Кейтлин затормозила перед выехавшим на дорогу пикапом.

– Сама не знаю, – рассеянно сказала она. – Я вроде как случайно тут оказалась.

– Наверное, не стоит нам говорить по телефону, когда ты за рулем. А тебе не стоит садиться за руль такой уставшей.

– Ага, – вздохнула она. – Позвоню тебе, как доеду до дома. И вот еще...

– Что?

– С нетерпением жду нашего киномарафона. Правда.

Джереми щелкнул языком.

– Не могу сказать, что я с нетерпением жду вечеринки, но что уж там. По крайней мере это повод посмотреть на тебя в юбке чирлидерши.

Кейтлин нажала кнопку на руле, закончив звонок, и в машине воцарилась тишина. У нее был еще один секрет от Джереми: они с Джошем в последние дни стали переписываться. Ничего серьезного, в основном просто «Привет» и «Как самочувствие?», но все-таки. Джош ведь был ее бывшим. Джереми бы это явно не понравилось.

Кейтлин знала, что ей следует прекратить общаться с Джошем, но она чувствовала себя такой виноватой из-за того, что с ним случилось. И ей было приятно с ним говорить. После травмы он стал намного спокойнее. Казалось, страсть к футболу сдавила его шею как удавка, лишая мозг

кровообращения – примерно как было с ней самой. Может, у них все же больше общего, чем она думала.

Так значит ли это, что она выбрала не того парня? «Конечно, нет, – сказала она себе. – Ты сама сказала, все дело в усталости».

По радио, включенному на минимальную громкость, передавали новости. Вдруг кое-что привлекло внимание Кейтлин, и она прибавила звук.

– Власти продолжают поиски подозреваемого в убийстве Нолана Хотчкисса, – монотонным голосом вещал диктор. – Хотчкисс умер несколько недель назад от отравления цианидом на вечеринке в доме своих родителей в Бэкон Хайтс. Полиция предполагает, что его смерть может быть связана с убийством учителя местной школы Лукаса Грейнджера, хотя доказательств этой версии пока нет. К другим новостям из Бэкон Хайтс: местонахождение семнадцатилетней Эшли Фергюсон, пропавшей без вести два дня назад, до сих пор не установлено.

Кейтлин поехала. Чудо, что они не упомянули в том же сюжете отца Паркер и мачеху Авы. Было ли это лишь вопросом времени, когда полиция обнаружит связь между всеми этими событиями?

Она свернула у знака «Стоп», потом притормозила. Местность вдруг показалась ей знакомой – особенно потрепанный захламленный дом в конце улицы. Кейтлин постучала пальцами по рулю, удивляясь сама себе. Она сама не заметила, как доехала до дома Джулии.

Кейтлин в задумчивости провела языком по зубам и медленно нажала на газ. Джулию никто не видел уже несколько дней. Она не отвечала ни на звонки, ни на сообщения. Все это вызывало тревогу. Она прячется из-за того, что сделала Эшли? Она ведь знает, что Эшли пропала? А про то, что случилось с Лесли? Как прошло ее собеседование с доктором Роуз? Джулию как будто стерли с лица земли.

Кейтлин припарковалась напротив ветхого дома Джулии, вылезла из машины и пошла по дорожке, лавируя между старыми бытовыми приборами и кучами мусора. Когда она наконец добралась до крыльца, из темноты ее окликнул грубый незнакомый голос.

– Ты что тут делаешь?

Кейтлин подпрыгнула от неожиданности и принялась вглядываться в темноту. Она с трудом различила сгорбленный силуэт в тени у входной двери. Она шагнула ближе к дому и попыталась рассмотреть маленькую понурю фигуру, чье лицо было скрыто объемным капюшоном.

– М-м, привет? – нерешительно сказала она.

– Я спросила, что ты тут делаешь.

Фигура подняла голову, и Кейтлин ахнула. Это была Джулия. Точнее, сжавшаяся, дрожащая, бледная копия Джулия. У этой девушки были те же черты лица, волосы того же цвета, но глаза ее были пустыми и безжизненными, кожа серая, тело напряжено. Она была похожа на зомби.

Кейтлин осторожно опустилась на колени рядом с ней.

– Ты в порядке?

– Ага, – Джулия отвернулась от Кейтлин, уставившись на стопку поблекших мокрых газет, намертво прилипших к полу в углу крыльца. Рядом стояли несколько надколотых горшков с высохшими бурыми растениями, от которых остались одни мертвые палки. Похоже, они тут годов с семидесятых. – Но серьезно, что ты тут делаешь?

Кейтлин встревожил холодный отстраненный тон Джулии и беспокойное выражение ее лица. Она бросила взгляд на крыльцо, не зная, куда девать глаза.

– Я... просто решила проведать тебя. Ты совсем пропала. Вот и все.

Глаза Джулии на долю секунды задержались на Кейтлин.

– Спасибо за заботу. Но в школу я больше не приду.

Ее голос звучал так решительно и твердо. Как у робота. Кейтлин вздохнула, засомневавшись, стоит ли продолжать разговор. Но все же решилась.

– Слушай, я знаю, тебе сейчас наверняка очень тяжело думать о возвращении, но это ничего. Мы будем с тобой, мы тебя защитим. К тому же, не знаю, слышала ли ты, но Эшли... в общем, она сейчас не ходит в школу. Она пропала.

– Я слышала, – сказала Джулия.

– А! – удивленно отозвалась Кейтлин. – Ну, хорошо. Тебе не кажется, что это как-то страшновато? Учитывая... ну, ты поняла. Наш список.

Джулия повернулась и уставилась на нее своими безжизненными глазами. У Кейтлин по спине побежали мурашки.

– Это страшно, – шепнула она, закрыла глаза и снова отвернулась к крыльцу. – Я очень устала, – пробормотала она.

Кейтлин кивнула и поднялась на ноги.

– Ладно, отдыхай.

Джулия с трудом встала.

– Угу, – понурившись, она заковыляла к двери.

– Увидимся завтра? – выпалила Кейтлин, поморщившись при звуке собственного голоса, звучавшего неестественно бодро.

Джулия ничего не ответила. Она открыла дверь, протиснулась в нее и закрыла ее за собой со скрипом и лязгом.

Кейтлин еще некоторое время постояла на крыльце, слишком потрясенная, чтобы сдвинуться с места. Казалось, она только что-то говорила с какой-то совсем другой девушкой. Совершенно незнакомой.

Она понимала, что надо уходить, но что-то заставило ее остаться на месте и прислушаться. Из-за двери раздался приглушенный голос Джулии. Казалось, она немного возбуждена. Когда она договорилась, наступила тишина: собеседник Джулии говорил слишком тихо, чтобы Кейтлин могла что-нибудь расслышать. Джулия сказала еще что-то, потом снова стало тихо. Может, это ее мама?

Качнулась штора, и Кейтлин отскочила назад, вдруг устыдившись, что подслушивает. Она развернулась и пошла вниз по ступенькам, как вдруг споткнулась о ржавую металлическую банку и сильно поцарапала голень.

– Вот черт! – она наклонилась, чтобы потереть больное место, и заметила в дальнем углу крыльца какой-то предмет, заткнутый между газетами и цветочными горшками. Это был склизкий пластиковый тюбик с красным значком, предупреждавшим о том, что внутри биологически опасное вещество. Кейтлин видела такой на уроках химии. Она подошла ближе и прочла надпись на этикетке: «Удобрение». А чуть ниже значилось: «Только для сельскохозяйственных нужд. Содержит цианистый калий».

Кейтлин испугалась. Она не сразу поняла, что к чему, и продолжала смотреть на этикетку, читая надпись снова и снова.

Это же именно то, чем отравили Нолана!

В пятницу днем Джулия сидела за рабочим столом, безучастно уставившись на собственный компьютер, в то время как у нее за спиной Паркер валялась на кровати, листая глянцевый журнал. На часах был полдень, и казалось очень странным быть дома, когда все знакомые в школе. Но она никогда больше туда не пойдет. Никто ее не заставит.

Джулия зашла в *Facebook*, сама толком не зная, зачем: не то чтобы она собиралась начать писать сообщения и посты, как ни в чем не бывало. Она так и представила себе свой первый пост: «Простите, что давно не писала! Была занята, оправляясь от публичного унижения, бегая от копов и прикрывая свою лучшую подругу – серийную убийцу. Веселенькие времена!»

Едва закончив вводить пароль, она увидела десятки уведомлений. Одно за другим они напоминали ей о счастливых банальностях нормальной жизни, какой у них с Паркер больше никогда не будет. Она стала читать сообщения о вечеринке Ниссы. «Кто готов начать веселье пораньше? Увидимся у меня через три часа. Вход только в костюмах!» – писала Нисса. Несколько человек ответили радостными лайками.

Джулия и забыла, что сегодня Хэллоуин-вечеринка у ее бывшей подруги. На мгновение она мысленно перенеслась в вечеринки прошлых лет – счастливые были времена. Вот Хэллоуин два года назад: она оделась танцовщицей из Вегаса – украшение из перьев на голове и блестящее платье, выгодно подчеркивавшее ее подтянутое тело. Ее без конца фотографировали для соцсетей, а потом ее наряд неофициально признали лучшим на вечеринке. Она всю ночь танцевала с подругами, в том числе и с Паркер. На прошлогодней вечеринке Паркер не было: отец избил ее как раз за несколько недель до Хэллоуина. Джулия смутно помнила, что ходила, но не особенно веселилась – была еще в стрессе.

Она почувствовала у себя на плече руку Паркер и обернулась. Подруга склонилась над Джулией, читая пост.

– Похоже, все пойдут, – пробормотала она, указывая на список комментариев под приглашением.

Джулия тоже уставилась на экран. Ее внимание привлекло одно имя – примерно посередине страницы висел комментарий Клэр Колдуэлл: «Я буду!» Джулия резко повернулась и с бешено стучащим сердцем посмотрела на Паркер. Видела ли она имя Клэр? Нет ли на ее лице тени

решительной улыбки? Джулии вспомнилось, как яростно Паркер настаивала, что Клэр тоже заслуживает наказания.

– Мы не пойдем! – выразительно сказала она.

Паркер посмотрела на Джулию как на сумасшедшую, выставив перед собой руки:

– С каких это пор я интересуюсь вечеринками?

Джулия сглотнула.

– Ладно, – медленно сказала она, – я просто на всякий случай.

Потом она закрыла глаза. Вся эта история с Паркер застала ее не в лучшей форме и окончательно довела до ручки: панические атаки, бессонница – полный комплект. Всего два дня назад она считала, что готова на все ради подруги и поклялась защитить ее любой ценой. Но теперь Джулия уже не была так уверена. Паркер ведь убивала людей собственными руками. Одно то, что Джулия об этом знала, заставляло ее чувствовать себя виноватой. Хранить эту тайну – пусть и ради Паркер – было еще хуже.

С другой стороны, как она могла сдать свою лучшую подругу полиции? Она ведь была единственной, кто поддерживал ее все это время. Джулии хотелось бы к кому-то обратиться за советом. Она подумала было связаться с Филдером, несмотря на его весьма сомнительное поведение с Паркер, но в итоге решила, что это слишком рискованно. Ему нельзя доверять, а если что-то случится с Паркер, она никогда себе этого не простит.

– Прости, – сказала Джулия, улыбнувшись Паркер. – Это все усталость и стресс. Не обращай внимания.

– Эй, я все понимаю, – ответила Паркер. – Но тебе не кажется, что от сидения взаперти становится только хуже?

Джулия напряглась.

– Нам нельзя выходить из дома... По крайней мере, пока мы не сообразим, что делать дальше.

– И долго это будет продолжаться?

– Не знаю! – Джулия понимала, что ей нужен план – возможно, план побега из города. Им нужно выбраться отсюда прежде, чем полиция во всем разберется – или прежде, чем Лесли проснется и расскажет, что ее столкнула Паркер. Но Джулию будто заклинило. Она так устала, что не могла найти в себе силы даже для того, чтобы сделать первый шаг.

Через закрытую дверь в комнату донесся тихий перезвон. Джулия и Паркер переглянулись, широко раскрыв глаза.

– Это звонок в дверь? – прошептала Паркер.

– Ага, – в груди Джулии нарастала паника. Они никого не ждали, и она была совершенно уверена, что Кейтлин и остальные поняли намек и теперь оставят ее в покое. В дверь снова позвонили.

– Джулия, ты открывать собираешься? – проскрипела миссис Реддинг откуда-то из дальнего конца коридора.

Надо было открыть дверь, но Джулии очень не хотелось оставлять Паркер одну. Наконец, она бросила на подругу строгий взгляд:

– Сиди здесь и не высовывайся, – прошипела она. – Я серьезно.

– Обещаю, – Паркер плюхнулась на кровать и подтянула колени к груди.

Джулия осторожно шла по коридору, пробираясь между коробками. Открыв дверь, она увидела перед собой детективов Макминнамин и Питерс, которые в своих костюмах с галстуками странно смотрелись на фоне захламленного двора. Их лица были убийственно серьезны. Джулия порадовалась, что велела Паркер не высовываться из комнаты.

– Здравствуйте, мисс Реддинг, – отрывисто сказал детектив Макминнамин. – Можно мы зададим вам пару вопросов?

– М-м, да, конечно, – Джулия старалась говорить нейтральным голосом, но ее мысли судорожно метались. Ей выйти и поговорить с ними на крыльце? Или тогда они решат, будто она что-то скрывает? А если они зайдут и увидят, в каком жутком состоянии дом, не усилит ли это их подозрения?

– Почему бы вам не пройти в дом? – ровным голосом сказала она, будто регулярно приглашала людей к себе домой.

Она толкнула неподатливую дверь, отпихнула ногой кучу старых одеял и провела их в гостиную. Детективы с бесстрастным видом осмотрели комнату. Их лица сохраняли невозмутимое профессиональное выражение.

Джулия прошла через захламленную комнату по узкой тропинке к дивану, о существовании которого она напрочь забыла. Она убрала с сиденья стопку покрытых плесенью журналов и положила ее на стоящую рядом колонну из коробок. Потом сдвинула высокую башню из настольных игр: «Морской бой», «Монополия», «Эрудит». Джулия не помнила, чтобы играла в них даже в детстве. Но и после этого на диване освободилось едва ли достаточно места, чтобы оба полицейских смогли сесть. Радовало только одно: в доме больше не было кошек, сотрудники службы контроля за животными забрали всех несколько дней назад. Повсюду по-прежнему пало кошачьей мочой, но, по крайней мере, вокруг офицеров не крутились десятки мохнатых созданий.

– Садитесь, пожалуйста, – Джулия указала на диван.

– Спасибо, – Макминнамин со вздохом сел, вытащив из заднего кармана блокнот.

– Спасибо, я постою, – глубоким баритоном сказал Питерс.

Джулия отодвинула корзинку с кучей косметичек, пробников и крошечных бутылочек с гостиничными шампунями и села на край журнального столика, стараясь держаться как можно естественнее. На мгновение в комнате воцарилась тишина. Джулия напряженно прислушивалась, опасаясь, не доносится ли каких-нибудь звуков из ее комнаты. Пока что Паркер сидела тихо, как мышка.

Макминнамин откашлялся.

– Джулия, мы несколько удивлены, что вы сегодня дома. Мы слышали, у вашей одноклассницы сегодня большая вечеринка по случаю Хэллоуина.

Джулия моргнула. Откуда, черт возьми, копам об этом известно? Они что, следят за всеми школьными вечеринками? Или только за последними, в свете того, что случилось с Ноланом?

– Я сейчас не в том настроении, чтобы ходить на вечеринки, – пробормотала она.

Макминнамин кивнул, как будто это было совершенно понятно.

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов об одной из ваших одноклассниц, Эшли Фергюсон. Вы, наверное, знаете, что Эшли не объявлялась дома уже несколько дней. Верно?

– Угу, – отозвалась Джулия.

Макминнамин уставился на нее своими влажными голубыми глазами.

– Семья девушки очень за нее беспокоится, и мы проверяем все возможные зацепки. Мы слышали, у вас с Эшли были какие-то разногласия.

Джулия пожала плечами.

– Эшли узнала про все это... – она широким жестом обвела рукой комнату, дом и сад. – Про патологическое накопительство моей мамы. И рассказала об этом всей школе.

Макминнамин и Питерс, моргнув, ждали продолжения.

– Но я, как могла, старалась не слишком переживать из-за этого, – она посмотрела на детективов, встретившись взглядами с Макминнамином. – Старшеклассники бывают очень жестоки.

Макминнамин сжал губы, как будто глубоко задумавшись о чем-то, потом несколько раз щелкнул ручкой.

– Где вы были во вторник вечером, после того, как покинули кабинет доктора Роуз в полицейском участке?

Джулия притворилась, что вспоминает, хотя на самом деле уже

несколько дней репетировала свой ответ.

– Я была с Паркер.

Брови Макминнамина слегка поднялись. Он глянул на Питерса, тот кивнул.

– Мы ходили по магазинам. Весь вечер, – уверенно сказала Джулия.

Офицеры уставились на нее, сузив глаза.

– С какой Паркер? – наконец спросил Макминнамин.

Джулия поборола желание закатить глаза.

– С Паркер Дюваль. Моей лучшей подругой.

Макминнамин заглянул в свой блокнот, что-то записал, потом молча переглянулся с напарником.

– Верно. Паркер Дюваль, – сказал Питерс. – Понятно.

Джулию вдруг охватил страх, что она сказала что-то не то. «Они теперь захотят допросить Паркер?»

Она была не уверена, что Паркер способна это вынести. Может, не надо было вообще ее упоминать? Может, надо было сказать, что она была с Карсоном? Он бы ее прикрыл.

Ее размышления прервал голос Макминнамина.

– Хорошо. Спасибо, что уделите нам время, Джулия, – он поднялся на ноги.

– Если вспомните еще что-нибудь, – добавил Питерс, – сообщите нам, хорошо?

– Конечно, – заверила их Джулия.

Макминнамин пожал ей руку. Питерс на прощание коснулся пальцами лба. Она проводила детективов до двери, стараясь выглядеть так, будто ей совершенно некуда спешить. Закрыв за ними дверь, она прислонилась к ней, чувствуя волну облегчения. Все было не так уж и ужасно. За исключением того, что она буквально навела разговор на Паркер. Но ведь они не стали спрашивать, где она и что с ней, и вообще никак не показали, что хотят с ней поговорить. А к тому времени, как они явятся снова, сообразив, что Паркер обычно ночует у Джулии, их и след простынет.

Но для начала ей нужно сделать один звонок. Джулия с горечью поняла, что не может справиться с этим в одиночку. Ей нужна помощь, и есть только один человек, к которому она могла обратиться, да и то это под вопросом. Джулия пробралась обратно в гостиную и села на диван. Ей не хотелось, чтобы Паркер слышала этот разговор. Она вытащила телефон из кармана и набрала в окне поиска контактов буквы Ф, И, Л. Тут же высветилось имя Эллиота Филдера. Она набрала номер.

– Паркер? – взволнованно спросил он. – Это ты?

Паркер? Джулия была в замешательстве. С какой стати ему ждать звонка от Паркер? Она инстинктивно повесила трубку и ринулась к себе в комнату, намереваясь задать подруге пару вопросов.

Но не тут-то было: комната была пуста. Джулия огляделась по сторонам. Ее сердце было готово выскочить из груди.

– Паркер? Паркер?

Тут ее взгляд упал на экран компьютера. Там по-прежнему был открыт *Facebook*, но теперь уже другая страница – профиль Мак. Джулия подошла ближе. На самом верху висела фотография Мак с каким-то незнакомым блондином. Они сидели в темной машине, склонив друг к другу головы. Очевидно, они целовались. Подпись гласила: «Шалавой была, шалавой и осталась». Фото вывесила Клэр Колдуэлл.

Джулия откинулась на спинку стула.

– Черт, – прошептала она. Она не знала, в чем дело, но в одном была уверена: Паркер видела это фото. И возможно, для нее оно стало последней каплей, как та фотография в *Instagram* у Эшли.

Она вскочила и рванула по коридору к входной двери, отчаянно пробираясь среди мусора. Она распахнула дверь. Во дворе все было тихо, на улице – никого.

Паркер сбежала.

Ава смотрела на себя в зеркало в туалете Мемориальной больницы Бэкона. Глаза красные, нос обветрился и облупился, вид измученный. Она похлопала себя пальцами по мешкам под глазами, стянула волосы в небрежный хвостик и бросила в мусорку несколько смятых бумажных платочков. Выйдя из туалета, она встретила офицера полиции, который шел в противоположном направлении. Она вздрогнула, но полицейский на нее даже не посмотрел. «А может, и стоило бы», – с содроганием подумала Ава.

Лесли была в коме, и состояние ее особо не улучшалось, но и хуже ей не становилось. Отец Авы неотлучно находился у постели жены, да и сама Ава много времени проводила в больнице. Как бы она ни ненавидела Лесли, ей хотелось поддержать отца.

Полиция провела расследование и пришла к выводу, что это был несчастный случай. Уровень алкоголя в крови у Лесли зашкаливал, она была взбудоражена. Они предположили, что она просто свалилась с балкона, не удержавшись на своих высоченных каблуках. Но все же Ава нервничала. Слава богу, у нее было безоговорочное алиби: она беседовала с отцом, когда это произошло. Но она не могла выбросить из головы мысли о желтом блокноте Грейнджера. Куда он подевался? А что если его кто-то нашел?

В каком-то смысле Ава горячо желала, чтобы Лесли очнулась. По крайней мере она могла бы рассказать, кто ее толкнул.

Ава вернулась в приемный покой и обнаружила отца на одном из неудобных диванчиков. Он держал в руках чашку кофе, который, наверное, давно остыл. Мать Лесли, Аврора Шилдс, объявившаяся всего через несколько часов после трагедии (что было ужасно неловко: они поселили ее в доме, совершенно не представляя, что делать с этой женщиной, которая жаловалась на все – от неудобных простыней до отсутствия в холодильнике соевого молока), сидела в напряженной позе напротив него, сложив руки на коленях. Миссис Шилдс бросила на Аву холодный взгляд. Интересно, что Лесли рассказывала матери о своей падчерице? Наверняка ничего хорошего.

Ава вежливо улыбнулась миссис Шилдс и подошла к отцу, усевшись рядом и положив голову ему на плечо. Он поднял голову и крепко обнял дочь. Прижавшись к отцу, Ава заглянула в бумаги, которые он читал. На

верхней странице сдержанным и благородным шрифтом было написано «Кладбище Макалистер».

Ава нахмурилась.

– Пап, надо думать о хорошем. Она ведь еще не... – она взглянула на миссис Шилдс, которая явно прислушивалась к их разговору.

Мистер Джалали кивнул, сложив бумаги.

– Я просто пытаюсь быть готовы ко всему, джигяр. К тому же мы с Авророй решили, что лучше будет посмотреть, какие у нас есть варианты, – он тоже глянул на миссис Шилдс. Тут Ава поняла, что это скорее всего была идея матери Лесли. Боже ты мой. Лесли всего несколько дней в коме, а ее мать уже подумывает о покупке участка на кладбище. Должно быть, вот почему Лесли была такой никудышной матерью: у нее перед глазами был ужасный пример.

Ава тихонько застонала, на мгновение вспомнив маму, и о том, как сильно она жалела, что отец женился на Лесли. Мистер Джалали сочувственно посмотрел на нее со слезами на глазах:

– Тебе, наверное, очень тяжело, милая. Меня все это тоже наводит на грустные воспоминания.

Ава поморщилась. Это и правда будило в ней воспоминания: они с отцом сидели в той же больнице после автокатастрофы, в которую попала мама, хоть и не так долго. Миссис Джалали умерла внезапно. Они несколько часов ждали в отделении реанимации, а потом врачи сказали, что не смогли ее спасти. С тех пор больничный запах вызывал у Авы тошноту, как и жуткие картинки на стенах и бледные напряженные лица родственников, ждавших приговора врачей: выживут их родные или нет. Узнав о смерти мамы, Ава почему-то не расплакалась, а подошла к торговому автомату и уставилась на ровные ряды закусок за стеклом. Она сунула в автомат четвертак и выбрала мамины любимые кукурузные чипсы *Bugles*, как будто это могло вернуть ее к жизни.

Ава знала, что если умрет Лесли, ее горе не будет таким же сильным. Зато ее будет мучить чувство вины. Но она понимала, как тяжело должно быть отцу. Каким бы странным ей это ни казалось, Лесли была второй любовью его жизни, а Ава у него ее отняла. Она погладила отца по руке, чувствуя, что ему нужна ее поддержка.

– У тебя есть я, а у меня – ты. Так всегда было и всегда будет. Все будет хорошо.

– Ты моя хорошая, – прошептал мистер Джалали, и Аву снова кольнуло чувство вины. Он посмотрел на нее. – У тебя разве не сегодня вечеринка в честь Хэллоуина?

Ава покачала головой.

– Я тебя не оставлю, – особенно с миссис Шилдс.

– Ах, Ава, – он вздохнул. – Иди, повеселись. Я же знаю, как ты любишь маскарады. Алекс пойдет?

Ава снова покачала головой.

– Он сегодня работает допоздна.

Впрочем, она не смогла сдержать улыбку. Теперь, когда с Алекса сняли все обвинения, отец вдруг снова вспылал к нему нежностью.

– А твои подруги? – спросил мистер Джалали. – Девочки, с которыми ты в последнее время общаешься?

Ава получила несколько смсок от Кейтлин и Мак: они спрашивали, пойдет ли она к Ниссе. Мак решила идти, чтобы присмотреть за Клэр – ведь она была единственной, кто остался в списке. Кейтлин тоже сказала, что пойдет. Ава вдруг почувствовала себя виноватой: надо пойти с ними, вместе они сильнее.

Она кивнула.

– Ладно. Схожу ненадолго. Но пап, если я тебе понадобится, или если что-то случится, позвони мне, хорошо?

– Конечно, – он тепло улыбнулся ей. Миссис Шилдс же одарила Аву таким взглядом, будто она сказала, что собирается закинуться наркотой на парковке.

Она собралась было уйти, размышляя о том, что у нее нет костюма и что надо бы принять душ, чтобы избавиться от больничного запаха. Но когда девушка дошла до двери, отец снова окликнул ее.

– Ава? – он сунул руку в карман брюк и достал какую-то небольшую хрупкую вещицу. – Я совсем забыл. Нашел это дома. Это же твое?

Она подошла к нему и протянула руку. Отец вложил находку в ее ладонь, и она некоторое время рассматривала ее. Это была красивая висячая сережка из серебряной проволоки с блестящими янтарными бусинами. Она покачала головой.

– Это не мое.

Вид у отца был озадаченный.

– Ты уверена? Это точно не сережка Лесли, а я нашел ее на полу в нашей спальне.

Ава удивленно моргнула. И вдруг ее осенило: она уже видела эти сережки. Ее сердце замерло. Глаза широко распахнулись.

– Ты нашел это в вашей спальне? – воскликнула она. Отец кивнул, склонив голову набок.

– Ну да, а что?

У Авы на языке вертелся еще один вопрос, но она не решалась задать его вслух. «В той самой спальне, с балкона которой упала Лесли?»

– Что такое? – спросил отец, подавшись вперед.

– Н-ничего. Увидимся позже. Люблю тебя.

Она резко развернулась и метнулась к двери, ошалеv от водоворота нахлынувших мыслей. Ей нужно как можно скорее добраться до вечеринки и увидеться с остальными.

Сережка принадлежала Джулии.

В пятницу вечером в Мак врезался двухметровый белый медведь и неловким жестом попытался смахнуть пролитое пиво с ее футболки своей гигантской лапицей.

– Ой, прости, – проревел он, сдавленно хихикнув. Мак узнала Сандера Денниса – они вместе ходили на химию. Его подруга, одиннадцатиклассница Пенелопа Стюард, одетая в розовую пачку, расхохоталась и побежала к бочонку с пивом, обогнув диджейскую установку.

– А где твой костюм?

Мак подняла глаза. Перед ней стоял Тед Келли из выпускного класса. На нем был синий костюм птички с надписью «Введите 140 символов». Вид у него был совершенно пьяный, хотя вечеринка только что началась.

Мак оглядела свой наряд: подвернутые джинсы мужского кроя и свитер крупной вязки.

– Не успела придумать, – ответила она.

– Отстой! – хохотнул он и удалился, пританцовывая на ходу.

Она вздохнула и снова оглядела помещение. Знал бы он, что она пришла сюда не праздновать Хэллоуин, а спасти чью-то жизнь. У нее было ужасное предчувствие, что убийца задумал напасть на Клэр именно сегодня. Обстановка идеальная: громкая музыка, суматоха, море алкоголя, куча подозреваемых.

Именно это они говорили, планируя свой розыгрыш на вечеринке Нолана.

Мак поежилась. Она просто обязана спасти Клэр. Она точно собиралась сюда – сегодня она написала в *Facebook* про свой супер-секретный костюм. Мак увидела и пост Клэр про себя: фотография, как они с Оливером целуются в машине, и гадкая подпись. Но она просто удалила пост со своей страницы и решила не заикливаться на том, что Клэр в тот вечер явно шпионила за ними. Это не должно было помешать Мак спасти бывшую подругу.

Мак зашла еще на несколько страничек в *Facebook*. У Эшли Фергюсон по-прежнему тишина, хотя несколько человек написали, что молятся за нее. Страничка Авы пестрела соболезнованиями по поводу ее мачехи, но сама Ава давно ничего не писала.

Джулия тоже в сети не показывалась. Последний пост она

опубликовала еще до той жуткой рассылки Эшли. Это была ссылка на статью «10 лучших приложений для веселых выходных». Насчет вечеринки у Ниссы она ничего не писала.

Мак закрыла глаза, вспомнив, как увидела машину Джулии у дома Клэр. Может, этому было какое-то разумное объяснение? Может, у Джулии на этой улице жили знакомые. Может, она ехала так медленно, потому что высматривала чей-то дом – а вовсе не дом Клэр. Ведь с какой стати Джулии делать все это? Зачем ей рисковать всем? Вообще-то, может, Джулия приехала к дому Клэр с той же целью, что и Мак: убедиться, что с той все в порядке. Наверняка так оно и было.

Заиграла песня Кэти Перри, народ восторженно завизжал и принялся танцевать. Мак еще раз прошлась по внутреннему дворику, обходя стороной бассейн, где группка одиннадцатиклассников затеяла шумную игру в мяч. Девчонки придерживали купальники, чтобы те не слетали во время прыжков.

И тут Мак увидела ее. Клэр, одетая в костюм конфетки из игры *Candy Crush*, сидела рядом со скрипачкой Мэйв Херли и потягивала пиво. Мак была так рада ее видеть, что едва не завопила от счастья.

Она пошла в их сторону. При приближении Мак Клэр окинула ее презрительным взглядом и принялась шептать что-то на ухо Мэйв. Та посмотрела на Мак и захихикала.

Но Мак не собиралась отступать от своей миссии.

– Привет, Клэр, – сказала она, подойдя к бывшей подруге.

Клэр озадаченно посмотрела на нее, потом наморщила нос.

– Классный костюм. Точнее, отсутствие костюма. Это костюмированная вечеринка, ты в курсе? Или это у тебя костюм ботана?

Они с Мэйв переглянулись, встали и пошли к дому.

– погоди! – закричала Мак.

Но Клэр не обернулась.

Ну и ладно. Значит, придется просто весь вечер держаться поблизости. Мак ходила за Клэр, вглядываясь в лица разодетых школьников и пытаясь понять, не следит ли еще кто-нибудь за ее бывшей подругой, выжидая момент для нападения. Но на глаза ей попадались только разудалые Мэрилин Монро, растрепанные рок-звезды, пара роботов из клипа группы *Daft Punk* и с десятков обязательных для любой Хэллоуин-вечеринки развратных кошечек, развратных ведьмочек или развратных монашек. Все они были поглощены своими напитками и фотографированием друг друга на телефон.

Мак проследовала за Клэр и Мэйв сквозь раздвижные стеклянные

двери на кухню, где на разделочной доске лежала тошнотворно реалистичная отрезанная голова. Рядом были выставлены конфеты в виде глазных яблок и нечто, отдаленно напоминавшее человеческие мозги. Пара красноглазых качков, без фантазии нарядившихся игроками сизтлской футбольной команды *Seahawks*, с виноватым видом бросились врассыпную от кухонного шкафчика, роняя на ходу банки с арахисовым маслом и коробки печенья. Они протаранили Мак, и она, пошатнувшись натолкнулась на стоявшую впереди девушку. Которой была сама Клэр.

Та повернулась, раздраженно бросив:

– Эй, поаккуратней!

– Прости, – Мак опустила глаза.

Клэр скрестила руки, склонив раскрашенную в конфетные цвета голову набок.

– Что тебе нужно, Маккензи? Зачем ты за мной ходишь? Разве непонятно, что я больше не хочу с тобой дружить?

Мак снова вспомнился пост в *Facebook*. После такого ее поведение, пожалуй, и правда выглядело странным.

– Извини. Я просто...

– Просто что? – сорвалась Клэр. – Сейчас ты просто оставишь меня в покое, вот что, – она развернулась и пошла по лестнице на второй этаж.

Мак снова бросилась ей вслед, но тут ее остановила чья-то рука. Мак вдруг оказалась лицом к лицу с Блейком, который изображал Энтони Кидиса из группы *Red Hot Chili Peppers*, закономерно щеголяя голым торсом. Мак не могла не обратить внимание на его накачанный пресс.

Блейк посмотрел на Мак, потом на Клэр, поднимающуюся по ступенькам.

– Слушай, я знаю, что тебе кажется правильным помириться с Клэр, – сказал он, стараясь перекрыть музыку, – но мне кажется, это провальная затея.

Мак отстранилась.

– Ты не понимаешь.

– Нет, понимаю, – Блейк сунул руки в карманы.

– Ты стараешься быть хорошим другом. Вы дружили сто лет. Но она изменилась, Мак. Клэр больше не та, какой ты ее помнишь.

– Мне все равно, – жестко сказала Мак. – Мне нужно убедиться, что с ней все в порядке.

– А что с ней может быть не в порядке? – ухмыльнулся Блейк. – Слишком много выпивки? Тут ты, похоже, уже опоздала. Или боишься, что она начнет обжиматься с каким-нибудь малознакомым парнем?

Мак моргнула. Этого она Блейку объяснить не могла. Но может она и правда перегибает палку? Что такого страшного может случиться с Клэр на вечеринке у Ниссы? В конце концов, она ведь сама тогда сказала, что сбила бы Клэр машиной, а этого не могло произойти, пока она в доме.

Мак стало легче дышать. Ей нужно только убедиться, что Клэр не выйдет из дома.

Она повернулась к Блейку, а тот шагнул к ней. Это было так странно: она уже несколько недель избегала его, поспешно разворачиваясь в другую сторону всякий раз, как встречала его в школьных коридорах или на парковке. А теперь, когда она видела его вблизи, он казался каким-то другим. Как будто выше, чем ей помнилось. И симпатичнее. Он стоял так близко, что его голый торс почти касался ее.

Он протянул руку и ласково коснулся волос Мак.

– Ты сегодня очень красивая.

Мак нахмурилась. Учтывая ее затрапезный вид, теперь она была уверена, что Блейк врет.

Он подошел еще на шаг ближе. Мак вдруг ощутила его извечный запах сахарной пудры и свежей выпечки.

– Я так по тебе соскучился, Макс.

Она опустила глаза.

– Блейк...

– И я надеялся – молился, – чтобы ты хоть раз снова со мной заговорила. Мне ужасно плохо, Макс. Жизнь без тебя не имеет смысла. Ты прочитала мою открытку?

Ей хотелось отрицательно покачать головой. Хотелось сказать ему, что ей нет дела до его дурацкой открытки. Но ее губы задрожали. Нужные слова никак не шли с языка. И тут он взял ее за подбородок, приподняв ее голову. Он ничего не говорил, а просто смотрел ей в глаза, и Мак распалась на части. В ее голове теснились тысячи мыслей. Можно ли ему доверять? Он казался таким искренним... но ведь он и в прошлый раз таким казался. Откуда ей знать, что теперь он говорит правду?

И все же Мак потянулась ему навстречу. Ей хотелось ему доверять. Ей это было нужно. И может быть, можно?

Шум вечеринки стих. Она запрокинула голову и закрыла глаза, с нетерпением ожидая, когда его губы вновь коснутся ее.

– Мак! – кто-то схватил ее за плечо, вернув к реальности – шумной и суматошной. Рядом стояла Ава с решительным и одновременно виноватым видом. – Мне очень-очень жаль, что я вам помешала, – сказала она, переводя взгляд с Мак на Блейка, – но нам надо поговорить.

Мак никогда не видела Аву такой взволнованной. Ее сердце застучало о ребра. Она повернулась к Блейку, открыв рот:

– М-м, прости, мне надо...

Но Ава прервала ее на полуслове и схватила за руку.

– Это срочно!

Кейтлин оправила свой костюм чирлидерши и вылезла из машины, припаркованной через несколько дворов от дома Ниссы в Южном Бэконе – одном из лучших районов города. Уже оттуда были слышны оглушительные басы, а на лужайке стояли несколько школьников и, не особо таясь, прихлебывали пиво из пластиковых стаканчиков. Среди них был Кори Трэверс, состоявший в мужской футбольной команде, хотя только недавно перешел в старшие классы.

– Эй, дамы! – крикнул он. – Отличная игра!

Кейтлин и Ванесса, которую она подвезла на вечеринку, радостно улыбнулись. Кори имел в виду их сегодняшнюю игру против школы Франклин. Они разгромили соперниц в пух и прах, и Кейтлин была очень довольна, особенно учитывая, что это была ее первая игра в качестве капитана.

Ванесса, в соответствии со своим прозвищем нарядившаяся викингом, пихнула Кейтлин локтем в бок.

– А он симпатичный!

– Да он же малолетка!

– Ну, тебя-то это не останавливает! – заметила Ванесса, стрельнув глазами в сторону Джереми, который выбрался с переднего пассажирского сиденья машины Кейтлин и шел за ними, отстав на несколько шагов.

Кейтлин покраснела и боднула Ванессу, сбив набок ее рогатый шлем. Та только рассмеялась и ускакала в гущу толпы, тряхнув светлыми косами и размахивая пластиковым щитом.

Кейтлин остановилась, дожидаясь Джереми. Он молчал всю дорогу, а теперь, шагая по двору Ниссы, выглядел несколько обиженным.

– Не обращай на нее внимания, – быстро сказала Кейтлин, надеясь, что Джереми не обиделся на комментарий насчет его возраста. – Она очень милая, если познакомиться с ней поближе, честно!

– Угу, – буркнул Джереми.

Они зашли в дом, и Джереми сжал губы, оглядывая гостей. Вид у него был напряженный и раздраженный. Кейтлин игриво ткнула его пальцем в бок, но он продолжал стоять неподвижно, явно чувствуя себя неловко в костюме лесоруба, который Кейтлин соорудила для него из того, что нашла у себя в гараже. Это была совсем не его стихия. Будь его воля, они бы сейчас сидели в подвале, смотрели «Доктора Кто» и целовались.

– Зацени, какой скелет! – прощепетала Кейтлин неестественно веселым голосом, показывая на макет человеческого скелета в натуральную величину, стоявший на крыльце. Потом она улыбнулась при виде парня в коричневой маске пришельца. – А это разве не персонаж из «Стар Трек: Следующее поколение»?

– Его жалкое подобие, да, – кисло сказал Джереми. Кейтлин схватила его за руку.

– Пойдем возьмем пива, – может, Джереми повеселеет, если немного выпьет?

Гостиная была под завязку набита потными подростками, большинство из них были уже пьяны. Несколько парней встали в кружок, поддерживая товарища, который делал стойку на руках на бочонке с пивом. Рядом целая толпа чокалась железяными шотами. Кейтлин натужно улыбалась, но чувствовала, что Джереми все это не нравится. Кэм Вашингтон, тоже игравший в мужской футбольной команде, подошел к ней и с размаху хлопнул ее по спине.

– Поздравляю с двумя голами! – бессвязно пробормотал он, распространяя вокруг себя запах алкоголя.

– Спасибо, – преувеличенно бодро ответила Кейтлин. – Ты же знаком с Джереми Фрайди?

Кэм устремил расфокусированный взгляд на Джереми.

– Э-э, нет, мы вроде не встречались.

Джереми напряг челюсть, уставившись на протянутую руку Кэма, но не стал ее пожимать. Кейтлин точно знала, о чем он думает: они с Кэмом виделись миллион раз. Он был близким другом Джоша и часто приходил к ним домой.

Он намекал, что Джереми недостаточно важная персона, чтобы его помнить.

Вдруг ее снова кто-то окликнул.

– Кейтлин!

Кейтлин повернулась, посмотрев в другой конец комнаты. Джош, одетый Дэвидом Бэксемом времен *Manchester United*, сидел в кресле, положив большую ногу на оттоманку. По его рассеянному взгляду Кейтлин поняла, что он уже выпил не один стакан пива. Она помахала ему, он махнул в ответ.

– Не распишешься на моем гипсе? – громко спросил он, протягивая толстый маркер.

Кейтлин замешкалась. Краем глаза она заметила, что лицо Джереми становится все краснее.

– Да ладно тебе! – настаивал Джош. – Ты же обещала, помнишь?

Сердце Кейтлин упало. При этих словах Джереми резко развернулся и пошел прочь. Кейтлин улыбнулась Джошу с полуизвиняющимся, полураздраженным видом, и ринулась вслед за Джереми. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Она и правда обещала Джошу расписаться на его гипсе – когда они переписывались сегодня днем.

Кейтлин вышла вслед за Джереми в коридор, где было чуть спокойнее, если не считать девушки, которую выворачивало наизнанку возле двери.

– Похоже, твой брат слегка набрался, – сказала она, стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно беззаботнее.

Джош метнул на нее быстрый взгляд.

– Я тебе вообще нравлюсь?

Кейтлин вздрогнула, удивленная его напором.

– С чего ты вдруг такое спрашиваешь?

Джереми отвел глаза.

– Просто мне кажется, что ты бы предпочла снова сойтись с моим братом. Что ты сомневаешься в своем решении.

Кейтлин вздохнула. Джереми был неглуп. С одной стороны, это ей в нем и нравилось, ведь он так тонко чувствовал ее настроение. Но с другой стороны, это все осложняло. Для них обоих.

– Нет, – сказала она. – Я не хочу снова встречаться с Джошем.

– Когда это ты с ним разговаривала?

Она пожала плечами.

– Он мне написал сегодня, попросил подписать его гипс. Я согласилась, потому что не хотела его обидеть.

Он презрительно фыркнул.

– Можно подумать, его когда-нибудь волновало, обижает ли *он* тебя.

– Это неправда, – сказала Кейтлин и глубоко вздохнула. – Джереми, нам с тобой все равно придется общаться с твоим братом. Я не собираюсь грубить ему. И ты не должен злиться на меня за то, что я просто с ним разговариваю. У нас у всех общее прошлое. Тебе придется сделать хотя бы шаг мне навстречу, пойти на компромисс. Чего ты в последнее время явно не хочешь.

Джереми сдвинул брови.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать... – сердце Кейтлин бешено колотилось. Ей так не хотелось поднимать эту тему, но внутри у нее все бурлило. Все шло не так. И она должна это сказать.

– Я хочу сказать, что я горжусь своими успехами в футболе, –

выпала она. – Да, я все еще не уверена, что буду заниматься этим всю жизнь, но пока мне это нравится, и это важная часть моей жизни. А ты... как будто бесишься из-за того, что мне это нравится.

Джереми открыл рот.

– Я злился, потому что ты сорвала наше свидание.

– Это я понимаю, – перебила она. – Но ты заставил меня чувствовать себя такой виноватой!.. Откуда мне было знать, что ты собирался вести меня на концерт? Ты же не предупредил меня заранее.

– Потому что хотел сделать сюрприз!

Кейтлин опустила глаза.

– Мне очень жаль, что так вышло. Но я не могла подвести команду. Посвящение бывает раз в году. Важно, чтобы капитаны при этом присутствовали.

Джереми пожал плечами. Кейтлин показалось, что он с трудом сдерживается, чтобы не закатить глаза. Она вздохнула и продолжила.

– А все эти люди, которых ты встретил здесь... Многие из них – мои друзья. Мне нравится ходить на вечеринки, Джереми. И если бы ты дал им шанс, возможно, они бы тебе тоже понравились.

Джереми поморщился.

– Сомневаюсь.

– Тогда, возможно, мы слишком разные, – тихо сказала Кейтлин. Она ненавидела себя за эти слова: ей совсем не хотелось отказываться от Джереми. Но в то же время она не хотела, чтобы он был несчастен рядом с ней, а прямо сейчас вид у него был совершенно несчастный.

Глаза Джереми расширились. Его лицо исказила боль. Но не успел он ответить, как к ним подбежали встревоженные Ава и Мак.

– Ты видела Джулию? – спросила Ава.

Кейтлин покачала головой. От одного имени Джулии ей стало не по себе. Ей так и не удалось избавиться от ощущения, что с Джулией творится что-то неладное. Но остальным она об этом не говорила, понадеявшись, что у Джулии просто было плохое настроение.

– Нужно найти ее, и как можно скорее, – сказала Ава.

– Зачем? – спросила Кейтлин, встревожившись еще больше.

Ава и Мак взглянули на Джереми. Он отошел с еще более раздраженным видом, чем раньше.

– Увидимся позже, – бросил он, направившись к двери.

Кейтлин поймала его за руку.

– Ты что, уходишь?

– Мне тут делать нечего, – сказал он, пробираясь сквозь толпу.

– Джереми! – завопила Кейтлин. – Как ты доберешься до дома? – он ведь приехал с ней.

Но он, не обернувшись, нырнул под висевшую в дверях мумию и вышел на улицу. Кейтлин понуро опустила плечи. Неужели она его потеряла? Неужели все кончено? Ей хотелось побежать за ним, но судя по перепуганным лицам подруг, произошло что-то серьезное.

Ава сунула что-то в руки Кейтлин.

– Я нашла это у себя дома.

И Кейтлин увидела длинную висячую сережку.

– И что?

– Это сережка Джулии. Мой отец нашел ее у себя в спальне... – Губы Авы дрожали. – В той самой спальне, с балкона которой столкнули Лесли.

– А я видела Джулию в машине у дома Клэр в среду вечером, – вставила Мак. – Она ведь живет совсем не рядом с Клэр.

Кейтлин в изумлении открыла рот.

– А я заходила к ней вчера, – призналась она. – И нашла кое-что у нее на крыльце. Удобрение. То есть это используется как удобрение, но в нем есть цианистый калий.

Мак ахнула и прикрыла рот рукой.

– И ты только сейчас нам об этом рассказываешь?

– Кто угодно может использовать такие удобрения, – возразила Кейтлин, пытаясь побороть чувство вины. – И то, что ты видела Джулию у дома Клэр, еще ничего не значит. Она могла оказаться в этом районе совсем по другой причине.

– А как же сережка? – настаивала Ава.

Кейтлин задумалась. Ей отчаянно хотелось найти хоть что-то, чтобы оправдать Джулию. Но в голову ничего не приходило. Слишком много улик указывали на нее.

– С чего Джулии так с нами поступать? – выдохнула она.

Но Ава и Мак ее не слушали. Обе они смотрели в другой конец комнаты.

Джулия все-таки пришла.

Джулия стояла в дверном проеме, выходявшем из просторной гостиной в задний коридор дома Ниссы. Вокруг сновали ведьмы, вурдалаки, несколько Кардашьян, Майли Сайрус и даже какой-то парень в костюме *Twitter*'а. Многие посматривали на нее с ужасом. Кое-кто, напротив, ухмылялся. Все, разумеется, отмечали про себя ее бледность, невымытые волосы, серую футболку *American Apparel* и черные шорты *Nike* – так себе костюм для Хэллоуина. «Джулия Реддинг совсем спятила», – читалось в их глазах. Но все это неважно. Она больше никогда их не увидит. Но сначала надо найти Паркер. Но как бы пристально она ни вглядывалась в толпу, Джулии не удавалось найти бледную блондинку в грязной черной толстовке.

У Джулии было ужасное предчувствие, что Паркер видела тот пост Клэр про Мак. «Она заслуживает этого», – сказала Паркер в тот день в лесу. «Она ужасный человек». Стал ли тот пост про Мак последней каплей для Паркер?

Она безостановочно звонила Паркер с тех пор, как обнаружила ее исчезновение, но та не отвечала. Джулия знала, что она придет сюда. Это было единственное, что она могла сделать. И это причиняло Джулии невыносимую боль. Паркер ведь обещала. Все очевидно намного хуже, чем Джулия предполагала. Паркер срочно нужна была помощь – помощь, которую Джулия была не в силах ей оказать. Оставалось надеяться, что она найдет Паркер раньше, чем та найдет Клэр.

Она почувствовала чью-то руку на своем плече и обернулась. Ава, Кейтлин и Мак окружили ее со всех сторон. Кейтлин очаровательно смотрелась в своем костюме чирлидерши, а Ава выглядела высокой и статной в простом черном платье в стиле двадцатых годов. Маккензи пришла вовсе без костюма, и вид у нее был слегка потрепанный. Все трое выглядели настороженными и почти напуганными.

– Джулия, можно с тобой поговорить? – спросила Ава.

Джулия нахмурилась.

– Мне нужно найти...

– Это очень-очень важно, – перебила Кейтлин.

Джулия посмотрела на подруг. Они наступали на нее, окружая со всех сторон.

– Ладно, – осторожно сказала она, чувствуя, как волосы у нее на

загривке встают дыбом. – Только недолго. Я тут кое-кого ищу.

Мак заметно вздрогнула. Ава взяла Джулию за руку и повела ее по длинному коридору в ту часть дома, где располагались спальни. Там было тише, хотя из комнаты Ниссы доносилось сдвоенное хихиканье и запах травки.

Джулия посмотрела на подруг, вдруг почувствовав себя неловко под их суровыми взглядами. Она нервно усмехнулась.

– Что такое? Вы меня пугаете.

Они некоторое время пристально смотрели на нее. Наконец Ава заговорила.

– Ты ничего не хочешь нам рассказать?

У Джулии засосало под ложечкой. Вообще-то она много чего хотела им рассказать... но не решалась.

– О чем? – спросила она как можно более непринужденным тоном.

Ава вытащила из кармана какой-то небольшой предмет и помахала им перед носом Джулии.

– Об этом, например?

Джулия выхватила у нее из рук свою сережку.

– Это моя сережка! Где ты ее нашла?

Вид у Авы был расстроенный.

– У себя дома. В тот день, когда напали на Лесли. В той самой комнате.

Сердце Джулии бешено застучало, лицо исказила боль. Паркер. Это она, должно быть, одолжила ее сережки.

– А я видела цианистый калий у тебя на крыльце, – тихо сказала Кейтлин. – То, чем отравили Нолана.

– А я видела, как ты проезжала мимо дома Клэр, – добавила Мак с тем же расстроенным видом.

– Джулия, что происходит? – воскликнула Ава. – Это ты все это делаешь?

Джулия напряженно нахмурилась, внезапно сообразив, к чему они клонят.

– Погодите, так вы думаете, это я? – выпалила она. С другой стороны, их подозрения вполне можно понять. Она действительно проезжала мимо дома Клэр, чтобы убедиться, что Паркер не подстерегает ее там. На крыльце у ее матери могло быть что угодно, и Паркер, разумеется, об этом знала и могла стащить кое-что в своих целях. И на Паркер были сережки Джулии в тот день, когда она столкнула Лесли с балкона.

– Я понимаю, как это выглядит, – сказала она. – Но честное слово, это не я. Вы должны мне поверить.

У Авы был разочарованный вид.

– Джулия, все указывает на тебя. Что мы, по-твоему, должны были подумать? – ее лицо исказила мучительная гримаса. – Вопрос в том, зачем? Зачем ты так с нами поступаешь?

– Просто поверьте мне, хорошо? – торопливо сказала Джулия, озираясь. Музыка стала еще громче, у нее закружилась голова. Она вытянула шею, пытаясь высмотреть Паркер в страхе, что та охотится за Клэр. – Я могу все объяснить, но сейчас некогда.

Она попыталась протиснуться мимо них, но Ава поймала ее за руку.

– Тебе придется объяснить все сейчас, – прошипела она. – Иначе мы тебя не отпустим.

И тут Джулия сорвалась.

– Пустите меня! – завопила она.

– Ну уж нет, – сказала Мак, встав позади Авы. Джулия попыталась высвободиться.

– Пустите меня! Я должна ее остановить!

Кейтлин нахмурилась. Мак склонила голову на бок. Ава еще крепче ухватила Джулию за руку.

– Кого?

Джулия окинула их безумным взглядом. Господи, как же ей не хотелось произносить это имя вслух. Как только оно слетит с ее губ, это будет означать, что она предала Паркер.

– Разве это не очевидно? – воскликнула она. – Кого сейчас нет с нами? Кто еще знал про список?

– Ты, Джулия! – почти закричала Мак. – Ты знала! Ты стоишь за всем этим!

– Нет, не я! – на глаза Джулия навернулись слезы. Она почти ощущала присутствие Паркер. Чувствовала, как та смотрит на нее и ненавидит ее. Наконец понимает, до чего Джулия плохая подруга, о чем сама Джулия знала с самого начала. Она ведь обещала Паркер сохранить все в тайне. Поклялась жизнью не рассказывать ни единой живой душе. И вот теперь она рассказывает всем.

Она закрыла лицо руками.

– Я никого не убивала. Это все Паркер! – она отстранилась от Авы. – Я просто пыталась защитить ее. И Клэр. Но Паркер больна, и если вы не поможете мне найти ее прямо сейчас, Клэр станет следующей жертвой!

Она посмотрела на подруг, ожидая увидеть на их лицах шок... и понимание. Но Ава побледнела, Кейтлин зажала рот рукой, а лицо Мак приняло почти жалостливое выражение. Казалось, все они знают что-то, о

чем не говорят Джулии.

Кожа Джулии покрылась мурашками.

– Так вы идете со мной или как? – резко спросила она.

Наконец Ава заговорила. Голос ее дрожал.

– Ты хочешь, чтобы мы пошли с тобой искать Паркер? – переспросила она.

– Паркер... Дюваль? – прошептала Мак.

– Да! – яростно сказала Джулия. – Нашу подругу. Паркер Дюваль, – она смотрела на них, часто моргая. Девочки как будто оцепенели. – Что?! – взорвалась она. – Вы вообще меня слушаете?

– Джулия, – тихо сказала Кейтлин, переглянувшись с остальными. Глаза Авы наполнились слезами. У Мак задрожал подбородок.

Кейтлин снова посмотрела на Джулию с испуганным и очень обеспокоенным видом.

– Джулия... Паркер умерла уже больше года назад.

Ава во все глаза смотрела на Джулию Реддинг – девушку, которую, как ей казалось, она хорошо знала. Та прижалась к стене, сотрясаясь всем телом.

– Нет, – прошептала Джулия. – Это неправда. Вы лжете.

Мак заплакала.

– Джулия, Паркер мертва. Ее убил отец. Он... избил ее до смерти в тот день, когда она пришла домой, наглотавшись окси.

Джулия зажала рот рукой.

– Нет, она не умерла. Она выжила.

Ава с сокрушенным видом переглянулась с остальными.

– Нет, не выжила, – мягко и печально сказала она. – У нас в школе была туча собраний по этому поводу – больше, чем из-за Нолана и Грейнджера вместе взятых. Разве ты не помнишь?

Сама Ава помнила это очень четко. Паркер убили всего через несколько недель после смерти ее матери. Ава была лишь мельком знакома с Паркер – через Нолана. Они с ним очень дружили, и Ава пару раз встречалась с Паркер дома у Нолана. После того, как они расстались и Нолан распустил про нее эти грязные сплетни, Паркер подошла к Аве, предложив ей помощь.

– Он иногда ведет себя очень гадко, – сказала она. – Хочешь, я с ним поговорю?

Ава отказалась, но была благодарна Паркер за поддержку.

Она хорошо помнила то утро, когда убили Паркер. Сперва все обставили как самоубийство: девчонка перебрала наркотиков после вечеринки. Но вскоре правда всплыла из-за многочисленных ран на теле и лице Паркер.

– Это ведь ты рассказала всем про ее отца, – дрогнувшим голосом сказала Ава. – Это благодаря тебе его арестовали. Ее мать не хотела ничего говорить.

– И ты была на ее похоронах, – вставила Мак.

– Ты даже сказала речь, – добавила Кейтлин.

Но Джулия только молча моргала. Сердце Авы разрывалось. Она читала про посттравматический стресс на занятиях по психологии в прошлом году, да и на школьных собраниях не раз об этом говорили. Это можно понять: Джулия ведь была лучшей подругой Паркер.

Но как Джулия могла так долго не замечать, что она живет в своих фантазиях? Неужели и похороны, и вся эта трагедия стерлись из ее памяти?

Кейтлин протянула руку Джулии, но та отстранилась.

– Это неправда! – закричала она так громко, что голоса в спальне Ниссы на мгновение стихли, после чего разразились истерическим смехом. – Паркер была с нами все это время. Вы что, хотите сказать, что ее не было с нами на киноведении? Это ведь она начала весь этот разговор!

Ава моргнула.

– Нет, Джулия. Это ты его начала. Ты первой сказала, кому бы ты желала смерти.

– Вообще-то ты назвала двоих, – вставила Кейтлин. – Отца Паркер... и Эшли.

Джулия покачала головой.

– Это Паркер назвала Эшли. Не я. И это она начала разговор. Она была с нами на вечеринке у Нолана. И в доме Грейнджера! – все отрицательно покачали головами, но она как будто и не заметила. – Она здесь, сейчас! Убийца – она! – голос и лицо Джулии стали практически неузнаваемыми. – Это она сделала все это, и я понимаю, что это звучит как бред, но она пыталась нам помочь. Она просто хотела нас защитить. Конечно, это неправильно. Я сама это понимаю. Но она действовала из лучших побуждений, – она подняла дрожащую руку и показала на Кейтлин. – Ты наконец обрела покой, потому что Нолана больше нет, – потом она показала на Аву. – А ты, признайся, страшно рада, что избавилась от Лесли. Твой отец наконец снова будет с тобой.

– Ш-ш-ш! – шикнула на нее Ава, широко распахнув глаза. Слишком много народу вокруг. Кто-нибудь мог их услышать.

– Паркер хотела как лучше, – настаивала Джулия, чей голос вдруг стал спокойным и холодным. Она пристально посмотрела на Мак. – Никто из этих людей не заслуживал смерти, даже Нолан. А значит, нам надо найти Паркер, прежде чем она найдет Клэр. И вы, девчонки, мне не мешаете!

Джулия вырвалась, отпихнув Мак к стенке, и побежала по коридору прежде, чем кто-нибудь из них успел среагировать. Они поспешили за ней, но она уже исчезла из вида, смешавшись с толпой.

Ава притормозила перед аморфной танцующей толпой и оглянулась на Мак.

– Где ты в последний раз видела Клэр?

Мак побледнела.

– Вроде тут, – она привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть что-нибудь поверх голов.

Вдруг в толпе раздался крик.

– Копы! – завопил мальчишечий голос.

Все завизжали. Разодетые в костюмы школьники разбегались во все стороны, бросаясь к дверям о окнам, натываясь друг на друга. Ава попыталась двигаться против течения, изо всех сил стараясь понять, куда делась Джулия.

Пока она не совершила очередное убийство.

Мак носилась из комнаты в комнату, выкрикивая имя Клэр. «Только бы она была в доме, только бы она была в доме», – лихорадочно думала она. Гости устремились в противоположном направлении, спеша скрыться от копов. Снаружи на обочине стояли полицейские машины с воющими сиренами. Мак слышала крики и топот, но они постепенно стихали. Все бежали к лесу, чтобы их не поймали. Клэр тоже бежит?

Мак выскочила во двор. Копы выстроились кругом на лужайке, пытаясь сдержать разбегающуюся толпу подростков. Один офицер прижал к губам мегафон. Его голос разносился по округе.

– Если вы находитесь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, не садитесь за руль. Мы доставим вас домой. Повторяю...

– Клэр! – крикнула Мак, когда ей показалось, что она заметила голову бывшей подруги в толпе. Никто не обернулся. Мимо нее продолжали протискиваться люди. Мак огляделась в поисках Джулии, но та тоже исчезла. Сердце бешено стучало в груди.

У Мак никак не укладывался в голове тот факт, что Джулия считала Паркер живой. Более того, она полагала, что Паркер все это время была с ними, пятой в их группе. Она утверждала, что это Паркер назвала имя Эшли в тот день на киноведении, но Джулия назвала его сама. Так что же это значило? Паркер стала вторым «я» Джулии? Джулии то и дело казалось, что она – Паркер?

Мак была поражена, что они пропустили такую серьезную вещь, хотя все происходило прямо у них под носом. Теперь ей вспомнилось, что иногда Джулия противоречила сама себе, но Мак думала, что она просто старается посмотреть на проблему с разных сторон. И ведь у Джулии не было семьи, которая могла бы заметить неладное: ее мать наверняка никогда и не интересовалась, где она. Она могла приходить и уходить, когда вздумается. Ах, если бы только они получше за ней следили! Больше ее поддерживали. Возможно, они смогли бы это предотвратить? И что самое ужасное – где Джулия сейчас?

Мимо Мак проскочила по улице какая-то тень, направляясь в противоположном от полицейских машин направлении. Мак разглядела яркий костюм и ахнула: это была Клэр, и теперь она стояла совершенно одна посреди дороги, уставившись в телефон.

– Эй! – окликнула Мак, побежав в ее сторону. – Клэр!

Клэр подняла глаза, но взгляд у нее был стеклянный. Она наморщила нос при виде Мак.

– Да отвали ты уже, – скучающим тоном сказала она.

– Уйди с дороги! – закричала Мак.

Клэр скривилась.

– С какой стати?

И в этот момент Мак услышала рев двигателя.

– Клэр! – завопила она, подбегая ближе. Снова взревел мотор. В воздухе появился кислотный запах. И вдруг из ниоткуда появилась машина, мчавшаяся прямо на Клэр.

– Нет! – Мак ринулась к Клэр. Передние фары горели ярко, заливая их обеих ослепительным светом. Машина ехала так быстро, будто водитель не замечал, что всего в сотне шагов полно полиции. Наконец Клэр подняла голову. Казалось, свет ее ослепил. Она широко открыла рот и обмякла.

– Беги! – крикнула Мак. Она подбежала к Клэр, на долю секунды опередив машину, и толкнула ее на траву. Они упали на другой стороне дороги, больно ударившись о бордюр. Клэр кричала. У Мак сперло дыхание. Машина пронеслась всего в паре дюймов от них, промчалась по кварталу и исчезла за углом.

Мак услышала позади себя тихие стоны и обернулась. Клэр сидела, вид у нее был понурый и ошарашенный.

Кисть ее левой руки покоилась на сгибе локтя правой. Она обернулась и посмотрела на Мак, широко распахнув глаза – видимо, до нее начинало доходить, что Мак ее спасла.

Не в силах произнести ни слова, Клэр опустила взгляд на свою руку. Мак тоже на нее посмотрела. Пальцы Клэр были неестественно вывернуты. Мизинец торчал в сторону под пугающим углом, явно сломанный, и не в одном месте.

– Боже мой! – воскликнула Мак. – Клэр! Твои пальцы!

Лицо Клэр было бледным как снег. Она открыла рот, будто собираясь что-то сказать, но тут ее веки затрепетали и закрылись, и она повалилась на траву.

Час спустя Кейтлин стояла рядом с Мак и Авой в полицейском участке. Офицеры сновали туда-сюда. В участке стоял переполох: со всех сторон звонили телефоны, шумели принтеры, перебивали друг друга многочисленные голоса. Сердце Кейтлин все еще учащенно билось. Она была рядом с Мак вскоре после того, как Клэр задела машина, но потом полиция и врачи со скорой отогнали их всех, отправив по домам. Но домой они ехать не могли. Нужно было приехать сюда... и сказать правду.

В дверях появился детектив Макминнамин, остановив взгляд на девушках.

– Проходите, – буркнул он.

Все молча последовали за ним. Кейтлин наморщила нос, ощутив запах застоявшегося кофе и приторной выпечки. Она вглядывалась в лица полицейских, пытаясь угадать по ним, что именно произошло сегодня ночью. Что с Клэр? Никто ничего не слышал о ней с тех пор, как ее погрузили в машину скорой помощи. Неужели ее действительно пытались сбить Джулия? Ведь их-то копы не подозревают, правда?

Детектив провел их в пустой кабинет, жестом предложив сесть.

– Нелегкая выдалась ночь, а?

Все кивнули. Ава судорожно вздохнула. Макминнамин положил руки на колени.

– Вам что-то известно, не так ли? Вы ведь поэтому пришли?

Кейтлин переглянулась с Мак и Авой. Все кивнули. Кейтлин понимала, что пора сказать правду, но все же ощущала чувство вины. Казалось неправильным сдавать Джулию полиции. Они ведь пообещали друг другу держаться вместе.

Мак глубоко вздохнула.

– Мы думаем, что это сделала Джулия Реддинг.

Макминнамин кивнул. У него дернулся кадык.

– Ну, допустим.

Кейтлин уставилась в пол.

– Она вроде как... созналась, – добавила она.

Было все еще сложно осознать случившееся. И что за человек Джулия. И что на самом деле случилось в доме у Ниссы. Но да, Джулия созналась. Вроде как. Она сказала, что это сделала Паркер. Но Паркер ведь не было в живых.

– А потом она сбежала, – вставила Ава. – Мы подозреваем, что это она напала на Клэр Колдуэлл.

Макминнамин кивнул.

– Мы тоже это подозреваем.

Клэр вскинула голову.

– Погодите. Вы тоже?

– Да, мы уже довольно давно наблюдаем за Джулией.

Кейтлин, сосредоточенно сощурившись, смотрела на полицейского, все еще не понимая, что к чему.

– Простите, но как вы догадались?

Будто по команде, в дверях возникла доктор Роуз, психолог. Одета в брючный костюм песочного цвета, она зашла в кабинет с серьезным выражением лица, держа в руках бумажный стаканчик с кофе из *Starbucks*.

– Детектив. Девушки, – доктор Роуз кивнула всем присутствующим.

Макминнамин жестом предложил ей сесть.

– Кейтлин как раз спросила меня, почему мы стали подозревать Джулию Реддинг, доктор. Не хотите ли им объяснить?

– Конечно, – доктор уселась и, собравшись с мыслями, заговорила.

– Когда мы с Джулией на днях беседовали в участке, я примерно поняла, что с ней происходит. Дома у нее царит хаос, с ней жестоко обращаются. Ей нужна была какая-то опора в жизни. Я встречала множество подобных пациентов. Это называется диссоциативное расстройство личности. Я сразу же заметила в ее поведении знакомые симптомы.

– Это когда люди считают себя то одним, то другим человеком? – спросила Ава.

– Да, Ава. Так называется расстройство, при котором некто – в данном случае Джулия – считает себя сразу двумя или даже несколькими разными людьми. И это не просто два имени, а две совершенно разные личности. Как будто два разных человека живут в одном теле. И в случае Джулией...

– Другим человеком была Паркер, – перебила Кейтлин.

– Да. Джулия считала себя то Джулией, то Паркер, а иногда обеими сразу.

Кейтлин судорожно сглотнуло. Ей вдруг стало нехорошо от больничного запаха антисептика. Она надеялась, что есть какое-то другое объяснение помимо этого. Но все было именно так. В каком-то смысле это казалось логичным. Ей вспомнилось, как странно и отстраненно держалась Джулия, когда они встретились вчера у ее дома. Она была совсем не похожа на себя. Может, в тот момент она как раз была в роли Паркер? Кейтлин ведь

почувствовала, что что-то не так. Может, ей следовало что-то предпринять? Поднять тревогу? С другой стороны, откуда ей было знать, что все настолько серьезно?

Доктор Роуз шевельнулась на стуле.

– Когда Джулия сказала детективам Макминнамину и Питерсу, что в тот вечер, когда исчезла Эшли, она гуляла с Паркер, это по сути подтвердило мои подозрения, – сказала она. – Джулия скорее всего слышит голос Паркер у себя в голове и даже видит ее, как в галлюцинации. Для Джулии она так же реальна, как я сейчас для вас. И я полагаю, – продолжила доктор Роуз, – что вы, если задумаетесь, сможете вспомнить ситуации, когда вам казалось, что вы говорите с Джулией, но на самом деле это была Паркер. Точнее, та часть личности Джулии, которая считала себя Паркер.

Кейтлин неохотно кивнула. А вслед за ней и Мак, и Ава. Вид у всех был очень виноватый. Кейтлин догадалась, что они чувствуют себя такими же одураченными, как она сама.

– Как вы думаете, почему с ней это случилось? – тихо спросила Мак.

Доктор Роуз вздохнула.

– Джулия не помогла Паркер в ту ночь, когда отец ее убил. Я полагаю, что Джулия стала идентифицировать себя с Паркер вскоре после ее смерти, потому что не могла справиться с чувством вины. Стать Паркер было единственным способом сохранить ей жизнь. К тому же Паркер давала выход копившейся в душе Джулии злости. Я так понимаю, Джулия была очень популярной и успешной девушкой – осмелюсь сказать, идеальной? Это так?

Все закивали.

– Это еще мягко сказано, – Кейтлин сухо, невесело усмехнулась. – Она была просто великолепна.

– Умная, красивая, дружелюбная... все ее обожали, – добавил Ава.

Доктор Роуз отхлебнула кофе.

– Что ж, все сходится. Джулия не могла нарушать правила, потому что охраняла свои тайны – про свою мать, свой дом. Поэтому ей нужно было поддерживать безупречную репутацию. Ей нельзя было прогуливать уроки, срывать на кого-то или иным образом выходить за рамки дозволенного. Всем нужно иногда выпускать пар, но Джулия не могла себе этого позволить. Слишком многое было поставлено на карту. Паркер, с другой стороны, была вольна говорить и делать что угодно. В том числе мстить тем, кто обидел ее или ее близких, – доктор Роуз обвела девочек взглядом. – Да, она решила отомстить Нолану Хотчкиссу, но также и Эшли Фергюсон,

которая превращала ее жизнь в ад. Полиция еще не нашла ее, но мы подозреваем худшее.

– Она напала и на мою мачеху, Лесли, – сдавленным голосом сказала Ава. – Я рассказала ей, какая она противная. Но я ведь не думала, что она...

– А еще Клэр, – Мак закрыла глаза руками. – Клэр пыталась сорвать мое прослушивание в Джульярд. Но я никогда не хотела причинить ей вреда.

Доктор Роуз удивленно переглянулась с Макминнамином, потом кивнула.

– Она мстила за ваши обиды, потому что могла себе это позволить, – пояснила психолог. – Для Паркер не существовало никаких правил. Она пересекала черту множество раз, нарушала любые границы. Уверена, вы все замечали, что иногда Джулия говорила вещи, казавшиеся несколько... неуместными?

Кейтлин снова вспомнился тот злополучный урок киноведения. Разговор, должно быть, завела «Паркер», потому что Джулия бы на такое не осмелилась. Но Джулия тут же поддержала «Паркер», почти сразу же добавив в список имя отца своей подруги. Было неприятно сознавать, что всякий раз, когда она беседовала с Джулией, ей отвечали два разных человека.

Кейтлин поерзала на неудобном стуле.

– А Джулия понимает, что в ней живут две разные личности? – поинтересовалась она.

– А может, у нее были и другие личности, помимо этих двух? – одновременно с ней спросила Ава.

Доктор Роуз склонила голову набок, задумавшись над этим вопросом.

– Насколько нам сейчас известно, это только Джулия и Паркер. Но мне придется провести с ней немало времени, прежде чем я смогу утверждать наверняка.

Все замолчали. В коридоре громко зазвонил телефон. Мимо прошел офицер, бормоча что-то себе под нос.

– Ладно, – сказала Ава, подавшись вперед. – Я понимаю, почему Джулия – или Паркер – решила убить Нолана, отца Паркер и даже Эшли. Но даже если допустить, что все это правда, с какой стати ей было убивать Грейнджера? Потому что он приставал ко мне и другим девчонкам?

– Мы полагаем, это как-то связано вот с этим. – Макминнамин вытащил из своей папки измазанный грязью конверт с надписью «Джулия Реддинг». – Мы нашли это во дворе Грейнджера в пятницу вечером.

Он вынул из конверта пачку исписанных страниц. Это был отчет,

составленный миссис Келлер, школьным психологом, во время консультации с Джулией после убийства Паркер.

– Мисс Реддинг проявляет черты тревожной, фрагментарной личности, – зачитал вслух детектив. – Складывается впечатление, что она говорит с кем-то, кого нет в помещении. Услышав вопрос об этом, мисс Реддинг пришла в крайнее возбуждение и замкнулась в себе.

Кейтлин закрыла глаза.

– Почему же миссис Келлер сразу не сообщила об этом врачу?

– Не знаю, – сказал Макминнамин. – Возможно, она не поняла, что происходит. Или просто подумала, что Джулия притворяется.

Мак вскинула голову.

– Если вы нашли это дома у Грейнджера, значит...

– Он знал, – Ава вытаращила глаза. – В смысле, про Паркер. Ну, может, он и не знал, что Джулия считает себя Паркер, но он точно догадывался, что с ней что-то не так.

– Верно, – Макминнамин потер глаза руками. – Этот отчет строго конфиденциален и должен был храниться под замком. Но учитывая, что мы узнали о сомнительных моральных качествах Лукаса Грейнджера, мы полагаем, что он заметил какие-то странности в поведении Джулии и украл отчет из кабинета психолога. О том, что он собирался с ним делать, можно только гадать.

Кейтлин нахмурилась, пытаясь восстановить полную картину.

– Так вот почему Джулия – или Паркер – убила Грейнджера? Чтобы сохранить свою тайну?

Макминнамин кивнул.

– На конверте были отпечатки Джулии, так что нам достоверно известно, что в какой-то момент он был у нее – была ли она в этот момент Джулией или Паркер, нам неизвестно. Полагаем, она нашла конверт дома у Грейнджера в ту ночь, когда вы были там.

– Джулия боялась, что Лукас Грейнджер выдаст ее, и тогда ей придется лечиться, – добавила доктор Роуз. – Видите ли, большинство моих прошлых пациентов с диссоциативным расстройством личности крайне неохотно шли на лечение. Они создали себе эти параллельные личности, чтобы выжить, заполнить какие-то существенные пробелы в своей жизни. Крошечная здравая часть их изначальной личности понимает, что потеря одной из других личностей будет похожа на смерть. В случае Джулии, если бы ей пришлось лечиться, Паркер умерла бы для нее окончательно. Джулия снова потеряла бы лучшую подругу. Это было бы для нее совершенно невыносимо.

Все кивнули, но в душе Кейтлин бушевали эмоции. С одной стороны, ей казалось, им есть на что злиться: ведь Джулия убила трех человек и подставила подруг. Но с другой стороны, как она могла винить Джулию, если та была серьезно больна?

Макминнамин откашлялся.

– Простите, что мы держали вас под подозрением так долго. Но в этой истории еще много неясностей, в которых нам не разобраться без вашей помощи. К примеру, что вы на самом деле делали дома у Грейнджера? И что случилось на вечеринке у Нолана? Я знаю, что вы в этом замешаны. Слишком многое указывает на вас.

Кейтлин вздрогнула и опустила глаза. Подруги тоже поежились.

– Мы просто хотели над ним подшутить, – выдавила она.

– Мы и подумать не могли, что он умрет, – прошептала Ава.

– Это был ужасный поступок, – добавила Мак.

Кейтлин умоляюще посмотрела на детектива.

– У нас будут из-за этого неприятности?

Макминнамин скрестил руки на груди, сдержав вздох.

– После всего случившегося мне от вас нужно только признание. И помощь в поисках Джулии. Она серьезно больна. Ее нужно поместить под присмотр, пока не случилось чего-нибудь еще. – Он кашлянул, прикрыв рот ладонью. – Именно поэтому мы приехали сегодня на вечеринку. Мы подозревали, что Джулия может прийти туда. И мы только что установили, что дома ее нет. У вас есть предположения, где она может быть? Может, у нее есть еще какой-то близкий человек, к кому она могла бы пойти?

Ава нахмурилась.

– Ну, она пару раз ходила на свидание с новеньким из нашей школы. С Карсоном.

Макминнамин покачал головой.

– Мы уже связались с Карсоном Уэллсом. Он не общался с ней несколько дней и был очень встревожен – особенно когда узнал, что ее подруга Паркер, о которой она ему рассказывала, умерла в прошлом году. Наши люди ищут ее по всему городу. Но пока мы ее не найдем, она предоставлена сама себе.

Глаза Кейтлин наполнились слезами. Джулия где-то бродит, и рядом нет никого, кто может ей помочь. Во всяком случае, никого *реально существующего*. Как же она справится в одиночку? Есть ли у нее деньги на еду и ночлег?

– Мы должны найти ее, – прошептала она.

– Вам не придется меня выслеживать, – сказал тихий сдвленный

голос.

Все вскинули головы. В коридоре стояла Джулия. Как она пробралась мимо дежурного? Кейтлин едва сдержала изумленный возглас. На Джулии была замызганная толстовка, грязные волосы свисали спутанными прядями. Лицо бледное, косметика размазана, под глазами появились черные круги. Кейтлин невольно подумала: кто перед ней сейчас – Джулия или Паркер? Ей было очень жаль обеих.

– Я здесь. И вы правы: я больна, мне нужна помощь, – Джулия сдавленно всхлипнула. – Но у меня есть одно условие.

– Мы постараемся его выполнить, – поспешно сказала доктор Роуз.

Джулия раскачивалась из стороны в сторону, стуча зубами.

– Я хочу говорить со своим психотерапевтом, и только с ним. Его зовут Эллиот Филдер.

– Передай, пожалуйста, маффины, – с набитым ртом пробормотала Ава.

Кейтлин схватила с журнального столика корзинку и протянула ее подруге, оставив на просторном угловом диване в гостиной Авы дорожку из безглютеновых крошек.

– Спасибо, – с благодарностью сказала Ава, сунув в рот маффин. – Это мои любимые.

Она готова была пуститься в рассуждения о том, что эти маффины – не только вкусная, но и здоровая еда, но Кейтлин шикнула на нее, указав на телевизор.

– Они что-то выяснили! – воскликнула Кейтлин.

Мак схватила пульт и прибавила звук. Жизнерадостная блондинка-репортер стояла перед зданием Бэкон Хайтс. Они застали ее на середине фразы.

– ...мисс Реддинг призналась в совершении трех убийств: Нолана Хотчкисса, Лукаса Грейнджера и Эшли Фергюсон, чье тело полиция вчера обнаружила на дне реки за домом Фергюсонов – на том месте, которое указала Реддинг. Трое одноклассниц Реддинг из средней школы города Бэкон Хайтс в окрестностях Сиэтла признались, что хотели подшутить над сыном сенатора Хотчкисса Ноланом, подмешав ему в напиток оксиконтин, но с них сняты все подозрения в причастности к его гибели. Девушки отделались выговором.

Ава нервно поежилась, странно себя чувствуя из-за того, что их секрет наконец раскрыт. Журналистка не назвала их имена, но все же... Посоветовавшись, девочки решили оставить в тайне и некоторые другие подробности, которые они рассказали полиции. Например, о том, как они составили список тех, кому желали смерти... и как этот список настолько впечатлил Джулию, что она решила отомстить всем их врагам. Ава не хотела рассказывать про список полиции, но было правильно полностью очистить совесть. И все же она надеялась, что полиция никогда никому об этом не расскажет. Она и представить боялась, что подумает о ней отец, если узнает.

Журналистка тем временем продолжала.

– Сама Реддинг заявила, что одноклассницы не причастны к убийствам. Как ожидается, адвокаты школьницы будут настаивать на ее

невменяемости, поскольку она, по словам экспертов, страдает раздвоением личности «в крайне острой форме».

Тут на экране появился полуразрушенный дом Джулии, вокруг которого сновали криминалисты в костюмах со значком биологической опасности, выносившие на улицу грязные коробки. В кадре появилась мать Джулии, стоявшая на крыльце в замызганном халате, с грязными волосами и безумными глазами.

– Джулия всегда была ненормальной. Ее отец знал это с самого начала.

На экране вновь возникла журналистка. Ее светлые волосы картинно развевались на ветру.

– Не пропустите: сегодня в восемь вечера наш собственный корреспондент Андерсон Купер узнает, что творилось в голове убийцы, взяв эксклюзивное интервью у ее матери. А теперь возвращаемся в студию. Слово тебе, Кейт.

Кейтлин приглушила звук, и девочки некоторое время сидели молча.

– Почему я совсем не чувствую себя лучше? – с несчастным видом спросила Мак. Кейтлин швырнула пульт на диван между ними.

– Даже не знаю, хорошо это или плохо, что нам на этой неделе можно не ходить в школу.

Вдруг в кармане пижамных штанов Авы звякнул телефон. Сообщение от Алекса: «Ты в порядке? Чем тебе помочь?»

Она улыбнулась и тут же написала ответ, попросив его зайти к ней попозже. Она была так рада, что у них все наладилось. С Алексом она чувствовала себя защищенной.

Вдруг в дверях появилась тень. Ава подняла глаза. Это был ее отец, на нем был мятый свитер и вельветовые брюки. Ава тут же вскочила.

– Папа! – встревожено воскликнула она. – Все в порядке? Что-то с Лесли?

Мистер Джалали замер в нерешительности.

– Можем поговорить наедине, джигяр?

– Конечно, – сказала Ава, пожав плечами в ответ на недоумевающие взгляды подруг, и вышла в коридор. Отец стоял, прислонившись к перилам и тревожно заламывая руки. Сердце Авы застучало. Может, и правда что-то случилось с Лесли? Или, хуже того, отец узнал, что Джулия столкнула Лесли с балкона, потому что Ава желала ей смерти? Что если теперь он ее возненавидит? Что если захочет выгнать ее из дома? Что ж, может, она это и заслужила. Ведь когда люди из их списка начали умирать один за другим и они догадались, что это не совпадение, она даже не попыталась спасти Лесли.

Наконец отец вздохнул и поднял глаза.

– Лесли пришла в себя сегодня утром.

Авы изумленно переспросила:

– Правда?

Отец кивнул, но вид у него был странный – совсем не счастливый.

– Да. И она сразу же стала говорить, что это ты во всем виновата.

Сердце Авы бешено колотилось.

– Я этого не делала! – вскрикнула она. – Ты же знаешь, я бы никогда...

– Ава, почему ты никогда мне ничего не говорила?

Она моргнула и умолкла. Вид у отца был такой печальный.

– О чем? – тихо спросила она.

Мистер Джалали закрыл глаза.

– Я поставил в доме скрытые камеры пару месяцев назад, когда Лесли начала жаловаться, что домработница ворует. Они стоят в гостиной, в столовой, в кухне.

Ава нахмурилась.

– Вот как? – Она ничего об этом не знала.

Он кивнул.

– И я только сейчас просмотрел записи. И увидел, как Лесли с тобой обращалась. И это всегда происходило в мое отсутствие. Какие вещи она говорила, джигяр! Какие ужасные слова! И ведь это все неправда. То же самое она начала говорить и сегодня, как только очнулась. Я никогда не слышал от нее ничего подобного и так удивился. Тогда-то я и решил посмотреть видео с камер.

Он грустно склонился к дочери.

– Почему же ты никогда мне об этом не рассказывала?

Ава моргнула, пораженная до глубины души.

– Потому что была не уверена, что ты станешь слушать. – Черты отца исказила боль. – Ты начал встречаться с Лесли так скоро после смерти мамы, – быстро продолжила она. – Она пришла в нашу жизнь и... совершенно тебя изменила. Я думала, она изменила и твое отношение ко мне, – Ава опустила глаза. – Я боялась, ты мне не поверишь.

Мистер Джалали, кажется, хотел возразить, но не смог произнести ни слова. Его глаза наполнились слезами. Он притянул Аву к себе и крепко обнял.

– Прости меня. Мне так жаль, – прошептал он.

Ава тоже заплакала. Они стояли, обнявшись, целую вечность. Ава не знала, что ее ждет впереди, но что-то подсказывало ей, что Лесли в нем не будет. А если и будет, то их жизнь все равно станет совсем другой. Ей вдруг

показалось, что отец наконец снова с ней, по-настоящему, и снова о ней заботится. От этой мысли она почему-то заплакала еще сильнее.

Ей вдруг вспомнилась вечеринка у Ниссы, когда Джулия сказала им, что всех этих людей убила «Паркер». «Признай, ты была бы рада избавиться от Лесли, – сказала она. – Отец снова был бы с тобой».

Это была ужасная мысль, но правдивая: теперь, когда они избавились от Лесли – или, во всяком случае, от недоверия в семье, которое она насаждала, – у Авы снова был отец. Но ведь то, что она этого хотела, не значит, что оно должно было случиться именно так. Никто не заслуживает смерти только потому, что издевается над окружающими или бьет своего ребенка, или просто ведет себя как последняя стерва.

Ава закрыла глаза. Она была не уверена, чего заслуживает сама, но одно знала точно: она никогда больше не будет ничего в жизни принимать как должное. Ни Алекса, ни отца, ни свою свободу.

И никогда не скажет ничего, о чем потом придется так сильно жалеть.

Съев еще пару маффинов и немного оставшейся с вечера тайской лапши, Мак вышла из дома Авы, не зная, ехать ли ей прямо домой или нет. Она стояла, держась за ручку дверцы своей машины, и смотрела в чистое синее небо – это был первый ясный день за несколько недель. Воздух казался свежее и прозрачнее. Листья деревьев, покачивавшиеся на ветру, были раскрашены в невероятно насыщенные оттенки зеленого, желтого и оранжевого. Даже небо казалось особенно бескрайним, а редкие облачка – пушистее обычного. Как будто все ее чувства пробудились ото сна и стали острее. И все же ей было не по себе, будто над ней висело неоконченное дело.

«Эх, была не была», – подумала Мак.

Десять минут спустя она подъехала к дому Клэр. Машина бывшей подруги стояла у гаража. Мак глубоко вздохнула, набираясь решимости, и подошла к двери. Она приготовилась к холодному приему – даже к тому, что у нее перед носом хлопнут дверь. Но знала, что попробовать все равно нужно.

Мак позвонила, прислушиваясь к знакомой трели звонка. Мгновение спустя она услышала шорох, как будто кто-то подошел к двери с той стороны. Когда дверь распахнулась, она задержала дыхание.

Клэр была одета во фланелевую пижаму, покрытую танцующими нотками. Кудрявые волосы заколоты с боков, на ногах – гигантские пушистые тапочки в виде зайчиков. Левый рукав мешковатой пижамной рубашки закатан до самого плеча, а под ним – самый толстый, жесткий и страшный гипс, какой Мак когда-либо доводилось видеть. Он закрывал всю руку Клэр от плеча до кончиков пальцев.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Ну ни фигя себе! – выпалила Мак явно не тем тоном, каким собиралась заговорить, чтобы растопить лед.

Но подняв глаза, она увидела, что Клэр усмехается, а не плачет.

– Знаю. Впечатляет.

Мак удивилась: Клэр до сих пор не выпроводила ее пинком под зад?

– Я бы скорее сказала, устрашает.

Клэр вздохнула.

– Да уж, это гипс и оружие в одном флаконе. И уже чешется. Просто ужасно.

– Паршиво.

Воцарилось неловкое молчание.

– Хочешь зайти?

Мак меньше удивилась бы, если бы Клэр стукнула ее по голове виолончелью.

– Ты уверена?

– Ну, вообще-то мне нужна помощь, – Клэр повернулась и пошла по коридору. – Не откроешь мне замороженную пиццу? Просто удивительно, сколько вещей невозможно сделать одной рукой.

Они направились в кухню, и Мак поспешила занять себя возней с морозилкой и духовкой. Она бывала на этой кухне сотни раз и за долгие годы разогрела в этой духовке не меньше триллиона пицц. Обернувшись, она заметила, что Клэр с любопытством смотрит на нее.

– Так ты поэтому весь вечер за мной ходила? – спросила она.

Мак судорожно вздохнула.

– Ну...

– Ты знала, что Джулия Реддинг собиралась на меня напасть? Мы ведь с ней едва знакомы. И все же ты ходила за мной, как будто пыталась защитить.

Мак уставилась в пол, сгорая от чувства вины.

«Потому что я внесла тебя в список людей, которым мы желали смерти». Но как она могла объяснить Клэр, что разговор, казавшийся ей совершенно невинным, пусть и циничным, обернулся инструкцией для серийного убийцы? Что это она виновата в том, что у Клэр переломаны пальцы и ее музыкальной карьере, возможно, пришел конец? Мак задумалась, не сломать ли ей пальцы себе – это стало бы достойным наказанием. Казалось нечестным, что после всего случившегося она все же отправится в Джульярд как ни в чем не бывало.

Но она не могла сказать Клэр правду. Не сейчас. А может, и никогда.

– М-м, Джулия кое-что сказала, и я поняла, что ты можешь стать следующей жертвой, – пробормотала Мак. Это было не совсем ложью. – А я не могла этого допустить.

Клэр покачала головой.

– Ужасно, что у нее вообще был список жертв.

– Знаю, – вяло ответила Мак. – Прости, что ходила за тобой по пятам, как чокнутая. Это, наверное, выглядело странно.

Клэр улыбнулась, и впервые за долгое время между ними не было ни тени вероломства и соперничества, которые, кажется, уже давным-давно стали неперемненными составляющими их дружбы. Это была улыбка

искренней благодарности, наполнившая сердце Мак теплом и счастьем. Она вдруг поняла, как скучала по Клэр все это время.

– Ты спасла мне жизнь, – просто сказала Клэр. – А ты ведь была совершенно не обязана это делать.

Мак пожала плечами.

– Конечно, обязана.

Кухню наполнил запах разогревающейся пиццы. Взгляд Мак снова упал на руку Клэр. Она спасла ей жизнь, но как насчет всего остального?

– Ты сможешь играть? – тихо спросила она.

Клэр пожала плечами.

– Врачи говорят, что дела плохи. Во всяком случае, я уже никогда не буду играть так, как раньше.

Мак закрыла глаза.

– Мне так жаль.

Клэр уселась за стол и принялась вертеть в руках солонку в форме виолончели.

– У меня было много времени, чтобы подумать. И я поняла... – Клэр посмотрела на Мак с почти смущенным видом. – Я не уверена, что вообще хочу учиться в Джульярде.

Мак нахмурилась. Конечно, Клэр так говорит, просто чтобы себя успокоить. Или у нее в голове помутилось от обезболивающих.

Клэр стукнула солонку о перечницу в форме скрипки.

– Звучит дико, я понимаю. Но я, кажется, поняла, что хотела туда поступить только потому... – она смущенно хмыкнула, – потому что ты этого хотела. Мне просто хотелось тебя обскакать. Но потом я задумалась: а чего я хочу на самом деле. И знаешь что? Оберлинский колледж, кажется, неплохой вариант. Может, буду изучать музыку, а может, и нет. Передо мной теперь открылось столько возможностей, которых раньше не было, потому что в голове у меня была одна виолончель, понимаешь?

Мак не знала, плакать ей или смеяться. После всех этих стрессов и жертв, после многих лет в оркестре и музыкальных лагерях, бесконечных репетиций, обманов и вранья, после драмы с Блейком... Клэр даже не хотела получить главный приз. Это было как в дурацком анекдоте с несмешной концовкой.

К тому же Мак поразило, с какой легкостью Клэр признала, что просто хотела ее обойти. С другой стороны, если задуматься, не вела ли она себя точно так же? Сколько она себя помнила, Мак всегда чувствовала всепоглощающее слепое стремление играть лучше, чем Клэр, репетировать больше, идеально выступить на каждом концерте, когда Клэр ошибалась,

отнять у Клэр место первой виолончели оркестра... Она действительно очень хотела поступить в Джульярд, но это было почти побочным эффектом. Мак руководил тот же дух соперничества, та же готовность пойти на что угодно ради своей цели. Разве она не доказала это, назвав имя Клэр во время того разговора на киноведении?

Вдруг Мак совершенно не к месту разразилась истерическим хохотом.

– Прости, – выпалила она. – Это совсем не смешно. Не знаю, почему я смеюсь.

Но Клэр тоже засмеялась. Сперва робко, но потом ее плечи затряслись от хохота. Девочки смеялись, захлебываясь и повизгивая.

– Серьезно, прости – снова сказала Мак. – Мне надо прекратить смеяться.

– Мне тоже, – с трудом выдавила Клэр.

Но обе продолжали смеяться, совсем как раньше: сгибаясь пополам, хватаясь за животы, утирая слезы. У Мак от смеха запотели очки. Это навевало множество приятных воспоминаний: как они с Клэр веселились в лагере или когда ночевали друг у друга после репетиций, и как однажды с ними случился настоящий припадок на концерте в Карнеги-холле при виде расстегнутой ширинки дирижера. Мак и подумать не могла, что когда-нибудь они с Клэр снова будут так смеяться – или что ей этого хотя бы захочется. Но это было так здорово.

Только после того, как Мак убрала со стола тарелки от пиццы и сунула их в посудомойку, им наконец удалось успокоиться.

– Я хотела тебе сказать, – начала Клэр, растирая онемевшие кончики пальцев левой руки, торчавшие из гипса. – Мне очень жаль, что я опубликовала в Фейсбуке ту твою фотку с Оливером. Это было гадко с моей стороны. Я просто ужасно ревновала.

Мак лишь пожала плечами. Все это казалось далеким прошлым.

– Да ничего, – мягко сказала она.

– А что у вас на самом деле происходит с Оливером? Я соврала, что он мне не нравится. Вы встречаетесь?

Мак видела в глазах Клэр искренний интерес. Тон ее вопроса показался таким знакомым: так они беседовали о мальчиках задолго до всей этой истории с Блейком.

– Нет, – ответила Мак, чувствуя себя слегка виноватой, что так долго держала Оливера в подвешенном состоянии. – У нас... как-то не сложилось.

Клэр понимающе кивнула.

– Конечно, не сложилось.

– Но он милый, – Мак тоже искренне улыбнулась. – Тебе стоит попытаться с ним счастья. Я замолвлю за тебя словечко.

И тут, будто по заказу, в кармане Мак вдруг завибрировал телефон. Не успела она выключить звук, как заиграла песня Бруно Марса – до боли знакомая песня. Черт. Она так и не сменила рингтон, который когда-то давно поставила на номер Блейка. И Клэр его узнала.

Она быстро прикрыла экран рукой и посмотрела на Клэр, испугавшись, что всей их откровенности и близости пришел конец. Но Клэр улыбалась.

– Все нормально, можешь ответить, – она склонила голову, указывая на телефон в руке Мак. – Знаешь, он ведь всегда любил тебя.

Мак затаила дыхание и сидела, не шелохнувшись. Телефон продолжал звонить.

Клэр опустила глаза.

– Я это поняла еще в тот день в Диснейленде, но соврала, когда он спросил меня, нравится ли он тебе. А потом, перед прослушиваниями, я попросила его побыть с тобой и отвлечь тебя. Я просто... – она запнулась. – Не представляла, как далеко это все пойдет. Это не его вина, Мак. Я так все обставила, что он чувствовал бы себя виноватым, если бы не сделал этого. Но сам он этого не хотел.

Мак несколько раз вздохнула, пытаясь переварить эту информацию. Было приятно, что Клэр во всем созналась. И что Блейк на самом деле говорил правду. Она вскочила со стула и крепко обняла подругу, чувствуя невероятное облегчение.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– Чего? – Клэр странно на нее посмотрела. – Я тебе признаюсь, какой я была стервой, а ты говоришь, что любишь меня?

Но в том-то и дело: Мак действительно любила ее, несмотря ни на что. Не то чтобы это обнулили все счеты. Мак всегда будет винить себя за то, что тогда назвала имя Клэр. Это всю жизнь будет маячить у нее в голове – слова, которые ей больше всего на свете хотелось взять назад.

Клэр застонала и закатила глаза.

– Ну, хватит уже телячьих нежностей! Перезвони ему!

Мак благодарно на нее посмотрела и ткнула пальцем в телефон.

– Привет, – немного робея, сказала она.

Кейтлин захлопнула дверцу шкафчика в спортивной раздевалке. Ее освободили от занятий на неделю, но футбольную команду она бросать не собиралась. Особенно сегодня, когда они играли со школой Бельвю. К тому же это первая игра с участием новеньких.

– Пошли, Кейтлин! – девчонки бежали мимо нее, на ходу поправляя головные повязки и шлепая друг друга полотенцами и толстовками. Урсула громко завопила «Юх-у-у!» и завела традиционную кричалку по пути на поле. Обернувшись через плечо, она улыбнулась Кейтлин, а та улыбнулась ей в ответ. Смешно – еще недавно Кейтлин считала Урсулу своим заклятым врагом, подозревала, что она убила Нолана и подставила их. Подслушала их роковой разговор на киноведении и придумала собственный коварный план. Теперь все это казалось таким нелепым.

С другой стороны, правда тоже казалась совершенно невыносимой. Кейтлин задумалась о Джулии. Последнее, что она слышала: ее поместили в строго охраняемую психиатрическую больницу милях в двадцати от города. В таких местах первое время не разрешают никаких посетителей, а пациенты круглыми сутками проходят интенсивную терапию. Кейтлин попыталась представить, как Джулии живется там. Что ж, по крайней мере там чисто и нет хлама. И кошек. Будет ли ей грустно расставаться с Паркер? Случилось ли это уже? А может, на такие вещи уходят месяцы, а то и годы? Доктор Роуз сказала, это похоже на смерть. Кейтлин было ужасно жаль Джулию, несмотря ни на что. Она и представить боялась, что ей пришлось бы дважды потерять Тейлора.

Снаружи раздался свисток, и это вернуло ее к реальности. Кейтлин поправила щитки на голенях, сунула в рот капу и побежала на поле за остальными. Пересекая парковку, она заметила на трибунах своих мам и улыбнулась. Между ними наконец все наладилось – впервые за очень, очень долгое время. Накануне вечером они поговорили по душам, и хотя мамы все еще сердились на нее за тот розыгрыш с Ноланом (особенно из-за того, что это был ее «окси»), они снова были на ее стороне. Кейтлин наконец призналась им, как сильно ненавидела Нолана и винила его в самоубийстве Тейлора. Она рассказала, как за последние полгода тысячу раз перечитывала дневник брата, пытаясь найти тот самый момент, когда он решил покончить с собой. Тот момент, когда она упустила самую важную подсказку.

Мамы просто смотрели на нее полными слез глазами, стараясь не разрыдаться. Потом они поплакали все вместе, и как будто наконец признали ту общую боль, которую все они испытывали каждую секунду каждого дня, но которая была слишком велика, чтобы об этом говорить. От сознания того, что все они это чувствуют, боль становилась чуть меньше.

Кейтлин вышла на поле последней. Она закрыла глаза, вдыхая прохладный вечерний воздух и вслушиваясь в звуки стадиона: гомон толпы, гудение клаксонов на трибунах, последние наставления тренера команды соперников. Только одно в ее жизни все еще не встало на свое место: Джереми. Они не общались с той вечеринки у Ниссы. Даже Джош позвонил ей на следующий день, извинившись за то, что спьяну уговаривал ее расписаться на гипсе.

– Это из-за меня мой брат ушел?

– Да нет, – ответила Кейтлин. И это было правдой: Джереми ушел из-за ее чувств, ее сомнений. Она не хотела возвращать Джоша. Да и Джош вряд ли хотел вернуть ее. После его звонка это стало яснее прежнего. Но ей было приятно, что между ними воцарился мир.

Кейтлин стянула разогревочную кофту и бросила на траву за скамейкой. Надо сосредоточиться на игре.

Она нагнулась, чтобы поправить шнурок на бутсах и вдруг заметила что-то на трибуне. Там в одиночестве сидел Джереми. Лицо его было разрисовано в цвета Бэкон Хайтс – коричневый и белый, – а в руках он держал огромный плакат с надписью «Вперед, Кейтлин!», выведенной крупными буквами.

У Кейтлин отвисла челюсть. До начала игры оставалось всего несколько минут, но она рванула к трибунам.

– Вот это да! Ну ты даешь!

Джереми робко улыбнулся.

– Я должен был прийти и поддержать тебя.

У Кейтлин на глаза навернулись слезы.

– Правда?

– Ну да. – Он улыбнулся, но тут же посерьезнел. – Я подумал над тем, что ты сказала, и понял, что ты была права. Кейтлин, я должен любить тебя такой, какая ты есть. А ты – девушка, которая играет в футбол. Которая ходит на вечеринки. И весьма привлекательная девушка. – Он коснулся ее руки. – И знаешь что? – продолжал он. – Я люблю эту девушку. И я люблю в ней все.

Сердце Кейтлин едва не лопнуло от нахлынувших эмоций. Она улыбнулась и бросилась в объятия Джереми. Она крепко обняла его,

вдыхала его запах. Так приятно быть с ним, здесь и сейчас. Так и должно быть.

Кейтлин могла бы так простоять весь вечер, но нужно было возвращаться к команде. Отпустив Джереми, она увидела, что через поле к ним бежит Мэри-Энн. На долю секунды Кейтлин решила, будто мама разозлилась, что они с Джереми обнимаются у всех на виду, но когда Мэри-Энн подбежала ближе, она разглядела на ее лице странное, напряженное и даже тревожное выражение. Такое же, как когда она обнаружила, что Тейлор покончил с собой, вспомнила Кейтлин.

Запыхавшаяся Мэри-Энн подбежала к Кейтлин, схватила ее за руку и потянула за собой.

– В чем дело? – воскликнула Кейтлин. – Что случилось?

Мэри-Энн отдышалась и посмотрела в глаза дочери.

– Джулия... сбежала из больницы!.. Она... пропала.

За окном гостиничного номера Джулии светило яркое солнце. Горизонт был усеян пальмами, по эстакаде неслись машины – близился вечерний час пик. Джулия откинулась на жесткого стула и устремила взгляд в безоблачное синее небо. Все ее тело до кончиков пальцев было расслаблено. Впервые за долгое время она была совершенно спокойна. Отсутствие стресса и страха оказывало живительный эффект.

Последние сутки она помнила смутно. Джулия понятия не имела, как далеко заехала, но это было и неважно. Достаточно было знать, что она уехала прочь от тайн и козней Бэкон Хайтс – туда, где ее никто не найдет. Она оставила все это позади, сбив их всех со следа – даже врачей, медсестер и копов. Они умны, не поспоришь, но ведь ей все равно удалось воплотить свой план в совершенстве. Она ни за что бы не осталась в психушке – в конце концов, должны же быть пределы тому, на что она готова пойти ради Паркер.

Джулию ни капельки не мучила совесть из-за того, что она наврала сотрудникам больницы. Она поступила правильно, сказав врачам, полицейским и адвокатам, что больна, и позволив им развести суету вокруг ее редкого и крайне серьезного диссоциативного расстройства личности. В конце концов, сбежать из психбольницы куда проще, чем из тюрьмы. А как еще ей было от них отделаться? Соврать, что Паркер – плод ее воображения, было единственным выходом. Она сделала это ради них обеих – ради себя и Паркер. Но Джулия-то знала правду: Паркер не менее реальна, чем она сама. И это Паркер совершила все эти преступления. Не она.

Именно Паркер и придумала этот план, еще до того, как Джулия сдалась полиции. Джулия нашла подругу в лесу, куда та убежала с вечеринки. Паркер взяла ее за плечи и сказала:

– Все будет хорошо. У нас обеих. У меня есть идея. Надо использовать Филдера.

– Филдера? – нахмурилась Джулия. – Я думала, ты его ненавидишь.

Тут Паркер и раскололась. Оказывается, она снова стала ходить к Филдеру – как к психологу и в каком-то смысле как к другу (правда, при этих словах она опустила глаза). Она сказала Джулии, что подружилась с ним, а он, кажется, трепетно относился к ней из-за того, что случилось с его матерью.

– Он придет навестить тебя в больнице, обещаю, – сказала Паркер. – А потом... – она перешла на шепот.

Джулия колебалась, но решила верить Паркер на слово. И вот она явилась в полицию. Позволила отвезти себя в больницу, связать, накачать успокоительными. Но они сразу пообещали, что попытаются связаться с Филдером. Наконец он приехал: напуганный и покрасневшийся, волосы торчат во все стороны, рубашка выбилась из брюк. Он выслушал ее. Она рассказала ему ту же байку – о том, что Паркер на самом деле не существует. Филдер кивал со слезами на глазах.

– Я хочу вылечиться, – настаивала Джулия. Филдер накрыл ее руки своими.

– Я тоже этого хочу.

А когда он отвернулся, чтобы взять пальто, она сдернула с его пиджака пропуск посетителя. Он ничего не заметил и ушел, грустно улыбнувшись ей и пообещав снова прийти на следующей неделе. Двадцать минут спустя, убедившись, что он ушел, а на смену заступила другая медсестра (Джулия была новенькой в больнице, и большинство медсестер ее еще не узнавали), она переделалась, приколола к рубашке пропуск (к счастью, на нем было написано просто «Э. Филдер», так что она могла бы сойти за Элизабет или Эльзу) и вышла из здания. Вот и все.

Жалела ли она, что использовала Филдера? Не очень. Он преследовал Паркер, а в представлении Джулии это делало его ненормальным. К тому же это ведь была затея Паркер. «Нужно идти на крайние меры, чтобы освободиться», – прошептала она в ту ночь в лесу. С Филдером все будет в порядке: возможно, поначалу охрана и заподозрит, что он помог ей сбежать. Но потом они во всем разберутся, и это не повредит его карьере. Он просто будет выглядеть идиотом.

Наблюдая, как машины замирают в пробке у съезда, Джулии заметила, что у нее урчит в животе. Нужно раздобыть какой-нибудь еды, и поскорее. Поток машин едва заметно сдвинулся. «Так много людей, – думала Джулия, – застряли в своих машинах, в своей жизни, и просто ждут, пока кто-то уберется с дороги. Но не я».

Так будет лучше, Джулия точно это знала. В Бэкон Хайтс им было больше делать нечего. На секунду ее кольнула тоска по Карсону, который был к ней так добр, но потом она напомнила себе, что он почти наверняка считает ее сумасшедшей, как и весь город. Как и ее собственная мать, судя по тем жутким интервью, которые она дала CNN, MSNBC и программе «60 минут». Лучше уж оборвать все связи разом. Надо было сделать это много лет назад.

Тут в дверь постучали, и Джулия вскочила со стула. Она рывком метнулась через комнату, мимо двух двуспальных кроватей, мимо ванной, и медленно открыла дверь. Увидев, кто стоит на пушистом ковре в коридоре, она радостно вскрикнула.

– Ну, слава богу! – воскликнула Джулия, бросившись вперед и крепко обняв худую сутулую фигуру Паркер, облаченную в извечную толстовку.

Паркер стояла в дверях, широко улыбаясь. У Джулии на лице отразилось такое облегчение, словно она боялась никогда ее больше не увидеть.

– Можно войти?

– Тебе приглашение не нужно, – засмеялась Джулия, шире распахнув дверь.

Паркер переступила порог, держа в одной руке пакет с коробочками из китайского ресторана, из которых уже начинал подтекать соус.

– Есть хочешь?

– Умираю с голода, – широко и беззаботно улыбнулась Джулия. – Слава богу, с тобой все в порядке, – выпалила она и обняла подругу.

– Да ладно тебе, – ворчливо сказала Паркер, высвобождаясь из ее объятий. – Я же боец, Джулия. Со мной всегда будет в порядке, Джулия. Ты же знаешь.

– Знаю, но ты так рисковала!

Паркер пожала плечами. Ей всего-то надо было затаиться, пока Джулия отдувалась за них обеих: сдалась полиции, лежала в больнице, а потом сбежала оттуда, четко придерживаясь плана Паркер. Она знала, где потом найти Джулию, и проехала через полстраны, не забывая тщательно прятать лицо. В конце концов, это Джулии пришлось принять удар на себя – за все, что сделала Паркер.

И Паркер всегда будет перед ней в долгу.

Она отстранилась и посмотрела подруге прямо в глаза.

– Со мной всегда будет все хорошо, пока у меня есть ты.

Джулия улыбнулась.

– Аналогично!

Они сели и набросились на еду. Паркер ела и ела, внезапно ощутив такой голод, какого не чувствовала много лет. Она снова чувствовала себя... живой. Возрожденной. Это был идеальный момент. Они были одни, но вместе. Паркер чуточку жалела, что они использовали Филдера – ведь между ними и правда возникла какая-то связь. Но об этом задумываться не стоит. Главное – это Джулия. Наконец они вместе, и никто не угрожает их дружбе. Самые лучшие на свете подруги.

И тут Паркер и Джулию. одновременно посетила мысль, будто передавая телепатически, как это иногда с ними случалось: они больше никогда не разлучатся.

Благодарности

Огромное спасибо Кэти Макги, Лэни Дэвис, Саре Шэндлер, Лесу Моргенстайну, Джошу Бэнку, Роми Голан и Кристин Маранг за их неоценимый творческий вклад в этот проект. А также Джен Клонски, Кари Сазерленд, Элис Джерман и Харпер – вы сделали этот проект еще лучше! И большущее спасибо Джен Шотц: я бы не смогла это сделать без тебя.

А еще, хоть это и вымышленная история, хочу напомнить, что нет ничего крутого в том, чтобы смеяться над окружающими, а уж тем более поступать с ними как персонажи этой книги. Будьте добрее друг к другу! Целую!

notes

СНОСКИ

1

Пусси Галор – персонаж романа и фильма «Голдфингер» о Джеймсе Бонде. Это говорящее имя можно перевести как «Царство кисок».

Kool Aid – растворимый фруктовый напиток, аналог известных в России Zuko и Yurі.